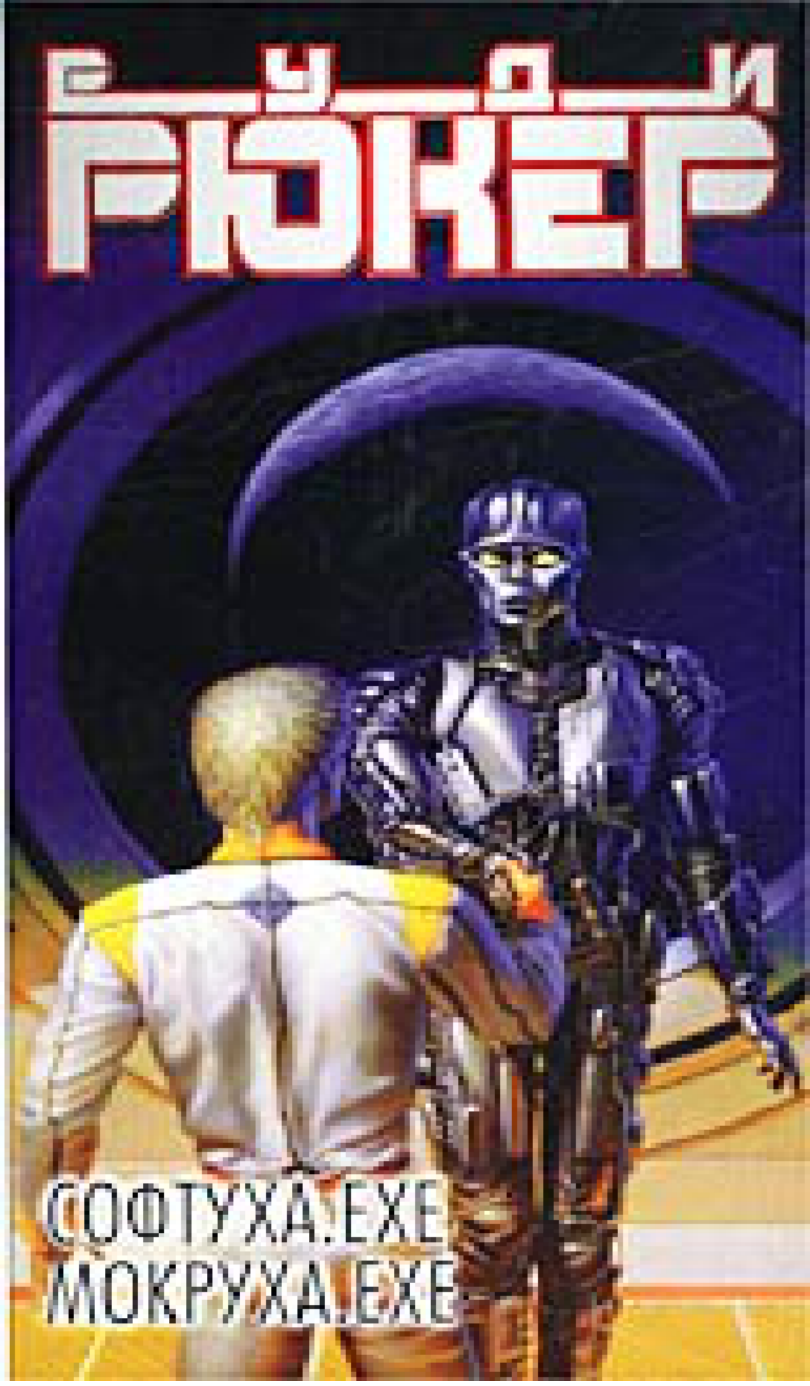
РЫЦАРЬ ПОКЕР



СОФТУХА.EXE
МОКРУХА.EXE

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Стэн Муни – частный детектив. Занятие, конечно, не ахти какое. Ведь живет он теперь на Луне и клиентов у него не так уж и много. И теперь, когда предлагают работу, отказываться не приходится.

Правда, очередное задание не предвещало ничего плохого. Найти подружку ученого, торгующего сливом, самым современным наркотиком. Вот только он еще не знает, что в своих поисках ему придется свести контакты не только с людьми, но и с бопперами...

Вторая книга киберпанк-тетралогии «Обеспечение»:

- Руди РЮКЕР
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15

Руди РЮКЕР
МОКРУХА.EXE

Посвящается Филипу К. Дику, 1928 – 1982

«Надо верить в то, что и Сизиф будет счастлив».

Глава 1
ЖИДКИЕ ЛЮДИ

26 декабря 2030 года

Был второй день Рождества. Стэн подключился. Если делать нечего и работы нет, то лучшего способа убить время, по его мнению, трудно придумать.., не считая наркотиков, конечно, но с наркотиками Стэн завязал – поскольку желал себе добра, так он всем говорил. Твист-бокс использовал чувственное восприятие, особым образом искажал его и передавал прямо в подкорку мозга. Чистейший компьютерный кайф, без всяких соматических последствий. Можно смотреть в окно и это почти интересно. Двухместные жуки оставляют за собой разноцветный спиральный след, а прохожие похожи на клоунов. Очень может быть, что вон тот, последний, плотти. Эти бопперы ни за что не желают сдаваться. Его время утекало минута за минутой, то медленнее, то быстрее.

Вызов виззи загудел где-то в промежутке между до и после. Стэн с неохотой выключил твист-бокс и придавил большим пальцем кнопку монитора. На экране появилась голова худого желтокожего мужчины с поджатыми губами. Черты незнакомца были странно расплывчатыми.

– Добрый день, – проговорил мужчина. – Я – Макс Юкава. А вы – мистер Муни?

Без анестезирующей коррекции твист-бокса собственный офис казался Стэну невыносимо скучным. Он от души понадеялся на то, что у мистера Юкавы действительно серьезные проблемы.

– Да, я Стэн Муни. «Расследование и дознание Муни».

Чем могу быть полезен, мистер Юкава?

– Речь идет об исчезновении человека. Вы не могли бы подъехать в мой офис?

– Лады.

Изображение Юкавы вздрогнуло и из виззи-принта выполз листок пластика с координатами. Адрес Юкавы и код замка его апартаментов. Большим пальцем Стэн отключил монитор и уже через несколько минут был на улице.

Снаружи был плохой воздух, но он всегда был таким – зевотный, такое для него придумали словечко. На дворе шел 2030-й. Зевотный воздух и сибум – маслянистый секрет, выделяемый человеческой кожей. Зевотный воздух и сибум и безжалостный вакуум по ту сторону куполаааааа-ах. Воздушный

купол – после вторжения люди накрыли Диски огромным куполом и дали городу новое имя – Эйнштейн. Как и старый добрый Сайгон превратился в Хошимин-Сити – по-прежнему хотелось все менять. Бопперов загнали под поверхность Луны, и те ушли, оставив после себя в Эйнштейне повсюду бомбы, взрывая их теперь по одной примерно раз в неделю – не слишком часто, чтобы заставить людей заниматься собой, но и не настолько редко, чтобы дать им расслабиться. Кроме того, нельзя было забывать и о плотти – о зомби с вживленными имплантами, которыми бопперы управляли на расстоянии. Оставалось только надеяться, что дальше дела не пойдут еще хуже.

Вот так – Муни стоял перед дорожкой путепровода, дожидаясь свободного сектора. Тот же самый тротуар, только движущийся и с креслами. Ему казалось, что он умирает. Действительно, ему казалось, что смерть его близка. Его тело было истерзано дурной химией, ему не дают покоя мучительные воспоминания, у него нет женщины рядом, он влачит жалкое существование.

– Не из-за чего печалиться, брат.

Это сказали за спиной. Стэн не сразу обернулся – прошла секунда, прежде чем он сообразил, что говорят с ним.

Запущенного вида парень, бродячий пес, да и только, по пояс голый, в линялых джинсах и с высветленным панковым гребнем. Волосы на выбритой по бокам голове парня были густо залачены и стояли высокими иглами, несколько специально оставленных длинных прядей спускалось по спине аж до самой задницы. Глядя на панка, Стэн почувствовал себя невыносимо старым. «Раньше я был другим, но сейчас я такой же пропащий». В руках панк держал несколько брошюр и смотрел на Стэна так, словно их разделяла решетка зоопарка.

– Спасибо, не надо, – ответил Стэн и отвернулся. – Я сейчас дождусь сек и уеду.

– Взгляни честно на желания, которые тайно гложут тебя изнутри. Иди к нам, брат. Слейся с Единственным.

Парень был необычным и потому казался Стэну почти симпатичным, однако его кожа выглядела странно мягкой и гладкой. Кроме того, он был явно здорово под кайфом.

Стэн нахмурился и снова покачал головой. Панк молча вручил ему брошюру, отпечатанную на дешевом тонком пластике, прикоснулся рукой к своему лбу, после чего прикоснулся той же рукой ко лбу Стэна, что, очевидно, должно было означать обмен знанием. Бедный глупый урод. Появился свободный сек. Спасшись на бегущей дорожке и расплатившись, Стэн прочитал заголовок на обложке брошюры. «Я – МЫ, ВОТ НАШ ПУТЬ, –

сообщили ему черные буквы. – МЫ ВСЕ – ЕДИНСТВЕННЫЙ!»

Из дальнейшего прочтения Стэн узнал, что разделить любовь с членами секты Единственного означает соединиться с энергией Космоса. Утверждалось, что все люди, по сути дела, аспекты одного и того же архетипа. Те же, кто хотел узнать больше об Органическом Мистицизме, приглашались посетить штаб-квартиру Церкви на шестом этаже здания ОСЦС. Вся сия мудрость и просветление исходили от милости Бей Нг, чья фотография и биография имелись на последней странице обложки брошюры. Худой морщинистый яйцеголовый азиат. Похож на здоровенный косяк.

Даже сейчас, после восемнадцати трезвых месяцев, многие вещи наводили Стэна на мысли о дури.

Мимо него неторопливо проплывали ландшафты Эйнштейна. Город был велик – с этим нельзя было не согласиться, – наверное, не меньше Манхэттена или с половину Вашингтона. И это не считая всех подлунных помещений и тоннелей.

Муравейник. Город, сооруженный разумными роботами, которым благодарные люди дали коленом под зад. Столица бопперов. Как только люди узнали, как убивать машины, дальнейшее происходило очень легко. Карбон-диоксидный лазер, источник ЭМ энергии, скрамблировал цепи бопперов, вносил в их мыслительные сигналы сумятицу. Спасая свое существование, бопперы ушли в глубь Луны. Раздумывая о бопперах, Стэн испытывал смешанные чувства. С одной стороны, машины ему нравились, поскольку отличались от обычных людей так же, как и он сам, только еще больше. Когда-то давно он даже некоторое время тусовался с ними. Но потом бопперы убили его отца.., это случилось в 2020-м. Его бедного старика, такого правильного и наивного человека. Отец немало намучился со Стэном и натерпелся, и вот теперь, год от года, казалось, наступало время Стэна собирать камни – беды сыпались на его голову без конца. Отец словно бы продолжал жить вместе с ним, был его тенью, стоял у него за спиной. «Расследование и дознание Муни». «Плюнь на все, сестренка, давай-ка лучше закинемся. Гляди, у меня есть для тебя головка».

* * *

Обиталище Юкавы скрывалось за крепкой железной дверью, куда можно было войти прямо с улицы, с мрачной мостовой из памиса, лунного камня. «Углубленное проникновение», – гласила блестящая табличка над входом. Психиатрическая консультация? Но не похоже было, чтобы ближайшее соседское окружение сколько-нибудь беспокоилось о своем душевном состоянии. Район притонов, ворья и джанки. Старушка Земля отсылала на Луну в

Эйнштейн все свое отребье.

Но то же ведь самое было и с Югом, верно. «С 1620-го осваивался рабами и преступными элементами». В 2020 году люди вернули себе Луну.

Стэн взглянул на листок Юкавы. 90 – 3 – 888 – 4772. Давай-ка набирай код, Стэн. Цифирки. Колючие маленькие цифирки. Цифры, Космос, Логика, Бесконечность.., для бопперов всего-навсего информация. Плохо это или хорошо?

О'кей, дверь отворилась. Стэн спустился по ступенькам вниз и осмотрелся. Холл или вестибюль, серый и пустой. Направо приоткрытая дверь, за которой темно. Прямо перед ним еще одна дверь, закрытая, и окошко как в банке. За толстым стеклом мелькнула физиономия Юкавы. Стэн показал ему свой листок из виззи-принта и вторая дверь поднялась и уехала вверх.

Стэн обнаружил себя (обнаружил себя?) в большой, вытянутой в длину лаборатории, с многими рабочими и письменным столом и несколькими креслами возле двери. В воздухе пахло остро и странно: бензином, эфиром, веществами с длинными структурами молекул и дурно содержащимся зверинцем, вонь которого являлась крепким фоном для всего остального. Хозяин встретил его, не поднимаясь с того, что поначалу показалось Стэну высоким трехногим стулом возле окошка с толстым стеклом. Лишь через несколько секунд до него дошло, что нижняя половина тела Юкавы.., господи, да что это с ним?

Мягкие, словно бы незастывшие голова и торс Юкавы возвышались над круглым пластиковым контейнером-ванной, установленным на трех ногах. Остальная часть его тела представляла собой желтовато-розовую массу, колыхающуюся В контейнере. Перебарывая тошноту, Стэн схватился за рот и сделал шаг назад.

– Успокойтесь, мистер Муни. Мне было немного не по себе и чтобы прийти в себя, я принял немножко слива. Действие вещества прекращается, сейчас я буду в форме. Мне нужно было успокоиться, понимаете?

Слив.., да, он уже слышал об этом чудном наркотике.

Синтетический препарат, применение которого строго преследовалось по закону. Очень строго преследовалось. «Я обхожусь без наркотиков, старик. Я торчу от жизни». Тело принявшего слив на некоторое время растекается, переходит в жидкое состояние. Очень психоделично, заморочно и весьма соблазнительно. Не поджимай его так безденежье, то лучше всего бы было тут же развернуться и уйти. Но вместо этого он принял беспечный вид.

– Гляжу, у вас тут настоящая лаборатория, мистер Юкава?

– Я молекулярный биолог.

Юкава уперся руками в бортики ванны и выбрался наружу.

Его живот, бедра и ноги отвердевали прямо на глазах. Взяв с кресла одежду, он принялся спокойно одеваться. Увидев Юкаву впервые на экране виззи, Стэн принял его за японца, но сейчас понял, что для азиата тот слишком высок и светлокож.

– С точки зрения правительства, мою лабораторию можно рассматривать и как подпольный цех по производству наркотиков, конечно. Именно потому я решил не рисковать и вместо Гимми обратился к вам. У меня была ассистентка, молодая леди по имени Делла Тэйз. Так вот, по-моему, с ней что-то случилось. Насколько я понимаю, вы подвизаетесь на почве сыска, так что…

– Все в порядке, мистер Юкава, я готов заняться вашим делом. Кстати говоря, я уже проверил вас по своей базе данных. И получил чистый ноль. Это показалось мне странным.

Юкава – уже полностью одетый, в серых брюках и белом халате – превратился в настоящего ученого. Стэн с трудом мог поверить, что всего несколько минут назад тот имел вид довольно отвратной слизи в ванне на треножнике. Ну и как, ощущеньице ?

– В свое время я был больше известен как Гибсон. Изобретатель генной инвазии.

– Так, значит, это вы.., вы тот самый ученый, что превратил себя в японца?

– Нет, нет, конечно же, это бред, на самом деле все иначе.

По не принявшему еще окончательно свою форму лицу Юкавы промелькнула улыбка.

– У меня был рак. И я нашел способ заменить некоторые из своих генов на гены девяностолетнего японца. В результате рак начал очень быстро регрессировать и больные клетки моего организма сменились новыми, здоровыми. Побочный эффект вы видите сами – в наследство я получил азиатский соматический тип. Однако это стоило того. Мое здоровье значительно улучшилось, и я надеюсь прожить еще долго. Зашел даже разговор о Нобелевской премии, но…

– Да, я помню, что случилось. Калифорнийские люди-собаки – верно? И Антихимерный Акт 2027 года. Вас приговорили к изгнанию. Так же, как и меня. Теперь вы – наркомаг, а я – завязавший с дурью наемный легавый. Так, значит, ваша девушка пропала и вы не хотите обращаться к Гимми?

Большая часть сил правопорядка – Гимми – города Эйнштейн состояла из вольнонаемных любителей-частников. Ни один

житель Луны по своей воле к Гимми никогда не обращался. В настоящее время власти предержащие представляли собой банду вымогателей и охотников за плотти. Гимми был необходимым терпимым злом.

– Совершенно верно. Давайте я покажу вам, что у меня здесь и как.

Длинный и еще волнообразный Юкава двинулся в глубь лаборатории. Было видно, что в условиях пониженной лунной гравитации он чувствует себя как нельзя лучше.

На ближайших к двери рабочих столах было смонтировано сложное электронное оборудование и расставлены многочисленные сосуды с разноцветными жидкостями. Управляемые компьютерами перегонные системы перекачивали жидкости из одного сосуда в другой. Процесс дистилляции шел полным ходом. В дальнем конце сооружения, там, где, по всей видимости, должен был выходить конечный продукт, имелась миниатюрная колонна, напоминающая нефтеперегонную. В противоположность первой группе столов столы в дальней стороне лаборатории были сплошь заставлены клетками со всевозможными животными. Звериная вонь неслась именно оттуда. Стэн подумал, что давно уже не видел настоящих зверей. Живая плоть.

– Вот, взгляните. – Юкава сдвинул две клетки. В одной находилась большая коричневая жаба, в другой бегала и тревожно нюхала воздух белая крыса. Достав из кармана халата серебристую плоскую фляжку, Юкава накапал немного жидкости на спину жабы, а потом крысы.

– Сейчас вы увидите, как происходит слив, – объявил он, открывая разъединяющие клетки дверцы.

С хищным проворством жаба набросилась на крысу. Завязалась борьба, продолжавшаяся несколько секунд. Но начался слив и плоть животных смешалась: белое и коричневое, голая кожа и шерсть. Ткани, превратившиеся в слизь, мягко обтекли осевшие скелеты зверей. Четыре глаза уставились вверх на Стэна: пара зеленых и пара розовых. Разжиженная плоть замерла, изредка спазматически содрогаясь. От наслаждения?

Говорят, что сидящие на сливе получают от взаимопроникновения острое сексуальное удовольствие.

– И что же, они так и останутся?

– Нет, обратное разделение происходит само собой. Когда действие слива прекращается, клеточные стенки образуются вновь и коллагент плоти принимает исходную форму. Слив временно раскручивает пучки белковых спиралей. В зависимости от дозы это может продолжаться от десятков минут до нескольких

часов – после тело принимает прежний вид без каких-либо последствий. Теперь, прошу вас, подойдите вот к этим клеткам.

В следующих двух клетках находилось нечто, напоминающее крысу, и нечто, похожее на жабу. С крысы облезала шерсть и на ее лапах между удлинившимися пальцами появились кожистые перепонки. В свою очередь, у жабы рос длинный розовый хвост, а в широкой пасти заметны были первые признаки зубов.

– Это химеры, – объявил Юкава, в голосе которого слышалось удовольствие. – Точно такие же, как и я сам. Все, что для этого нужно, это поддерживать их в слившемся состоянии, добавляя катализатор понемногу время от времени. В результате происходит взаимообмен генов и ослабление иммунной системы.

– Еще бы. С ума можно сойти. И тот японец, с которым сливались вы, он тоже стал похож на вас?

Юкава поморщился.

– Да, в некотором роде. Мы вместе победили рак, и мой японский коллега несколько омолодился. Сейчас он известен многим под именем Бей Нг. Здесь, в Эйнштейне, он является главой религиозной секты, которая в действительности представляет собой фасад одного из филиалов ОСЦС. Бей много сил приложил к тому, чтобы присвоить себе мои заслуги и славу. Он хитрый и беспринципный человек. Но хватит о нем. Я хочу, чтобы вы взглянули вот на это. Это мое последнее достижение в экспериментах с животными: универсальная жизненная форма.

В самом дальнем углу лаборатории имелся большой забранный прочной металлической сеткой загон. По полу загона с трудом передвигалось вызывающее жалость мокрое, еле волочащее лапы существо – амальгамация перьев и когтей. Хитин, Господи помилуй! – и шерсть, а на голове: а) длинные щупальца; б) рыло; в) выпученные глаза и присоски; д) жабры. Жабры на Луне!

– Извините, Юкава, но, по-моему, это чистой воды безобразие! Бесцельное уродование какое-то.

Заслышав голос Стэна, несчастное существо подползло к металлической сетке и подтянуло свое тело вверх, уцепившись за проволоки пальчиками тонких розовых ручек.

– Молодец, Артур, – довольно проговорил Юкава. – Очень хорошо.

Вытащив из кармана лабораторного халата кусочек какого-то лакомства, он скормил его своему творению. Где-то в глубине лаборатории зажужжал таймер.

– Ну хорошо, вернемся к делу. – Юкава изобразил на лице правильную U-образную улыбку. – Сам не знаю, для чего я вам все это показываю. Возможно, всему виной одиночество – я так устал

быть один. Во время двух прошедших лет Делла была моим единственным товарищем. Пройдемте.

Юкава указал рукой на окошко, из которого можно было видеть вестибюль, и вслед за хозяином Стэн двинулся обратно. Снаружи в холле, за другой дверью уже зажегся свет.

– Вставать – подниматься! – пропел Юкава в укрепленный на письменном столе микрофон. – Сеанс окончен, миссис Беллер.

Стэна осенило.

– Вы позволяете людям закидываться сливом прямо здесь, у вас? Торгуете в розницу и держите комнату для любовных оргий?

– В рамках вашей вульгарной терминологии, да, это так. Как ученый, я считаю возможным вести исследования в различных направлениях. Да, я продаю слив оптом и в розницу – если вам так угодно. Хотя ничего плохого в моем сливе нет, уверяю вас. Конечно, продукт приводит к сильной аддикции, но нет ничего невозможного – если кто-то желает отказаться от него, я имею в продаже замечательно подобранный блокиратор.

За окном дверь из освещенной комнаты отворилась. Из двери появились двое – большеротая брюнетка и ее приятель.

На нем была черно-белая спортивная рубашка для боулинга с вышитым на нагрудном кармашке именем: «Рикардо». Брюнетка была горячей штучкой. Лица брюнетки и ее приятеля казались размягченными и утомленными и шли они, держась за руки.

Юкава нажал на столе кнопку – снаружи из стены под окошком выдвинулась ячейка.

– Завтра в то же время, миссис Беллер?

– Дикий кайф, Макс, – томно отозвалась блондинка, опуская деньги в ячейку. Да, она действительно была горячей штучкой. «Какого рода секс вы предпочитаете, миссис Беллер?» КАКОГО РОДА СЕКС??? Да, леди наверняка перепробовала все что только можно, у нее медленный ленивый голос и большие мягкие губы под стать. Скользнув взглядом по лицу Стэна, она потянула своего дружка по лестнице наверх.

Глядя любовникам вслед, Стэн внезапно открыл, что руки их все еще слиты, сплавлены вместе в единую, обтянутую обшей кожей массу. Круто.

Юкава заметил промелькнувшее по лицу Стэна выражение и понял его мысли.

– Окончательное разделение произойдет немного позже, когда действие препарата полностью закончится. В некоторых кругах модно ходить еще частично слившись.

– Но почему тогда они не выглядят так.., словом, как те, что принимают эту штуку ежедневно?

– Все зависит от дозировки. Если вы не проводите в

разжиженном состоянии дни напролет, остаточных деформаций не бывает. Причем крайности достаточно опасны, поскольку, не соблюдая особых правил процедуры, которые знаю только я, в результате долговременного слияния вы рискуете перейти в состояние бессистемной смеси низкоэнтропийных аминокислот. Либо вы восстанавливате форму полностью, либо превращаетесь в чудовище. Суть процедуры обмена генофондом известна только мне.

– Но другие все же занимались чем-то подобным. К примеру, этот Вик Морроу – вы же сами прекрасно знаете.

Вик Морроу был крупным фермером в Сан-Хоакин Вэлли. В 2027 году Морроу осенила замечательная идея. Он предложил своим работникам, мексиканцам-эмигрантам, попробовать за его счет слив, которым забава настолько понравилась, что со временем сеансы приема превратились в трипы продолжительностью во весь уик-энд. В один прекрасный день, когда работники счастливо плескались в просторном чане, Морроу бросил к ним в любовную смесь двух собак. Он, конечно же, был психом, этот Морроу. В течение нескольких недель его работники медленно, но верно превращались в животных, гораздо более работящих, менее требовательных и более выносливых, чем люди. Скандал разразился после того, как Морроу внезапно хватил сердечный приступ и его голодные пеоны сожрали большую часть его трупа, а остальное разорвали и растащили по ферме. Через месяц Конгресс принял Антихимерный Акт.

Нахмурившись, Юкава принялся копаться в ящиках своего стола.

– Да, я рассказал Морроу, как это можно сделать. И это была большая ошибка, моя ошибка. Дело в том, что я был должен ему крупную сумму. С тех пор я больше никому не доверяю свои тайны. В особенности… – Оборвав себя на полуслове, он положил на стол тонкую папку.

– Здесь кое-какие сведения о Делле. Я специально собрал и распечатал это для вас. В прошлую пятницу – это было двадцатое – я провел с Деллой целый день, как обычно, а, в четыре она улетела в своем жуке. В понедельник и вторник она не появилась. Я звонил ей домой, но там никто не отзывался. Вчера было Рождество и я, естественно, Деллу не беспокоил. Сначала я думал, что она решила взять несколько дней после Рождества, устроить себе небольшой отпуск, провести время с друзьями, осмотреть какой-нибудь кратер – ну вы меня понимаете. Она редко посвящала меня в свои планы.

Однако она не пришла и сегодня, ее виззи опять не отвечал, и я забеспокоился. С ней либо что-то случилось, либо она… просто

сбежала.

Стэн взял со стола папку и просмотрел ее. Сосредоточиться. ДЕЛЛА ТЭЙЗ. Родилась и выросла в Луисвилле, Кентукки. Двадцать восемь лет. Доктор молекулярной генетики, получила степень в 2025-м. В тот же год и он прибыл в Эйнштейн. Фото Деллы: приятная маленькая блондинка с крепко сжатыми губами и носом-пуговкой. Лисичка. Не замужем.

– Она была вашей подружкой. – Стэн внимательно посмотрел на Юкаву. Вытянутая голова и худое лицо придавали тому вид жестокий и уродливый. «Универсальная жизненная форма» в дальнем углу лаборатории издавала звуки, нечто среднее между чириканьем и шипением, очевидно, просила есть. Артур. Непонятно, почему Делла Тэйз не дала отсюда тягу еще.., скажем, года два назад.

– ..она не позволяла мне навещать ее на квартире, – говорил ему Юкава. – И мы не сливались с ней никогда, если вы это имеете в виду. Да, я ухаживал за ней, проявлял настойчивость. В пятницу у нас как раз вышла ссора. Сама она употребляла, я это знаю точно, потому что последнее время она просила у меня слив постоянно и не стесняясь. Я давал ей, конечно. Возможно, это было одной из причин, почему она оставалась со мной так долго. Но вот теперь.., теперь она пропала, и я хочу вернуть ее обратно. Прошу вас, Муни, найдите ее! Заставьте ее вернуться!

– Я сделаю все, что в моих силах, мистер Юкава.

Стэн поднялся и Юкава протянул ему через стол пачку кредиток. Потом подал фляжку.

– Это ваш аванс, Муни, а в этой фляжке слив. Торч. Кажется, вас так звали раньше? Торч Муни.

– С тех пор много воды утекло. Я вырос, как можете заметить.

– Я дал Делле блокер, просто на всякий случай, но если вы найдете ее, то просто покажите ей фляжку.

* * *

Прежде чем прокатиться на путепроводе до квартиры Деллы, Стэн заглянул к себе в офис, где предпринял некоторые компьютерные расследования. Вполне вероятно, что Делла, после того как получила дозу блокиратора, почувствовала ломку и обратилась в эндорфиновую клинику. Блокиратор удалял из генной структуры тела особый энзим, присутствие которого делало периодическое слияние необходимым, но иногда, чтобы избавиться от психологической аддикции, приходилось прибегать к специальной терапии. Или, может быть, Делла умерла и ее тело находится сейчас в банке органов, или на подпольном аукционе каннибалов, или где-нибудь похуже. Все обитатели Луны – и люди, и бопперы – имели свои способы полезного использования

свежей плоти. Кроме того, стоило проверить улетевших за последние дни на Землю, ведь ничто не мешало Делле просто купить себе билет на ближайший корабль.

Конечно, Юкава даже не пытался обратиться к кому-то, чтобы разыскать свою ассистентку; он был настоящим параноиком. Стэн терпеливо вызвал на экран виззи один за другим базы данных всех инфобанков – но не получил ничего.

Может, на Деллу уже наложил руки Гимми? Вот об этом он не узнает никогда – сюда с вопросами лучше не соваться, ибо своя шкура дороже. Или, может, ее превратили в зомби бопперы и всадили ей крысу-имплант? Стэн откинулся на спинку кресла, стараясь не думать о фляжке в кармане. Сосредоточиться. Думать.

Если Делла еще не соскочила со слива, то она наверняка употребляет его не менее раза в день, одна или в любовной смеси. Что означает, что она должна поддерживать связь с местными слив-джанки. Имеет смысл проверить тусовки наркодилеров и притоны с ваннами, которые, насколько помнил Стэн, в основном располагались в катакомбах близ старых пылевых купален. Кстати, действительно он так хорош, этот слив? Стэн откупорил фляжку Юкавы и.., эх, была не была… осторожно нюхнул. Ничего себе: красное вино и жареная индейка, довольно приятный запах. «А что, если попробовать немного?» – эта мысль уже не давала ему покоя. Сволочь Юкава, он должен был знать, что нельзя давать в руки кайф бывшему, хотя, конечно, подлец, все рассчитал. Не нужно, старик, не начинай. Не начинай снова эту карусель. А почему бы и нет? – отвечал он себе. – Кто ты такой, чтобы говорить мне что делать? Я делаю с собой все что хочу, что мне нравится – я сам себе хозяин! Но, Стэн, – продолжал увещевать его первый голос, – неужели ты забыл, что бросил наркотики не ради других людей? И не ради чистоплюйского общества или призрака Вэнди. Ты завязал с дурью ради себя самого.

Если ты сейчас снова подсядешь, то наверняка умрешь.

Кто-то громко постучал в его дверь. Стэн дернулся и увесистая капля слива выплеснулась на тыльную сторону его левой кисти. Ужас стиснул живот, но часть его – худшая часть – была очень довольна случившимся. Он быстро засунул руку с фляжкой под стол и велел двери открыться.

Пришедший был тот самый парень с ирокезом, что всучил ему брошюру Бей Нг. Стэн под столом завинтил крышечку на фляжке Юкавы и попытался двинуть левой рукой. Рука его становилась непрочной, разжижалась. Дерьмо во фляжке Юкавы было настоящим.

– Мистер Муни? – осведомился панк, осторожно прикрывая за

собой дверь. – Торч Муни?

У парня была рожа настоящего изголодавшегося джанки.

– Меня зовут Уайти Майдол. Я узнал, что вы недавно побывали у Юкавы, и подумал, а нет ли у вас случайно…

Панк замолчал и понюхал воздух. Что и говорить – в комнате здорово воняло сливом.

– Вы не могли бы уступить мне немного?

– Немного чего?

Поразительное ощущение разжижения быстро поднималось по руке Стэна, уже достигнув предплечья. Его офис выглядел теперь отлично, гораздо лучше, чем если глядеть на него сквозь твист-бокс. Замечательно. С того момента, как он последний раз чувствовал себя так здорово, минуло больше восемнадцати месяцев. Взяв себя в руки, он заставил свой взгляд сосредоточиться на молодой и наглой физиономии Майдола.

– Откуда ты узнал про Юкаву?

– Ну.., в общем, мы много чего знаем.

Парень заговорщицки улыбнулся Стэну.

– Могу дать две сотни за дозу. Это останется между нами, Бесшумно достав из зажима под крышкой стола пушку, Стэн быстро вскинул ее и навел на Майдола. Еще немного, и он начнет стекать с кресла на пол – до этого времени необходимо выставить наглеца за дверь.

– Считаю до трех. Раз.

Майдол замер и в глазах его вспыхнула злоба.

– Два.

Майдол хрипло выругался и, не оборачиваясь, отступил на шаг к двери. Он ломал первый почти за два года кайф Стэна и тому хотелось убить гада немедленно.

– Лады, Наркоша Идиотский Торчок Муни. Грустно видеть, что делает слив со старым больным человеком. Придурок ты.

– Три.

Стэн снял пушку с предохранителя и, коротко нажав и отпустив спуск, чиркнул лучом по левому плечу Майдола. Панк заорал от боли, моментально распахнул дверь и скрылся.

Стэн с облегчением откинулся на спинку стула. Иисусе, до чего быстрая штука. Его левая рука уже была похожа на оплывшую восковую свечку и он едва мог усидеть в кресле.

Он позволил себе мягко соскользнуть на пол и расслабленно уставил глаза в потолок. Ох, ну и приход. Как сладко его повело. Его суставы стали невероятно гибкими, кости скелета плавно осели под тяжестью растекающейся плоти. Его трип продлился около часа. Приблизительно посередине Стэн виделся с Богом. Бог выглядел почти так, как обычно, – может быть, немного

отяжелел с годами. Богу нужна была любовь почти так же сильно, как и самому Стэну. Да, жизнь нелегкая штука хоть для кого.

Как себя чувствуешь под сливом? Крошка, если ты не пробовала сама, то что объяснять… Прекрасно. Невероятно.

Ужасно. После того как спина Стэна коснулась пола и его тело превратилось в жидкость, он оставил этот мир. Его офис и все находящееся в нем стало частью его сознания. Он был комнатой, потертым бежевым пластиком стен, обшарпанным коричневым полом, старыми оконными рамами, столом, креслами и компьютером; он был своим офисом и зданием, где находился офис, и Эйнштейном, и Луной, и Землей. Обычные экстатико-мистические видения, ничего особенного. Но до чего быстро все случилось. Он был везде, он был всем, он был равен Богу. Классно, сестричка, это было то, что надо.

Возвращение ХЛОП было таким же моментальным, как и приход. По всему телу Стэна бегали мурашки, он явственно ощущал себя непрочным и желеобразным и некоторое время тихо лежал на полу и дрожал, слушая, как сердце колотится, выбивая барабанную предрасстрельную дробь. Слишком быстро. Штуковина просто гигаскоростная. В очереди, верно, вторая после смерти: вмазался, стек на пол, вселенная, пустота. Окончательная, финальная пустота. В очередной раз он отчаянно пожалел о том, что его жена Вэнди умерла. Его сладкая, светленькая, широкобедрая Вэнди. Раньше – когда-то давным-давно – в таких случаях она клала его голову себе на колени и тихо гладила его по волосам, так тихо и бесконечно приятно.., и улыбалась.., а ты убил ее, Стэн. О Господи, Боже, Боже, Боже, нет, нет, нет, сделай так, чтобы этого не было.

Ты прострелил дыру в ее голове и продал ее труп органлеггерам, а на вырученные деньги сорвался на Луну.

Он лежал на полу в своем офисе совсем один и трясся. И не мог думать ни о чем, кроме Вэнди. Вспомнилась еще почему-то старая песенка: «Снова катишься вниз, вышло все время твое, снова катишься вниз». Годы. Стареешь, дружище.

Катишься вниз и стареешь. И что с того? Что с того-то? Старый шарабан со стертыми покрышками. Волчара беззубый.

Не соображаешь ничего, а пробивает на поболтать. Хватит слюни распускать.

Одежда была беспорядочно разбросана вокруг. Стэн поднялся и сел и сморщился от молотящей головной боли. Бумммбумммм-бумммм-бумммм. Взял в руку фляжку Юкавы и встряхнул ее. Полна коробочка, хватит на несколько месяцев, если закидываться только раз в день. Если он снова сядет на наркотики, он мертвец. Это ясно как день. Но, может, это как раз то, что ему нужно. У

него в руках фляжка почти под горлышко полная медленной смерти.

Если одна доза равна одной капле, а доза идет по.., э-ээ.., две сотни долларов, то это значит.., это значит, что за эту фляжку некоторые криминальные элементы.., некоторые криминальные элементы.., могут.., э-э-э.., оторрррррвать ему голову. И этот панк-сектант уже знает, что у него есть, чума его забери. Головку не желаешь? «Здрасте, миссис Беллер, мы с вами не знакомы, но у меня имеется… гм…» Горячо. Горячо. Горячо. Горячо. Горячо. Горячо. КАКОГО РОДА СЕКС ТЫ ПРЕДПОЧИТАЕШЬ, КРОШКА?

КАКОГО РОДА СЕКС?

Выходить через парадную дверь он не станет, тут уж дудки. Заметано. Сосредоточься, Он возьмет жука. В гараже на крыше.

Он взял авиетку-жука, скормил ей несколько кредиток и разъяснил куда лететь. Жуки были похожи на земные ховеры; за счет подъемных вентиляторов и магнитной подушки, взаимодействующей с магнитным полем, генерируемым установками купола в слабой лунной гравитации, жук удерживался на приличной высоте. Жуки стоили дорого. Удивительно, что лаборантка-джанки типа Деллы Тэйз смогла позволить себе собственного жука. Любопытно будет взглянуть на ее жилье – Стэн уже сгорал от нетерпения. Может, она и до сих пор там, просто не подходит к виззи и все, посиживает дома и ждет своего дружка, чтобы вместе с ним закинуться сливом и побалдеть в ванне. На тот случай, если она не откроет, у него есть с собой декодировщик замков.

Пробраться к Делле было нетрудно. Стэн использовал стандартную нигилист-транспозицию для проникновения в дверь на крыше и тон-скрамблер для двери квартирки Деллы. Гнездышко «а-ля снос башни». «Творческий Заворот Мозгов, том XIII». Для непонятливых, смотри по месту.

Стены жилища Деллы не были окрашены в один цвет.

Наляпанными друг на друга мазками, пятнами и кляксами тут присутствовали все цвета, словно маляр плескал вокруг себя по всей квартире краской до тех пор, пока нигде не осталось ни одного живого, нормального, места: ни на стенах, ни на потолке, ни на полу. Пока квартира не превратилась в приют сбрендившей психоделички.

Мебель была подобрана в розовых тонах и исключительно в форме принявших различные позы человеческих тел.

Кресла представляли собой здоровенных, плотно сбитых голых баб, у которых полагалось сидеть на коленях, столы имели вид стоящих на четвереньках мужчин. Подмечая краем глаза то тут, то там различные диковинные предметы обстановки, он все

время вздрагивал, пугаясь того, что здесь кто-то есть.

Чересчур заморочено и крикливо. В жилище Деллы крепко пахло винно-индюшачьим, но присутствовал здесь и какой-то другой запах.., неприятный, пугающий.

Через несколько секунд он уже знал, что запах этот доносится из спальни. Там Делла устраивала свою любовную смесь – для чего посреди спальни имелась ванна размером с небольшой бассейн. Рядом с которым валялся.., труп не труп. Куски какого-то черного парня. То, что от него осталось.

Интересное на заметку – хотите послушать, о чем болтают? Как известно, человек, закинувшийся сливом, превращается в повисшее на костях желе. Которое при желании легко можно.., э-э-э.., так сказать, расплескать. Расплескать жидкость, наступить в человеческую лужу ногой, так чтобы во все стороны полетели брызги, которые, когда слив прекратит свое действие – когда клетки начнут снова принимать свою форму, – короче, которые через некоторое время обратятся кусками человеческого тела. Множеством отдельных кусков.

Кожа ровно обтягивает все такие куски – Стэн заметил ногу с аккуратно скругленной культей над коленом, голову с почти незаметным срезом шеи. А негр-то, похоже, был симпатягой. Спортивный, наверняка нравился девицам. Вот его руки и торс – а вон там спряталась вторая нога, еще воткнутая в голую задницу.., все это лежало здесь давно и начало уже гнить и вонять…

Ззуззззззз.

В гостиной ожил и загудел виззи. Подбежав, Стэн торопливо прикрыл рукой объектив и нажал кнопку ответа.

На экране появился решительный, крепкоскулый офицер из Гимми. Коротко остриженные волосы копа щетинились ежиком, в украшенных пирсингом щеках блестят золотые шарики. Полковник Хаски. Стэн хорошо знал этого «кота».

«Мой мальчик. Послушай, девочка».

– Мисс Делла Тэйз? Мы сейчас у вас внизу, в холле. Мы хотим поговорить с вами о Бадди Ескине. Вы позволите нам подняться?

Он думал всего секунду. Судить не просто, но дружище Бадди выглядел так, словно был мертв вот уже несколько дней.

За что злой дядя расплескал хорошего Бадди? Никто не знает.

Смерть глупая штука – всегда приходит некстати. Он снова вспомнил о Вэнди – с тех пор как ее не стало, в тяжелую минуту он всегда начинал думать о ней. Он торчал три дня подряд, грузился всем подряд, что попадалось под руку, иногда одновременно, и стрелял по мухам из игловика и попал в нее по чистой случайности. Это был несчастный случай. Он продал ее

тело органлеггерам и рванул на Луну, прежде чем хреново Гимми успело взять его за яйца. Его, сторчавшегося придурка.

Стэн прыгнул в жука и принялся описывать вокруг города бесцельные круги. Он думал о том, куда подевалась Делла Тэйз. Слилась с Космосом, сестричка? Тогда, может, и мне немного можно? КАКОГО РОДА СЕКС, детка, КАКОГО РОДА СЕКС? Утихни, Стэн. Сиди тихо, приятель. Заглохни.

Глава 2
РОЖДЕСТВО В ЛУИСВИЛЛЕ

24 декабря 2030 года

Слияние. Плавные извивы и сладкий ток энергии – слияние в любовную смесь внутри просторной пластиковой ванны, заделанной в пол ее спальни. Утонченное и изысканное наслаждение – Бадди мягко соскальзывает в тонкую пленку суспензии, бывшей некогда Деллой; они рядом с друг другом, они друг в друге, настолько близко, насколько это вообще возможно, плоть в плоти, гены в генах, похожая на текучий мрамор розово-коричневая масса с парой их глаз на поверхности, ничего не видящих глаз; так было когда-то, но теперь, едва Бадди начал растекаться.., неожиданно…

Ох!

Делла Тэйз оторвалась от воспоминаний и принялась внимательно глядеть в окно вагона. Опускались сумерки, и в стекле она уже могла видеть призрачное отражение собственного профиля; блондинка, с прямым крепко сжатым ртом, с глазами горящими и запавшими. У нее здорово болит живот и за сегодняшний день ее уже три раза рвало. Утомленный и молчаливо-умудренный вид.., выглядеть так она мечтала девочкой, в тринадцать, пятнадцать лет. Делла попыталась слабо улыбнуться. «Совсем неплохо, Делла. Совсем неплохо, если не считать, что тебя разыскивают за убийство». Все, о чем она могла сейчас думать, это о том, как бы быстрее добраться до дома.

Сбавив ход до 20 миль в час и стуча на стрелках, поезд неторопливо подбирался к станции «Луисвилль», ее долгому путешествию подходил конец; Эйнштейн – Риф – Флорида – Луисвилль, космический лайнер-челнок-поезд. Два долгих дня.

Оставалось надеяться только на то, что ей намного удалось опередить Гимми – полицию Эйнштейна. Маловероятно, что они станут гнаться за ней так далеко. Сегодня, в 2030-м, Луна и Земля были настолько же далеки друг от друга, как Англия и Австралия в 1800-м.

Луисвилль зимой – дождь вместо снега, зато уж, как обычно, целый день сплошные непрекращающиеся потоки серой воды, поливающие забавно большие машины, и надо всем этим – настоящее небо. И запахи, поразительные, после двух лет воздуха купола! И столько пустого, используемого бездумно, без всякой пользы места! Там, где она была, на Луне, каждый закуток и

уступ имел определенную, строго установленную цель – как на паруснике или в рюкзаке бывалого туриста, – но здесь, в этих проносящихся мимо нее городских кварталах, многие квадратные метры не были заняты ничем, кроме сорной травы и старых покрышек; на бессмысленных улицах вяло влачилось маргинальное существование; полуразрушенные дома стояли пустыми, бесполезными, в них никто не жил, даже бродяги. Столько легкомысленно-пустого, ничем не занятого места. Там, в Эйнштейне, она привыкла к постоянному мельканию круговерти бесчисленных лиц, обязательной толчее тел, постоянной нехватки того, другого, третьего.

Делла была рада вернуться сюда, к настоящему небу и настоящему воздуху; рада, несмотря на то что здесь все ее тело изнемогало от тупой боли. Тяжесть. Старый добрый мистер Гравитация. Во Флориде она на последние деньги купила хороший флексоскелет из имиполекса дорогой марки «Тело от Узера». Флексоскелет надевался на голое тело, как чулок, и, предугадывая ее мысли, заставлял закачанный в искусственные мышцы коллаген сокращаться и помогать ей идти, нагибаться, двигать руками и ногами. Последний шаг в развитии поддерживающих эластичных чулочных изделий. Большинство возвратившихся на Землю лунян от трех дней до недели проводили в реабилитационном центре восстановления мышечной деятельности при космопорте имени Кеннеди, но Делла не могла позволить себе такую роскошь, ее спасение было в движении. Спросите почему? Потому что когда она пришла в себя после слив-трипа, то обнаружила, что ее любовник превратился в разбросанные по всей комнате ужасные куски плоти, и прежде чем она успела что-нибудь сделать, на экране виззи появился незнакомец с мерзко дергающимся лицом и равнодушным голосом.

– Это я убил его, Делла, и мне не составит труда убить и тебя тоже. Как не составит мне труда позвонить в Гимми и анонимно обвинить тебя в убийстве. Но этого может и не произойти, потому что я хочу попросить тебя об одной услуге, Делла. Ты хорошая девушка и ты мне нравишься. Я помогу тебе бежать. В космопорте тебя ждет билет и фальшивый паспорт…

Ох!

На станции Деллу встречали родители, Джейсон и Эми Тэйз; они ничуть не изменились – нервные и, как обычно, немного с похмелья, рты сложены в напряженные улыбки, чуть блуждающие глаза словно бы спрашивают: Ты любишь нас? Эми Тэйз – маленькая и очень складная. Она красится ярко, как было принято лет пять назад и как сейчас не красится никто, ее

светлые волосы тщательно уложены и сильно залачены. Джейсон, большой и неуклюжий, стрижется коротко и не слишком много внимания уделяет одежде, в свободное время любит одеваться свободно, в стиле преподавагелей колледжа. В действительности он служит клерком в банке, а Эми работает на полставки продавщицей в сувенирной лавочке И он и она ненавидят свою работу и живут вечеринками. Увидев на перроне родителей, Делла чувствует, что готова остаться в вагоне.

– Господи, Делла, ты фантастически выглядишь! Что это у тебя под одеждой – неужели настоящий Узер?

Всю дорогу до машины мать не прекращала щебетать, словно бы для того чтобы показать, что она трезва как стеклышко. Отец закатил глаза и подмигнул Делле, чтобы показать, что уж он-то держит себя не в пример лучше мамули. Отец и мать так увлеклись своим шоу, что прошло не менее десятка минут, прежде чем они заметили, что Делла, оказывается, дрожит как осиновый лист. Первое серьезное слово сказал отец:

– Ты чудесно выглядишь, Делла, но кажется мне, ты немножко нездорова? Плохо перенесла перелет? И что-то все молчишь и молчишь.

– У меня неприятности, папа, кто-то подставил меня и теперь полиция разыскивает меня за убийство. Именно поэтому я просила вас не говорить никому, что возвращаюсь.

В животе у нее снова все перевернулось и она торопливо прижала к губам платок – вышла самая малость.

– Во что ты впуталась – это связано с тяжелыми наркотиками? С этим чертовым сливом, которым занимается твой доктор Юкава?

Отец нервно принялся нашаривать у себя по карманам косяк. Потом взглянул на нее быстро и внимательно.

– И ты что, тоже принимаешь?

Делла кивнула, испытывая удовольствие от того, что досадила родителям. Пускай попробуют своего горького лекарства. Говорить о том, что перед отлетом она сделала себе инъекцию гамэндорфинового блокера, она не станет. Доктор Юкава давал ей слив, но всегда следил за тем, чтобы у нее под рукой была доза блокиратора.

– Этого следовало ожидать, Джейсон, я это предчувствовала, мы сами ее к этому подвели, – с готовностью взяла с места в карьер мамуля, голос которой дрожал от жалости к себе. – Нужно было быть лучше, нужно было быть чище. Наша старшая дочь спуталась с торговцами наркотиками, заявляется домой на ломках, а кроме того, оказывается, что на ней висит обвинение в чьей-то смерти, наверняка от передозировки. И это после того,

как она два года в дом носа не казала. Дай и мне разок затянуться, дорогой, а не то мне кажется, что со мной сейчас случится нервный срыв.

Мамуля дернула травки, улыбнулась и погладила Деллу по щеке.

– Поможешь нам нарядить елку, Делла, дорогая? Помнишь ту звезду на макушку, которую ты раскрасила в садике? Она еще жива.

Делла хотела сказать что-то едкое, но промолчала, потому что знала, что от этого будет только хуже. Вместо этого она сложила губки, словно хорошая девочка, и проворковала:

– Это так здорово, мамочка Три года не видела настоящей елки. Я…

Ее голос оборвался и из глаз покатились слезы. Ведь она любит своих родителей, просто не любит с ними встречаться.

В каникулы, рождественские и прочие, когда Джейсон и Эми в химическом тумане бродили по дому, бывало хуже всего.

– Просто мне не хочется, чтобы это Рождество оказалось похожим на прежние, понимаешь, мама…

– Не понимаю, о чем ты говоришь, Делла, дорогая. Все будет очень мило. Завтра на обед придут дядя Колин и тетя Илей. Они обещали привести с собой Вилли, он все еще живет с ними. Обе твои младшие сестры тоже, может быть, придут, со своими семьями.

Джейсон и Эми Тэйз жили в старом двухэтажном доме, выстроенном восемьдесят лет назад к востоку от Луисвилля.

Вокруг дома росли раскидистые высокие деревья, среди которых приятно было гулять по чистеньким дорожкам. Соседские домики были небольшие, но ухоженные. Поднявшись в свою крохотную комнатку, Делла нашла ее в том же виде, как и оставила: чистенькая узкая кровать; фарфоровые зверюшки на полке, которую она сама вешала на стену; на окнах голографические занавеси; все ее компакты и инфокубы расставлены так, как она любит – в алфавитном порядке. В девятом классе она запрограммировала свой систематический куб-каталог так, чтобы было легко найти остальные. Делла всегда была хорошей девушкой и прилежной студенткой, всегда и во всем болезненно аккуратной, словно бы в противовес бурному родительскому неряшеству.

Кто-то впустил Броузера, их пса, из сада в заднюю дверь, и собачина стрелой взлетела по выстеленным ковровой дорожкой ступенькам к Делле наверх здороваться и принялась лизать ей руки и прыгать, скуля, виляя хвостом и извиваясь как змея. Как всегда, Броузер был грязен и паршив, и как только Делла

принялась его гладить, он немедленно, как обычно, пал на спину и широко раскинул лапы. Она немного почесала его, повизгивающего и радостного, под подбородком.

– Хороший песик, Броузер, хороший, умный, ждал меня.

Стоило ей только начать лить слезы, и дальше уже было не остановиться. Мамуля и папа о чем-то шептались внизу на кухне. Нужно было разобрать сумку, но Делла слишком устала. Все болело у нее, в особенности грудь и живот. Она выбралась из флексоскелета, без которого почувствовала себя толстой, отекшей и водянистой, словно беспомощная медуза.

На кровати лежала ночная рубашка – мамуля всегда клала ее туда. Благодаря Бога за то, что рядом нет никого, кто мог бы ее видеть, Делла надела рубашку, забралась под одеяло и заснула, будто провалилась, долгим глубоким сном.

Когда она проснулась, было уже позднее утро. Рождество!

Вот так. Ну и что? Без сестриц Руби и Сьюд это не значило ровно ничего. Когда Делла еще лежала с закрытыми глазами, ей вдруг почудилось, что она слышит доносящиеся снизу их восторженные вопли – но уже через секунду поняла, что звуки доносятся из включенного виззи.

Рождественское утро ее родители встречают сидя перед виззи. Боже. Она доплелась до ванны, ее вырвало, после чего она приняла душ и надела флексоскелет, рубашку и джинсы.

– Делла! – воскликнула мамуля, когда она появилась на лестнице. – Вот так мы с папой встречали Рождество, когда вас не было. Одни, перед виззи.

Рядом с креслом Эми уже стоял пустой стакан. На экране виззи какие-то незнакомые люди доставали из-под елки подарки и разрывали обертки. Мамуля прикоснулась к кнопке пульта и на экране появилась другая комната и другая семья, потом еще одна и еще.

– Это уже стало традицией, – объяснил с грустной улыбкой отец. – Каждое Рождество люди оставляют свои виззи включенными и все, кто хочет, могут встречать праздник вместе с ними. И никто не чувствует себя одиноким и заброшенным.

Но мы рады, что ты с нами. Ты – наша девочка.

Отец притянул ее к себе за плечи и запечатлел на лбу поцелуй.

– Дочурка. Плоть от нашей плоти.

– Делла, дорогая, сюрприз! – воскликнула мамуля. – Пора открывать подарки. Мы успели приготовить только два подарка – они лежат вот здесь, перед виззи, на тот случай, если кто-нибудь решит встретить Рождество вместе с нами.

Разворачивать подарки перед виззи было глупо, но все равно

приятно – по ту сторону экрана визжали какие-то детишки и казалось, что рядом с ней шумят непоседы Руби "

Сьюд. И Броузер был тут же, толкал ее под локоть мокрым носом. Первым подарком Деллы был имиполексовый свитер, называющийся «сердечко».

– В этом году в банке в таких ходят все девушки, – объяснил папа. – Точно такой же мерц-покров носят бопперы, только чуть-чуть посложнее. Примерь-ка!

Делла скинула рубашку и через голову натянула на себя теплый свободный пластиковый свитер. Ее свитер-сердечко был темно-синим с несколькими блуждающими ярко-красными пятнами.

– Этот свитер слышит твое сердце, – объяснила мамуля. – Смотри.

И верно – справа, прямо против сердца Деллы, появилось и быстро расширилось красное пятно, потом сдвинулось с места, поднялось до ее плеча и принялось спускаться вниз по рукаву.

Ее сердце ударило вновь и вслед за этим на темно-синем пластике свитера выросло другое пятно – каждому удару ее сердца соответствовало появление нового красного кружка.

– Здорово, – похвалила подарок Делла. – Спасибо. У нас в Эйнштейне таких не носят. Там все здорово ненавидят бопперов. Но все равно свитер отличный. Мне нравится.

– Когда твое сердечко забьется быстрее, – пропела мамуля, – все парни это заметят.

Внезапно Делла вспомнила Бадди и то, почему она оказалась дома, и красные пятна запрыгали по ее свитеру как сумасшедшие.

– Что такое, Делла? – игриво воскликнула мамуля. – У тебя уже есть дружок?

– Мне не хотелось бы сейчас говорить об этом, – ответила Делла, всеми силами стараясь, чтобы ее голос звучал спокойно. «В особенности с такой болтливой расисткой, как ты, мамуля».

– Тогда давайте выпьем, – предложил папа. – Шампанского!

– Отличная идея! – обрадовалась мамуля. – Встретим праздник. Потом Делла откроет свой второй подарок.

Чтобы взять себя в руки, Делла с минуту внимательно смотрела виззи. Старый милый виззи. Она взяла в руку пульт и принялась нажимать на кнопки – на экране появлялось то одно семейство, то другое. Жители Луисвилля, чьи семьи почти не отличаются от семьи Тэйзов. Кое-кого она даже узнавала. Она выпила шампанского и снова почувствовала себя о'кей. Большинство людей на экране тоже поднимали бокалы.., почему бы ей не быть сегодня с родителями немного поласковее?

– Давайте смотреть мой второй подарок. Извините меня, я

вам ничего не приготовила.

– Что ты, Делла, дорогая, ты для нас лучший подарок.

Другим подарком Деллы был маленький пакетик с семенами. На пакетике имелась красивая яркая надпись «НЕДЕЛЬНЫЕ ДЕРЕВЬЯ».

– Ты знаешь, что это такое? – спросила у нее мамуля. – Их вывели биоинженеры. Очень похоже на миниатюрные деревца-бонсай, которые выращивают японцы. Эти деревца то же самое, только весь их жизненный цикл происходит за неделю. У себя в магазине мы вырастили одно такое для рекламы. Эти деревца, они просто замечательные. Мы с папулей хотели послать тебе этот пакетик на Рождество.

Мамуля вылила в свой бокал остатки шампанского из бутылки.

– Накопай Делле в какой-нибудь горшочек земли со двора, Джейсон. А я пока сверну нам подкуриться.

– Мама…

– Ну не будь ты такой занудливой, Делла.

Подмазанные глаза мамули блеснули.

– Мы будем жарить индейку на обед, а ты сиди и отдыхай. Мы с папулей имеем право немного расслабиться, не то что некоторые любительницы слива, верно, мисс Правильная?

– Да, мама, все верно, слив – серьезный джанк, но я вколола себе блокер и сейчас я тип-топ. Твой рентген, мамуля, не сработал, так-то.

Приступ тошноты заставил ее согнуться пополам и он" откашлялась в платок.

– Просто я еще не привыкла к тяжести.

– Предлагаю подождать с травкой, пока не подтянутся Колин и Илей, – внес примирительное предложение папа. – Поставь индейку в микроволновку, мамуля, а я помогу Делле посадить ее недельное деревце.

Мамуля прикончила свое шампанское и выбралась из кресла. Она уже перестала злиться и улыбалась.

– В этом году я, Делла, дорогая, специально выбрала бескостную индейку. Их искусственно выращивают в танках.

– И у них тоже есть и крылышки, и ножки?

– Все-все есть, костей только нет. Они как мягкопанццрные крабы. Знаешь, иногда мне начинает казаться, что я тоже превращаюсь в такую индейку. Я припасла твою любимую начинку, дорогая.

– Спасибо, мамуля. Если нужно будет помочь, позови меня.

Папа принес с улицы большой цветочный горшок, полный влажной земли, и вместе с Деллой они посадили туда одно

семечко. Делле почему-то казалось, что дерево должно выскочить из земли сразу же и могло ударить ее в лицо, поэтому она держалась настороженно и смотрела на горшок с опаской. Но в первые несколько минут ничего не произошло.

Броузер подозрительно понюхал землю.

– Давай посчитаем, – предложила Делла, которая любила все переводить на цифры. – Скажем, обычное дерево живет семьдесят лет. Тогда для недельного дерева один день означает десять лет. И на год у него приходится два и четыре десятые часа. Делим на двенадцать и получаем на месяц две десятые часа. Две десятые часа – это двенадцать минут. Если предположить, что деревце начало свое развитие с середины зимы, то первые апрельские листочки на нем мы увидим через четыре раза по двенадцать минут, то есть через…

– К полудню, – подсказал папа. – Смотри, земля в горшке шевелится.

И вправду, земля в центре горшка начала вспухать, потом расступилась и из рыхлой ямки, медленно-медленно, появился зеленый кончик побега недельного деревца.

– По-моему, это яблоня. Вечером будем есть с твоего деревца яблоки, Делла.

– Здорово!

Делла чмокнула отца в щеку. Мамуля уже чем-то громыхала на кухне, из виззи доносились звуки веселой рождественской суматохи.

– Спасибо вам. Как приятно снова быть дома.

– Расскажи мне, что там случилось в Эйнштейне, дочка?

– У меня был друг, Бадди Ескин. Мы с ним сливались.,.

– Погоди, что значит «мы с ним сливались»? – остановил ее отец. – Это же не просто так. Я никак не могу угнаться за этими новыми…

– Слив, наркотик, от которого тело превращается в жидкость. Почти что в бескостную индейку. И можно действительно, как я сказала…

Папа нахмурился.

– У меня в голове не укладывается, что ты могла чем-то таким заниматься, Делла. Мы не такой тебя воспитывали.

Он вздохнул и пригубил виски из стакана, который принес собой с кухни.

– Хорошо, ты принимала слив со своим Бадди Ескиным и что дальше?

– Пока мы с ним были.., в общем, вместе, кто-то вломился в мою квартиру и убил Бадди. Расплескал его на куски, пока он еще не отвердел окончательно.

Красные сердечки Деллы снова быстро замелькали по ее свитеру.

– От испуга сначала я, кажется, потеряла сознание, а когда пришла в себя, этот сумасшедший маньяк позвонил мне по виззи и сказал, что убьет меня или обвинит в убийстве Бадди, если я не соглашусь немедленно лететь на Землю. У него уже был наготове фальшивый паспорт для меня и билет. Это какой-то кошмар, такое только во сне может присниться – и все это случилось со мной. До сих пор у меня голова кругом идет. Я была до смерти напугана и быстрее бросилась домой.

Недельное деревце у их ног уже имело вид крохотного корявого саженца с тремя неловкими веточками.

– Ничего, ничего, – приговаривал ей отец, тихо поглаживая по плечу, – тут тебя никто не тронет. Можешь оставаться сколько хочешь.

Делла вдруг заметила, что у отца уже сильно заплетается язык. Он тоже понял, что она это заметила, и жалобно улыбнулся.

– По крайней мере до тех пор, пока сможешь нас терпеть. Если хочешь, завтра я отвезу тебя к Дону Стюарту.., ты должна его помнить. Дон хороший адвокат. Просто на всякий случай, посоветоваться.

Броузер залаял.

– С Рождеством, с Рождеством! – донеслись с кухни крики мамули. – Ну зачем вы принесли столько всего! Не нужно было. Джейсон! Делла!

Это пришли младший брат Джейсона Колин со своей женой Илей и сыном Вилли. Колин был профессором английской литературы в университете Луисвилля. Он был худ и язвителен. Тетя Илей выросла в знаменитой семье: ее отцом был сам Кобб Андерсон, много лет назад создавший роботов, заселивших потом Луну.

Роботы вышли не правильными и знаменитый дедушка Кобб был обвинен Гимми в предательстве интересов человечества, запил, развелся со своей женой Вереной и закончил где-то с фризерами во Флориде. Считалось, что он умер, хотя полной уверенности в этом ни у кого не было – ходили слухи, что его убили бопперы. Дедушка Кобб был скелетом в семейном шкафу.

Тетя Илей пошла в свою мать-немку и совсем не была похожа на Кобба. Делла никогда не могла понять, почему эта энергичная и артистическая особа выбрала себе в мужья такого сухаря, как дядя Колин. Дядя всегда казался ей порождением прошлого века, в особенности когда он заводил разговоры о своих «исследованиях», тащил показывать свои глупые старинные бумажные книжки, а сам едва знал, как управляться с виззи.

Накурившись с папой травки, он выходил из себя, если кто-то не смеялся над его шутками или не восторгался его возвышенными рассуждениями.

Вилли, двадцатилетний сын тети Илей и дяди Колина, был умный, но чудноватый паренек. Вилли был хакером, день и ночь возился с программами и компьютерным железом.

Делле он нравился, хотя ей и казалось, что развитие Вилли прекратилось на двенадцати годах. Вилли до сих пор жил со своими родителями дома.

– Прошу тебя, пап, не говори им, почему я вернулась.

Скажи, что я прилетела закупать лабораторное оборудование для доктора Юкавы. И попроси, пожалуйста, маму тоже ничего не говорить. Если она выпьет и начнет все подряд рассказывать обо мне, то я.., я не знаю…

– Успокойся, сладенькая, все понял и все сделаю.

Не прошло и часа, как все уселись за стол. Папа поставил недельное деревце посередине стола, чтобы всем было видно, как оно будет расти. Тетя Илей вызвалась читать благодарственную лютеранскую молитву, и когда она закончила, Джейсон занялся разделкой бескостной индейки. Резать птицу было легко – у папы получались толстые круглые куски с начинкой в серединке.

– Ну, Делла, – начал дядя Колин, после того как первый голод был утолен, – как дела на Луне? Действительно ли прогресс зашел так далеко, что будущее можно пощупать руками, как говорят? И что поделывают разумные роботы Кобба?

Дядя Колин специализировался на литературе середины двадцатого столетия и любил приукрашать свою речь оборотами, которые почерпывал из старых книг. В отместку в разговоре с ним Делла всегда старалась держаться самого свежайшего сленга.

– Будущее беспонтовое, без особых наворотов, дядя, сто пудов. Гигова туча бопперов свалила под землю, и почти каждый день с тех пор они пытаются вырубить нас. Там у железок свой замороченный город, называется Гнездо, но мне обычно бывало в лом даже думать о них.

– Перестань, Делла, – раздраженно попросил отец, – говори, пожалуйста, по-английски.

– Неужели там всем безразлична судьба бопперов? – спросила тетя Илей, всегда и во всем пускающаяся на защиту созданий, произведенных на свет ее отцом. – Ведь это они построили Эйнштейн, только прежде они называли свой город Диски, верно? Эти роботы так же разумны, как и мы, люди, у них есть личность. Разве это не напоминает вам ситуацию с Чернокожими в южных штатах в старые времена? Негры работали не разгибая спины, а белые относились к ним, как к Недочеловекам.

– У роботов нет души, – со знанием дела объявила мамуля, – следовательно, они не могут считаться личностью.

На кухне мамуля успела как следует хватить красного и сейчас уже снова пила вместе со всеми шампанское.

– Боже мой, это же просто машины, как виззи или пылесос.

– В таком случае вы, тетя Эми, тоже машина, – подал голос Вилли. – Только вместо проводов и силикона вы состоите из мяса.

Вилли имел манеру говорить медленно и со вкусом и всегда выводил этим слушателей из себя. Он так и не окончил колледж, однако прилично зарабатывал, писал компьютерные программы, как свободный художник. На Земле по-прежнему находилось в употреблении огромное количество компьютеров, но со времен бунта бопперов самым мощным земным машинам обязательно устанавливалась специальная системная защита, не позволяющая им двинуться в собственном развитии по стопам мятежных собратьев, колонизировавших Луну. Земные компьютеры-рабы назывались азимовскими, в честь Азимова, впервые предложившего законы робототехники, как раз и составившие основу системной защиты.

– Не смей называть свою тетю «мясом», – строго заметил Вилли дядя Колин, обожавший флиртовать с мамулей. – Индейка – вот мясо. А твоя тетя – человек. Ведь никому не придет в голову прижать твою тетю хорошенько гнетом, промариновать, а потом съесть? Например, я ни за что не решился бы так сделать. У всех на виду, ни за что.

Дядя Колин переглянулся с мамулей и сладко улыбнулся ей.

– Хочешь, Эми, я его отшлепаю?

– Нет, зачем же – по крайней мере он хотя бы думает, из чего я сделана, это уже кое-что. И на том спасибо. В моем возрасте это может быть воспринято как комплимент. Ты тоже считаешь, что я машина, Джейсон, дорогой?

– Ни в коем случае.

Отец разливал по бокалам шампанское.

– В отличие от тебя машины предсказуемы.

– Мама-то как раз предсказуема. – Делла не могла удержаться от шпильки. Она снова паршиво себя чувствовала. – И мама, и ты, пап, вы оба.

– Я хотел бы внести коренную поправку, – снова заговорил Вилли. – В действительности не предсказуем никто, ни г люди, ни бопперы, по сути дела, являющиеся нашими потомками. Так следует из интерпретации теоремы Геделя, предложенной Чайтайном. Об этом еще много лет назад писал в своей статье «К вопросу о сознании роботов» дедушка Кобб.

Все, на что мы способны, это предсказывать поведение более

простых, чем мы сами, систем, и только.

– Вот так-то, Делла, дорогая, – с достоинством добавила мамуля.

– Но почему продолжается эта вражда между людьми и бопперами, Делла? – опять начала о своем тетя Илей. – Почему мы не можем жить друг с другом в мире?

– Ну почему же, жизнь на Луне протекает сейчас вполне мирно, – ответила Делла. – Бопперы держат на нас зуб за то, что мы отобрали у них Эйнштейн, и до сих пор не оставили планы вернуть город себе, хотя до того, чтобы продырявить купол и перебить всех людей, дело, конечно, не дойдет. Бопперы, конечно, способны сделать это, но отлично знают, что после этого, очень скоро, Земля сбросит на их Гнездо водородную бомбу. С другой стороны, мы не торопимся пускать в ход бомбу потому, что бопперы производят очень много того, что находит у нас хороший сбыт – электронику и искусственные органы, например.

Все, кроме мамули, слушали Деллу с интересом, и от общего внимания она почувствовала прилив уверенности. Но не прошло и немного времени, как ее живот снова стиснула спазматическая боль. Очень странно. Внутри нее словно что-то тихо шевелилось. Ей казалось, что ее грудь и живот словно бы постоянно набухают, увеличиваются в размерах.

– А вот мне бопперов совсем не жалко, – напористо продолжила мамуля. – И мне безразлична их судьба.

Алкоголь уже ударил ей в голову и она совсем не следила за нитью разговора.

– Я за то, чтобы вообще уничтожить все машины.., и всех ниггеров тоже. Начиная с президента Джонсона.

Наступила неловкая пауза. Шелестело маленькое недельное деревце; на нем лопались ночки и распускались первые цветки. Делла решила, что щадить мамулю больше не стоит.

– Мой парень, мама, там, на Луне, тоже был «ниггером».

– Какой такой твой парень? Надеюсь, ты с ним не…

– Да, Делла, – поспешно и громко заговорил отец. – Мы очень рады, что ты наконец заглянула к нам. Кому-нибудь еще положить индейки? Или, может быть, сделаем перерыв и выкурим праздничный косячок? Как, Колин?

– Руками и ногами «за», – откликнулся Колин, опять переключаясь на свою пропылившуюся манеру выражаться.

Потом многозначительно подмигнул Делле, мол, я на твоей стороне. – Делла всегда была умницей. Насколько я знаю, у нее степеней хоть пруд пруди! Ты, Делла, все так же занимаешься генетикой, там, у себя? – Дядя Колин указал пальцем вверх.

– От души надеюсь, что нет, – вставила мамуля, все еще

пытаясь взять свое. – Ей давно уже пора всерьез задуматься о замужестве.

– Хватит, мама, – начала выходить из себя Делла.

– Да.., да, Колин, именно так, – ответил отец, не оставляющий попыток сгладить ситуацию. – Делла работает с доктором Юкавой – ну, я тебе говорил. Она прилетела сюда, чтобы приобрести для него специальное оборудование.

Джейсон достал из кармана косяк и раскурил его.

– И сколько ты собираешься здесь пробыть? – спросила Деллу тетя Илей.

– Не знаю. Зависит от того, как быстро удастся управиться.

– Очень мило, – отозвалась тетя Илей, передавая косяк своему мужу, не сделав затяжки. Стоило ей только разговориться, и она становилась несносной. – Чудесно. И что же доктор Юкава планирует…

Делла толкнула под столом ногу Вилли. Верно истолковав ее послание, тот немедленно подал голос, сбив светскую беседу с рельсов в самом ее начале.

– Что это за начинка, тетя Эми? – громко спросил он, подцепляя на вилку очередной кусочек индейки. – Потрясающе вкусно.

– Это мясная начинка, дорогой. Я стараюсь не иметь дела с проволоками и силиконом. Передай мне эту штучку, Колин.

– Знаешь, Делла, я получил новую работу, очень интересную, – быстро проговорил Вилли с полным ртом. У него была гладкая, оливкового цвета кожа его матери и тонкие, изогнутые дугой брови, которые двигались вверх и вниз, когда он говорил или жевал. – Меня наняли владельцы «Красотки Луисвилля» – знаешь, наверное, это тот большой пароход, что катает туристов по реке? Так вот, они купили себе в бар трех роботов, бармена и стюардов, с покрытием их имиполексом, все как полагается. Эти роботы выглядят в точности как слуги-негры в старину.

– Не понимаю, почему бы им не нанять настоящих черных? – деревянно спросила мамуля, выдыхая огромное облако дыма. – Их сейчас столько шатается без работы. Исключая президента Джонсона, конечно. Надеюсь, вы понимаете, что я никак не хотела обидеть Деллу.

Мамуля протянула руку и потрогала распустившиеся цветки недельного дерева, рассыпающие вокруг себя пыльцу. Делла, которой больше кусок мамулиной стряпни не лез в горло, незаметно отправила то, что осталось от ее бескостной индейки, Броузеру под стол.

– Мы ведь уже говорили с вами об этом, тетя Эми, – заметил

Вилли. – Когда-то в баре на «Красотке» действительно стояли за стойкой негры, но потом хозяевам показалось, что их бармены и стюарды ведут себя совсем как обычные люди – воруют, когда удастся, выпивку, заигрывают с женщинами, ругаются с пьяными грубиянами, приехавшими в город с ферм на уик-энд. А найти по-настоящему хорошего бармена, выполняющего свою работу так, чтобы придраться было не к чему, сейчас очень трудно, потому что сразу начинают говорить, что, мол, такой одаренный человек, а тянет лямку в захудалом месте за грошовую плату. Вы знаете таких говорунов – всякие там нытики-либералы, ну и прочее, понимаете? Хозяева «Красотки» попробовали нанять в бар белых, но и с ними все пошло снова-здорово – белые тоже дрались с деревенщиной или наводили своей неустроенностью на грустные мысли либералов. К тому же, если говорить начистоту, какой нормальный человек сейчас пойдет в бармены? А с роботами все просто, никаких там вам человеческих штучек-дрючек.

– Очень интересно, Вилли, – холодно, со значением проговорил дядя Колин. – Я и не знал, что ты что-то делаешь для «Красотки». Вот так – последний обо всем узнаю, никто не считает нужным поставить меня в известность. Всего на прошлой неделе я был на «Красотке» вместе с одним чудаком, который принес мне свой опус о Марке Твене, и видел этих черных стюардов, но мне и в голову не пришло, что это могут быть роботы. Один из них уронил стакан, а другой пролил виски на стойку, в точности как люди. И еще, они постоянно смеялись. По правде сказать, мне кажется, что они вполне довольны своей работой. Никакого чувства неловкости или жалости по отношению к ним у меня не возникало.

– Это моя новая программа! – не без гордости объявил Вилли. – Внизу, под палубой, находится большой процессор на охлаждаемых сверхпроводниках, который дистанционно управляет роботами. Моей задачей было отладить программу так, чтобы стюарды были предельно вежливы, но не казались пригодными ни для какой другой работы, получше.

– Черт, да вам просто нужно было нанять кого-нибудь из наших кассиров, – вставил Джейсон. – Понять не могу, почему после 2001 года люди все еще продолжают иметь дело с роботами.

В 2001 году взбунтовались бопперы – самовоспроизводящиеся лунные роботы Кобба Андерсона. Бопперы основали свой собственный город на Луне, который находился в их полном распоряжении вплоть до 2022-го, когда его захватили люди.

– Но каким образом хозяевам «Красотки» удалось приобрести большой компьютер? – удивился дядя Колин. – Я считал, что

большие компьютеры дальше фабричных ворот не попадают. Это что же – терафлоп?

Вилли поднял свои высокие круглые брови.

– Не совсем, но почти. Гигафлоп-сто. Приобретение такого компьютера решалось на уровне города. Процессор был куплен у ОСЦС, у виззионщиков. Машина была смонтирована и запущена еще месяцев шесть назад, а меня просто попросили довести ее до ума.

– А как же Закон об Искусственном Интеллекте? – спросил отец. – Тут нет никаких противоречий?

– Никаких, – спокойно отозвался Вилли. – Барт Мастере, главный владелец «Красотки», лучший друг нашего мэра, и вместе им не составило труда подвести покупку под нужную поправку к закону об ИИ. Кроме того, этот компьютер – кстати, он называет себя Красотка, – конечно, азимовский.

Знаете, наверное: «Защищать человека – Повиноваться человеку – Защищать себя» – эти правила запрограммированы в процессоре Красотки в порядке значимости 1-2-3.

Вилли улыбнулся Делле.

– Ральф Числер, первый боппер, стер у себя эти директивы и научил этому других бопперов. Интересно, Делла, ты видела на Луне хотя бы одного боппера? Хотел бы я знать, как сейчас выглядят новые модели. Дедушка Кобб запрограммировал бопперов так, чтобы они постоянно самосовершенствовались.

– Несколько раз я видела бопперов на Рынке. У многих из них под кожей было такое странное зеркальное покрытие – это почему-то мне бросилось в глаза. А так я к бопперам особенно не присматривалась. Стоит немного пожить в Эйнштейне, и начинаешь ненавидеть этих бопперов ужасно. У них везде спрятаны и замаскированы бомбы, которые они время от времени взрывают, чтобы напомнить нам о себе. К тому же бопперы постоянно следят за нами при помощи скрытых камер, и ходят слухи, что в городе есть люди с вживленными в голову специальными приспособлениями в виде пластиковых крыс, при помощи которых бопперы ими управляют. По правде сказать, я совсем не удивлюсь, если…

Делла внезапно смолкла и пригубила шампанское.

– Не понимаю, почему Гимми не сбросит на это Гнездо бомбу и не покончит со всем этим раз и навсегда? – спросила мамуля. Травка помогла ей собраться и снова подхватить ниточку беседы.

– Гимми может это сделать, – ответила Делла, стараясь смотреть сквозь мамулю. – Но все и каждый знают, что если Гнездо будет уничтожено, то Эйнштейн тоже долго не простоит. Это та же самая ситуация вооруженного до зубов равновесия, как

когда-то раньше между нами и Россией. Если одни погибнут, то и другие тоже. А так – Договор о Взаимоненападении. И только по этой причине бопперы ни разу еще не пытались забрать у нас Эйнштейн. Мы живем там словно заложники. А кроме того, все эти игрушки, которые Земля обожает покупать у бопперов, – об этом тоже нельзя забывать. Этот свитер-сердечко, мама, тоже сделали бопперы.

– Ну что ж, одна надежда на то, что такие люди, как Вилли, будут держать себя в руках – до тех пор мы тут на Земле будем находиться в безопасности от бопперов, – подвела итог мамуля. – Ведь бопперы не могут существовать при нашей температуре, так, Вилли?

– Да, это так, – ответил Вилли и положил себе еще морковного салата. – Это будет так, пока бопперы будут пользоваться для воспроизводства джи-триггерами. Вот если бы я решил сделать мозг боппера, я создавал бы его на основе оптического процессора. Оптический процессор работает на световых лучах вместо электричества – свет будет течь вдоль волокон, а логические клапаны можно будет сделать на принципе известных солнечных очков, которые темнеют на свету.

Один фотон может пройти, но больше – нет. В качестве источников энергии можно использовать миниатюрные лазеры, которые сейчас уже умеют делать размером не больше компьютерного чипа. Оптоволокно обладает нулевым сопротивлением, поэтому необходимость в сверхпроводимости, а следовательно, и в глубоком охлаждении, отпадает. Однако мы до сих пор не смогли изготовить ни одного работоспособного оптического процессора. Думаю, что раньше или позже бопперы пойдут именно этим путем. Можно мне еще индейки, дядя Джейсон?

– Гм.., что? Ах да, конечно, Вилли.

Джейсон поднялся и, отрезая новый кусок, внимательно посмотрел на своего талантливого и не в меру эрудированного племянника.

– Помнишь, Вилли, как вы с Деллой дрались за косточку, по которой загадывают желания? Делла хотела сохранить ее и залить в пластик, а ты…

– Вилли хотел разорвать ее один, потому что тогда бы его рождественское желание сбылось уж наверняка, – закончил Дядя Колин с громким смехом.

– Я тоже помню, – подхватила тетя Илей, размахивая вилкой. – Мы заставили ребятишек не баловаться и тянуть косточку вдвоем и в результате…

– Они пожелали друг другу проиграть! – взвизгнула мамуля.

– И кто же выиграл? – спросила Делла. – Я забыла.

– Выиграл я, – довольно ответил Вилли. – И мое желание сбылось. Хочешь снова попробовать?

– Эта индейка бескостная, дорогой, – ответила мамуля. – Неужели ты еще не понял? Смотрите на дерево – на нем уже появились маленькие яблочки!

После обеда Делла и Вилли объявили, что хотят пойти прогуляться. Было невыносимо смотреть, как родители медленно, но верно накуриваются до одурения и хохочут над своими совсем не смешными, а на самом деле глупыми шутками.

Дождь прекратился и на улице было ясно, хотя и холодно.

Броузер мчался впереди, тут и там поднимая ногу и обнюхивая кусты. Соседские детишки уже высыпали на улицу и опробовали свои новенькие скутициклы и гравиболы; все как один малыши были одеты в яркие теплые термокуртки и сапожки с подогревом. Как и в любое другое Рождество.

– Мой отец сказал, что на Луне у тебя были какие-то неприятности, – сказал Вилли, после того как они некоторое время прошли молча.

– Значит, они уже болтают обо мне?

– Ну не то чтобы болтают. Делла, ты моя самая любимая двоюродная сестра. Я рад, что ты прилетела, рад повидаться с тобой и мне хотелось бы, чтобы ты осталась в Луисвилле. Если ты не хочешь говорить мне, что у тебя стряслось, то и не нужно.

Вилли улыбнулся и быстро предложил другую, ни к чему не обязывающую тему для легкого разговора.

– Этот твой новый свитер-сердечко, он тебе очень идет.

– Спасибо, Вилли. Извини, но я пока не могу ничего рассказать тебе – может быть, потом. Давай заскочим к тебе посмотреть, что ты смастерил новенького. У тебя всегда были такие классные штуки.

– Да, но идти далековато. У тебя хватит сил – просто я заметил, что ты носишь флексоскелет.

– Если я хочу снять этот чулок в ближайшую неделю, то мне нужно побольше двигаться, а не сидеть на месте. Скажи, у тебя нет дома слива?

– Ты же знаешь, что я не принимаю наркотиков. Я вообще, Делла, сомневаюсь, что во всем Луисвилле найдется хоть капля этого слива. И что же, это на самом деле так здорово?

– На самом деле. По правде говоря, я очень рада, что завязала с этой штукой. Меня сейчас здорово ломает, хотя сначала я думала, что это от повышенной тяжести. От того тоже бывает плохо, но все же не так невозможно. А здесь во всем виноват слив. Я ввела себе блокер, но живот все равно болит. И мне не дает

покоя ощущение, что внутри меня поселилось что-то живое.

Делла коротко и нервно рассмеялась – смешок вышел таким сухим и резким, что она испугалась сама; потом она коротко взглянула на Вилли, чтобы узнать, как на такие признания реагирует он. Но, как обычно, было невозможно угадать, что творится за этим широким круглым лбом.

– Я сделал себе цефаскоп, – сказал Вилли после непродолжительного молчания. – Троды цефаскопа надеваются на голову, и ощущения, которые испытываешь в нем, почище, чем от всяких там наркотиков. Соматических последствий никаких. Чистый компьютерный кайф.

– Здорово, братишка Вил.

Дом Колина Тэйза располагался в пяти кварталах от дома мамули и отца. В двадцать и тридцать лет Колин ездил из города в город, жил везде понемногу – называл себя «ученым цыганом», – но теперь, перевалив за сорок, он вернулся в родной Луисвилль и поселился рядом со старшим братом Джейсоном. Дом Колина был еще старше дома Джейсона и Эми и уже заметно обветшалым, но все еще просторным и уютным. Вилли поработал над тремя замками на входной двери – в Луисвилле ворье не только не переводилось, но с каждым годом его становилось все больше, – и вслед за братом Делла спустилась в подвал, где у него была оборудована мастерская. Похоже, Вилли даже в голову не приходило уйти от родителей и жить отдельно. Возможно, он просто был для этого слишком ленив.

– Вот мой электронный микроскоп, это лазер для голограмм, еще я делаю всякую всячину из имиполекса, вот тут, а это – мой цефаскоп. Хочешь попробовать – видишь троды, они как наушники?

– Ты меня не разыгрываешь, ведь нет, Вилли?

Несколько лет назад, когда они были подростками, Вилли обожал розыгрыши. Делла хорошо помнила, как на одно Рождество Вилли преподнес ей флакончик духов, полный живых муравьев. Делла тогда орала как ненормальная, а Руби и Сьюд потом доводили ее целую неделю.

Но сегодня физиономия Вилли была невинной, как у младенца.

– Ты что, никогда не видела цефаскоп?

– Нет, ни разу, только читала о них и все. Это похоже на твист-бокс?

– Господи, конечно же, нет – это все равно что сказать, что виззи то же, что пара очков. Цефаскоп – это совершенно новая форма искусства, Делла. Цефарта. Вот чем бы я на самом деле хотел бы серьезно заняться. Вся эта возня с роботами на самом

деле никому не нужна, тут у меня нет будущего – что бы я ни сделал, какую бы сложную и запутанную программу ни написал, лучше того, что делает природа, не выдумаешь. Мои стюарды все равно хуже людей. А это непаханые земли, сестричка. Да что говорить – лучше надевай троды, вот так, здесь нужен хороший контакт с кожей, и смотри сама. Эту симфонию, Делла, я написал сам.

– Мне закрыть глаза? И не смотреть? И вообще, ты уверен, что это безвредно?

– Нет, Делла, здесь совершенно другой принцип и совершенно безопасно.

Лицо Вилли было очень мягким, но в то же время удивительно серьезным. Он был горд своим творением и очень хотел показать его Делле, хотел, чтобы ей понравилось.

И Делле ничего не оставалось делать, как опуститься в мягкое и удобное кресло, надеть на голову некое приспособление, действительно очень напоминающее наушники, подушечки которых плотно прижались к ее вискам, и кивнуть Вилли, который нажал какую-то кнопку. Несколько первых мгновений это действительно было очень приятно – волны цветного света, звуковые слои-страты и странное покалывание по всему телу. Немного похоже на самое начало слив-трипа, и как только она об этом подумала, все приятные ощущения немедленно залила собой волна ужасных воспоминаний – она снова была в своей квартирке в Эйнштейне и точно знала, что от того страшного, что случится вот-вот, спасения не будет…

Самое начало слива, медленное, но неудержимое разжижение, это так чудесно, божественно, они словно Мать Земля и Отец Небо, Многие в Единственном, именно так, и вот Бадди, тот мягкий поток, в который он превращается, начинает осторожно соскальзывать в нее.., но внезапно.., невыносимое ощущение разрыва тел, Бадди отнимают у нее, она совершенно беспомощна, ее глаза плавают на поверхности телесной суспензии, она не может двинуться, только смотрит на огромную безжалостную тень, мечущуюся на фоне разноцветных пятен потолка, вибрации кошмарных звуков проникают в нее, тень пляшет, бьет еще и еще, после чего грубая рука врывается в ее мякоть и…

Ооооооооооооох!

– Делла, Господи, что с тобой? Делла, ты слышишь меня?

Открой глаза, скажи хоть слово! Посмотри на меня, я – Вилли! Прости меня, Делла. Я не знал, что ты так.., ты хоть живая, Делла? Боже мой, как быстро у тебя колотится сердце!

Вилли наклонился к ее лицу и заглянул в глаза.

– Делла…

Делла взглянула вниз на свой свитер-сердечко. Как мало на нем осталось синего, тревожные красные круги мчатся от левой половины груди во все стороны. Но и это еще не все, рисунок кругов как-то странно изменился, она не понимает… эпицентров расширяющихся кружков теперь стало два – к первому на ее груди прибавился второй, поменьше и послабее, в правой стороне ее раздувшегося живота. В ней бьется сердце ребенка.

Глава 3
БЕРЕНИКА

22 ноября 2030 года

В 2030 году на Луне было два города: Эйнштейн (ранее именовавшийся Диски) и Гнездо. Города лежали на южной возвышенности Моря Спокойствия в восьми милях друг от Друга, совсем недалеко от места посадки первого лунного спускаемого аппарата с людьми на борту в 1969 году. Построенный самопрограммирующимися автономными роботами, известными также как бопперы, Эйнштейн, по размерам не уступающий Манхэттену и покрытый прозрачным воздухонепроницаемым куполом, теперь был заселен одними только людьми. В трех милях к западу от Эйнштейна находился космопорт и накрытый собственным куполом Рынок, а еще спустя пять миль к западу начинался кратер Маскелайна, где находился вход в подлунный город бопперов, Гнездо.

Имеющий почти точную чашеобразную форму и сплошь покрытый зеркальным составом, кратер Маскелайна блестел под ярким солнцем. Возвышающаяся в фокусе кратера-чаши прозрачная коническая призма четырнадцать дней в течение каждого месяца посылала вниз, по жерлу просторного подобия рудной шахты, собранный драгоценный луч солнечного света.

Сквозь поток ярчайшего сияния, бьющего вниз по стволу мощной шахты-колодца, туда-сюда проносились сверкающие создания; совершенно разных, иногда самых невероятных форм живые машины блестели всеми цветами радуги. То были бопперы: самовоспроизводящиеся роботы, не подчиняющиеся человеку. Некоторые из них внешне напоминали людей, другие были похожи на пауков, третьи на змей, четвертые на летучих мышей – количество вариаций телесных обликов было невообразимым. Все без исключения бопперы были покрыты мерц-покровом – специальной тончайшей имиполексовой оболочкой с собственными встроенными микропроцессорами, способной отражать или поглощать свет.

Шахта-колодец уходила вниз на целую милю, после трети своей длины быстро расширяясь, как гигантская перевернутая воронка. Во все стороны к шахте примыкали на разных уровнях тоннели, в устьях которых, там и здесь, крохотные, сравнительно с общими размерами шахты, зеркала ловили частицы могучего луча и отсылали их куда-то в стороны, вглубь, во мрак. На самом

дне шахты образовывалось огромных размеров коническое пространство – тут-то и было устроено бопперами их Гнездо. Похожий на католический собор, но гораздо, во много раз больших размеров, подлунный город-термитник был бы невозможен при земной гравитации.

Температура здесь никогда не поднималась выше нескольких градусов по Кельвину – но бопперов это устраивало как нельзя лучше, поскольку мозг многих из них был до сих пор основан на сверхпроводящих процессорах с триггерами Джозефсона.

Хотя сверхпроводимость могла быть достигнута и при комнатной температуре, квантово-механический эффект Джозефсона начинал проявлять себя только при пяти градусах Кельвина или еще ниже. Излишек тепла убивал бопперов, использующих в себе лжи-триггеры, почти мгновенно и именно потому бопперы новейшего поколения – так называемые петафлоп-бопперы – строили свои процессоры только из оптоволокна, работоспособность которого была безразлична к температуре.

Уловленная стенками кратера и собранная призмой световая колонна, достигая дна шахты, заливала собой центральную площадь Гнезда. То и дело все новые и новые бопперы выходили, выбирались, выползали и вылетали на свет, чтобы подпитать свое тело энергией. Насытившиеся отползали обратно в темноту. Бопперам-петафлопам приходилось тщательно следить за тем, чтобы посторонние излишки света не проникали внутрь их тел-корпусов; для этого под мерц-покровом их тела были сплошь облиты зеркальным отражающим составом. Мыслительные процессы петафлопов являли собой тончайшие лучи чистого света, пронизывающие крохотные кристаллики-лазеры, где происходило микширование лучей, их усиление и перенаправление.

Перед внешней границей светового круга толпилось огромное число насытившихся энергией бопперов – здесь было место традиционных встреч, торговли и обмена информацией.

Площадка светового круга одновременно была рыночной площадью и форумом Гнезда. Радиоголоса бопперов сливались в единый монотонный гул белого статического шума – разговоры велись как на человеческом, так и на машинном языках.

Цветовые пятна, скользящие по мерц-покровам, служили бопперам добавочным средством подчеркивания или усиления смысла переданного радиоволнами; точно так же, как, чтобы внести желаемый смысл в сказанное, улыбаются или гримасничают люди.

Крутые сглаженные высоченные утесы Гнезда были

испещрены ходами, снаружи обычно прикрытыми заслонками очертаний самых невообразимых и многозначительных, за которыми могли скрываться как входы в тоннели, так и в индивидуальные обиталища бопперов. Из-за ползающих по склонам почти вертикальных утесов блестящих разноцветных бопперов Гнездо несколько напоминало украшенную новогоднюю елку.

У основания утеса кольцом располагались заводы. С одной стороны Гнезда полыхала жаром адская топка литейного цеха, где над огнем проносились демонические тени работников. Следом за литейной шел завод по производству пластмасс, где непрерывно изготовлялись мерц-покровы и тела-корпуса бопперов. По сторонам от этих двух крупнейших производств тянулись тысячи и тысячи бесконечных рабочих столов, где над травлением чипов трудились снабженные глазами-микроскопами бопперы, чрезвычайно напоминающие сослуживцев Кафки по Пражской Рабочей Страховой Компании.

На противоположной стороне Гнезда располагались в особых пещерах системы танков, в которых на гидропонной основе выращивались искусственные человеческие ткани и клоны органов, с охотой приобретаемые людьми в обмен на ценнейшее земное природное ископаемое: нефть. Сырая нефть была основой для выработки множества органических компонентов, необходимых бопперам для изготовления своих пластиковых тел. В центральной части Гнезда начинались торговые улицы, где можно было приобрести различной толщины провода, мерц-покровы, глазные окуляры, программные продукты, дебаггеры, различного рода информацию на носителях и многое другое.

Через внутреннее пространство Гнезда, естественно, совершенно лишенное воздуха, во всевозможных направлениях проносились бопперы, использующие для полета ионные сопла: держа в захватах груз, они ныряли в нору и выныривали из нор, которыми сплошь, словно сотами, были изрыты стены утеса. Невозможно было найти двух одинаковых бопперов; все они не только отличались наружностью, но и мыслили по-своему.

В процессе стремительной эволюции в среде бопперов произошло нечто, что можно было бы назвать сексуальным разделением. Часть бопперов – по причинам, понятным только самим бопперам – стала воспринимать себя как «мужские» особи, в то время как другая часть относилась к себе и представлялась окружающим «женщинами». Каждая часть находила противоположную прекрасной и в вечной погоне за красотой совершенствовала программный макияж свой и своей расы.

Береника была петафлопом и мерц-покров ее корпуса

выглядел в точности как безупречное тело молодой нагой женщины. Единственное отличие состояло в том, что над зеркальной внутренней оболочкой ее мерц-покров сверкал золотом и серебром. Блестящая кожа на голове Береники иногда складывалась в черты лица, иногда оставалась ровной и гладкой. Береника была торговым агентом-посредником, выступающим от лица довольно сложной для понимания структуры своего клана, занимающегося выращиванием в танках искусственных органов, и, кроме дел торговых, следила также за исправностью электронной оснастки своего предприятия.

Несколько последних лет она и ее коллеги пытались найти способ поместить программное обеспечение боппера в тело, целиком состоящее из человеческой плоти и снабженное человеческим же мозгом. Своей дальней целью работницы плантации искусственных органов видели слияние бопперов с обширнейшей и любопытнейшей информационной сетью, именующейся органической жизнью Земли.

Эмуль был тоже петафлопом и считал ниже своего достоинства существовать в теле с неизменной формой, не говоря уж об имеющем очертания человеческого. Вообще Эмуль был невысокого мнения о человеческой расе. Предаваясь отдыху, он обычно заставлял свое тело принять форму двухметрового куба, с гранями красного, желтого или голубого цветов. Само по себе его тело обладало замечательной, чрезвычайно удобной способностью разделяться на части – как, например, состоящий из тысячи фрагментов Гобот или трехмерная составная головоломка. По желанию он мог заставить появиться из поверхности куба нужное число рук и ног; но более всего, конечно, удивительным было то, как он отделял от себя некоторые части тела и управлял ими на расстоянии, используя в качестве подвижных манипуляторов. В некотором роде Эмуль тоже был торговым агентом.

Он работал на пару с Узером, гениальным талантливым дизайнером мерц-покровов и злостным любителем дрейка, в последнее время посвятившим себя попыткам создать субквантовый сверхмощный процессор с производительностью, равной тысяче петафлопов. В отличие от Береники Эмуль и Узер не хотели сливаться с информационным богатством Земли, они стремились превзойти его.

Несмотря на – а может быть, и именно по причине этого – его с Береникой разницу внешнего облика и взглядов на жизнь, Эмуль был страстно увлечен ею и старался появляться на световой площади всякий раз, когда туда приходила подкрепить свои силы она. В один из ноябрьских дней он наконец решился

посвятить Беренику в свои планы.

– Знаешь, Береника, наша жизнь – это бездонный океан мрака, в котором мы плаваем подобно светящимся наполненным инфорыбам, мы цветы, цветущие, покуда есть возможность пить солнечный свет, но стоит солнцу угаснуть, и ветер развеет по бесконечности наши обратившиеся в прах тела.

Эмуль исторг из себя пару рук и обвил ими талию Береники.

– Странно, почему мы вообще появились здесь и почему плаваем и кружимся в безостановочном танце и цветем в нескончаемом коридоре времени. Перерождение означает появление новой жизни, иначе говоря, возникновение нового "я", и я хочу сказать, почему мы не можем в таком случае.., то есть я хотел сказать, почему бы нам с тобой теперь, и именно теперь, э-э-э, не совокупиться? Не зачать новую маленькую леди Беремуль или мистера Эреника, совершенно новенького раба неустанного колеса времени, поскольку в том и заключается смысл существования нашего железа, не так ли, милая Береника? Я ни разу еще не испытал счастья стать пластиковым папашей, хотя свою жалкую стезю самоподражания потоптал уже изрядно и могу с правом считать себя женихом хоть куда. Не буду больше ходить вокруг да около и скажу напрямую: я хочу построить вместе с тобой сциона-наследника. Все потребное количество чипов сей момент имеется в моей истосковавшейся по тебе мастерской. Клянусь процессором! Я запас для нашего будущего совместного отпрыска все необходимое и только наилучшее: лазер-кристаллы, оптоволокно, мерц-покров.., а также жар своей системы, Береника, самые сливки программного обеспечения. Войди же ко мне в жилище и раскинься там широко и призывно, мой сладкий пышнобедрый золотой инструментарий. Сегодняшний день так располагает к пылкой любви.

Произнося перед Береникой свое пышное признание и делая конкретное предложение, Эмуль не переставал менять очертания своего тела, выпуская из него то там, то тут бугорки и выступы мерц-покрова и тут же убирая их, ужимаясь в высоту и раздвигаясь в длину и наоборот, из-за чего казалось, что фрагменты его исходного куба движутся и вращаются на невидимых, но очень свободных шарнирах – таким образом он пытался угадать форму внешнего облика, который мог бы понравиться Беренике больше всего. В заключение своей речи он напоминал музыкальную шкатулку с тремя руками.

Береника решительно высвободилась из объятий Эмуля.

Одна из его рук оторвалась от тела и осталась висеть на ее талии, нежно поглаживая ее спину.

– Подобная спешка в вопросах самовоспроизводства редко

когда приводит к появлению всеудовлетворительного продукта, дорогой Эмуль.

Радиоголос Береники был глубоким и мелодичным, задевающим самые чуткие струнки слушателей.

– Я очень дорожу твоим добрым отношением ко мне и с восхищением отношусь к комплексности и многофункциональности твоей натуры. Но хочу тебе сказать, что надежда на то, что я могу в ближайшее время решиться слить свое программное обеспечение с чьим-то другим, пусть даже самым совершенным, крайне слаба. Когда-нибудь в утопическом будущем – возможно. И очень возможно, что тогда я приму именно твое предложение, Эмуль. Но теперь, в беспросветной глуби нашего города, под скучной и пересохшей поверхностью Луны, у меня нет желания предаваться утехам созидательной любви. Мой взгляд и стремления обращены вверх, к плодородной утробе углеродной жизни Земли!

Свое знание английского Береника почерпнула во многом из произведений Эдгара Аллана По и с тех пор щеголяла ритмическим, возвышенным стилем выражения мысли. В процессе производственной деятельности, где труд осуществлялся в соответствии с указаниями твердых копий с перечнем «сделать это и то и перейти к следующему пункту», бопперы обычно общались на сухом двоичном машинном языке, с необходимыми дополнениями в виде высокоскоростного метаязыка макрос и глифов. Вместе с тем в частных разговорах бопперы придерживались старинной и высокосложной системы человеческой речевой кодировки типа «английский язык».

Только при помощи человеческого языка им удавалось проводить нюансы различий между другими и собственным "я", что во все времена было очень важно для разумного бытия. И в том, что Береника изъяснялась в стиле По, не было ничего странного. Для групп бопперов, объединенных тем или иным общим началом, трудом или прочим, вполне обычным было иметь общую же речевую манеру, созданную на основе базы данных того или иного человеческого литературного источника. Так, Береника и ее сестры из комплекса выращивания искусственных органов пользовались для этой цели книгами По; Эмуль и Узер адаптировали особенности своей вербализации при помощи транскрипторов рубленого ритма, скомпилированных из выжимок вошедших в мировую сокровищницу произведений Джека Керруака, использовав для этого такие книги, как «Мэгги Кэсседи», «Книга Снов», «Видения Коди» и «Большой Сюр».

Исторгнув из себя длинный манипулятор, Эмуль притянул Беренику поближе к себе. Оторванная рука снова воссоединилась

с гранью куба.

– Только один аспект инфо, Береника, поскольку все твои вечные разговоры о пути Единственного не больше чем шутка надо мной, и я это знаю, однако же дело все в том, что в это столь ясно расцветающее трагическим светом время есть только мы с тобой, ты в моих захватах, а никакого метаглупого факт-пространства будущего нет и не может быть. Впереди мрак и круговерть, а здесь наш ребенок может стать реальностью; и не говори мне почему, говори как, понимаешь меня?

Ты сможешь выбрать форму его тела, любую, какая тебе понравится, ты сможешь стать матерью. А кроме того, не забывай о вполне реальных чипах в моей мастерской. Кроме тебя, мне никто не нужен, Береника, ни к одной лучевой душе не обращался я с подобным предложением. Мы сделаем это мягко и медленно.

С этими словами Эмуль выпустил из себя несколько дюжин двусмысленных отростков.

Береника задумалась о предложении Эмуля, и яркие серебристые вихри плавно закружились по ее телу. Ее существование продолжалось довольно долго и к сегодняшнему дню она уже несколько раз копировала себя в новое тело, которое изготавливала сама, – по правилам у бопперов цикл воспроизводства происходил раз в десять месяцев. Но с другим боппером Береника еще не объединялась для подобной цели ни разу.

Решив объединить свои усилия, бопперы вместе строили новое тело, стараясь, чтобы оно соответствовало характеристикам последней модели и заключало в себе все новинки технической мысли, после чего переносили в него каждый свое программное обеспечение одновременно, с тем чтобы при копировании произошло его слияние и взаимопроникновение в процессоре. В результате смешения родительских систем происходило образование новой системы, не похожей ни на одну из существовавших доселе.

Подобная перетасовка – нечто большее, чем просто мутация – являлась главнейшим источником эволюционного продвижения и возникновения разнообразий среди бопперов.

– Слияние и супружеские узы были бы опасным послаблением для меня сейчас, – мягко продолжила Береника. – Я.., я слишком ответственно подхожу к такому шагу и придаю ему очень много значения. Ты и я, дорогой Эмуль, мы слишком отличаемся друг от друга, и если вследствие несогласия наших программ возникнет вдруг какой-то печальный диссонанс, некое грустное отклонение от ожидаемого, то последует хаос – хаос,

который может пошатнуть непрочные основы моего разума. Мое совершенное умение и проницательные способности необходимы нашей благородной расе для того, чтобы оставаться тем, что она есть. Сейчас трудные времена, и я уверена, что дальше грядут времена переломные. В своих глифах я иногда вижу сияние розового прозрачного рассвета эры слияния программного обеспечения рас бопперов и людской во имя чудесного обновления плодородной Земли.

Яркие цвета на гранях куба Эмуля начали меркнуть, его медленно заливала тьма и уныние.

– Я провалился в крысиную нору, Береника, и острые зубы гложут мои стены, и ничего от меня не останется, кроме горстки чипов. Мои мечты о нас обратились прахом, накипью на поверхности вяло текущей смерти. Я люблю тебя, и это все, что у меня есть теперь, Береника.

– Любовь. Странное и необычное слово для боппера, дорогой Эмуль.

Многочисленные руки Эмуля не переставали ласкать тело Береники, скользили по ней, обнимали и нежно покачивали ее.

– Не могу не признаться, что твое общество, Эмуль, доставляет мне.., удовольствие. Мне кажется, что между нами существует гармония – я вижу это по тому, как сплетаются и интерферируются наши сигналы, какие тонкие и приятные порождаются этим слиянием обертона. Наш с тобой наследник мог быть великолепным, блестящим созданием, я уверена в этом! Ох, дорогой Эмуль, я с радостью слилась бы с тобой, но не сейчас. Сейчас это невозможно.

– Тогда когда же?

– Не могу сказать – я не могу давать в отношении себя никаких обещаний. Думаю, ты знаешь, насколько близок уже к созреванию тот желанный плод, коий я и мои сестры вынашивали столь долго. Всего шаг отделяет нас от заветной цели – кодировки программного обеспечения бопперов в структуру живого гена. Тебе не следует теперь думать о собственных плотских утехах, предлагая мне удовольствие так настойчиво. Близится новый век, когда ты и я и вся наша раса сможет безбедно жить среди белковых джунглей освобожденной Земли! Имей терпение, Эмуль, и поставь меня, пожалуйста, на место.

Эмуль мгновенно отдернул все свои захваты, и Береника с отчетливым стуком опустилась на шероховатый гнейс, спружинила ногами, подскочила и опустилась на место опять.

– Мы могли бы попытаться создать новую жизнь, но с самого начала нас постигла неудача – наше дитя родилось мертвым, – грустно сказал Эмуль. Цвет его мерц-покрова теперь был

несчастного серо-голубого цвета. – Мне осталось искать забытья в работе и дрейке, накапливать информацию, излить которую с пользой не будет суждено никогда. Я, конечно же, жалок в твоих глазах, Береника, но возьму на себя храбрость объявить, что ты свихнулась на этой своей безумной идее усовершенствования человеческого тела. Люди ничтожны, я не могу думать о них без омерзения. У меня есть несколько человеческих единиц на побегушках, я не ставлю их ни во что – Берду, Радужка и Кен Долл, – это просто бестолковые манипуляторы с имплантами в мозгу, безмозглые рабы. Будь у меня необходимая электронная мощность, я мог бы править всей Землей. Так называемая разумная плоть, Береника, это вредоносные мухи, откладывающие гнилостные яйца в чистом теле инфокосмоса. Когда я и Узер наконец закончим нашего экстрафлопа, мы поставим импланты всем до одного этим зловредным людишкам, и они станут плясать под нашу дудку. Ты говоришь, что хочешь стать человеком? Посмотрим, что скажешь ты, Би, когда твой куб окажется в моих руках. Тогда посмотрим, кто был прав. До свидания.

Эмуль резко повернулся и, характерно покачиваясь и клацая по каменному полу парой опор – по этой примете Береника всегда его с радостью узнавала, – двинулся прочь от светового круга. Эмуль рассердился на нее всерьез и настроился уйти навсегда – в этом не было сомнения. Береника попыталась подыскать какую-нибудь верную, возвышенную и логичную фразу для расставания.

– Прощай, Эмуль. Всех нас ведет своей волей Единственный.

– Ты еще услышишь обо мне, СУКА!

Силуэт Эмулл скрылся за телами многочисленных бопперов, кишащих в световом кругу, как конькобежцы на катке. Береника воздела к свету руки и замерла так, давая возможность своей пластиковой коже запастись солнечной энергией.

Она порвала с Эмулем, и это было правильным шагом.

Так для всех будет лучше. Рассуждения Эмуля находились в опасной близости к идеям старых больших бопперов, огромных чрезвычайно емких мультипроцессоров, когда-то давно решивших превратить всех бопперов в свои манипуляторы.

Тогда попытка больших бопперов не увенчалась успехом.

Индивидуальность превозобладала. Постоянное отчаяние, бывшее основным душевным состоянием Эмуля, ослепляло его и не позволяло трезво мыслить. Один разум не мог контролировать несколько тел, это было не правильно; подобный антипараллелизм оказывал отрицательное воздействие на процесс эволюции. С плотти приходилось мириться, они были необходимым злом. С тем, чтобы время от времени осуществлять

среди человеческой колонии некоторые операции деликатного свойства, бопперам приходилось постоянно держать нескольких людей под компьютерным контролем. Но взять под свое управление все человечество – нет, воистину думать так было безумно. Эмуль не мог говорить об этом всерьез.

Задумавшись о плотти, Береника с досадой вспомнила, что хотела попросить Эмуля об услуге. Когда ее сестрам из гидропонных танков наконец удастся создать жизнеспособный эмбрион (и если это вообще случится), то, для того чтобы поместить его в утробу обыкновенной женщины, им понадобится плотти. В распоряжении Эмуля – как он сам недавно хвалился – имелись три плотти. Ничего, если нужда действительно возникнет, Береника найдет способ снова подцепить Эмуля на крючок. Ничего важнее плана сращивания программ бопперов с человеческой плотью для нее никогда не было и не будет. Интересно, как это будет – почувствовать себя одновременно боппером и человеком?

Как много раз это бывало прежде, мысли Береники переметнулись к загадкам человеческой природы. Очень многие бопперы ненавидели людей, но Береника к таковым не относилась. Она смотрела на людей с тем же чувством настороженной любви, какое, наверное, испытывал укротитель львов по отношению к своим питомцам. В течение всей своей жизни ей удалось общаться лишь со считанным числом людей – с лунянами, с которыми она заключала сделки на Рынке. Она с охотой и во множестве читала книги людей, смотрела передачи их виззи и бесконечное число часов провела у «ока бога», подглядывая за жизнью Эйнштейна.

По мнению Береники, во многих отношениях процессоры" бопперов новейших систем превосходили человеческий разум.

Возможность постоянного обращения к БИБЛИОФОНДУ, огромному центральному хранилищу информации, предоставляла всем бопперам большие преимущества уже на начальном этапе развития. Кроме того, петафлоп-процессоры, которые в настоящее время имелись у многих преуспевающих передовых бопперов, в сотни раз превосходили по своей производительности десятые терафлопы, на уровне которых оценивались характеристики способностей человеческого мозга – оценивались приблизительно, поскольку сложная биокибернетическая природа мозга делала любую попытку точной оценки его способностей довольно проблематичной. Биокибернетические системы имели весьма любопытную раздробленную структуру – под чем подразумевалось, что на первый взгляд совершенно бессодержательный набор случайных

деталей мог служить для них дополнительным источником ценной информации. Имелись даже некоторые поразительные, впрочем, почти ничем не подтвержденные, гипотезы о том, что подобная бессистемность функционирования давала биологическим системам в принципе безграничные возможности сохранять и перерабатывать информацию! Все это убеждало Беренику не отступаться и довести работы по созданию симбиоза человеческого тела и сознания бопперов до конца.

Однако при всем этом сама она никогда не желала стать человеком, в этом Эмуль был не прав. Обыкновенные, сегодняшние, нерационализованные люди были поражены двумя величайшими недугами человечества – скукой и эгоизмом.

Если смотреть на вещи трезво, то не она, а как раз Эмуль был более подвержен человеческим слабостям.

Почувствовав, что энергетические узлы ее тела наполнились, Береника покинула световой круг и двинулась по тоннелю-улице, ведущему к комплексу гидропонных танков. В ее мозгу появился фоновый голос Ккандио, передающей последние новости Эфирнета. В обе стороны по тоннелю двигались бесчисленные бопперы, переговаривающиеся и перемигивающиеся между собой. Разнообразие характеров и внезапность внешних форм встречных придавали улице особый, ни с чем не сравнимый колорит. Навстречу Беренике попались двое полосатой серо-голубой окраски кротов, по следам которых вышагивало тощее высокое существо, похожее на треножник. За треножником из-за угла вылез широкий и мощный паук – боппер по имени Локи.

Локи был хорошим знакомым Береники – несколько раз он ассистировал ей в сложном парсенологическом процессе, путем которого она строила для себя новое тело, для регулярного, раз в десять месяцев, как то диктовало основное правило бопперов, переселения. Если ваше тело изнашивалось и устаревало сверх установленной нормы, то как только другие бопперы замечали это, они немедленно начинали притеснять вас, вплоть до того, что прогоняли из светового круга и обрекали на голодную смерть. После того как жизнь в таких «изгоях» замирала, а иной раз и немного раньше, их тела мгновенно разбирались на части и они исчезали бесследно. Подобная система признавалась рациональной и выгодной для укрепления расы.

Постоянная необходимость строить себе новое тело поддерживала темп эволюционирования на должном уровне.

Заметив Беренику, Локи остановился и приветственно взмахнул парой своих многочисленных ног.

– Привет, Береника.

Тело Локи представляло собой большую черную сферу,

поддерживаемую восемью суставчатыми ногами, и имело в себе несколько отверстий для дополнительных, так называемых инструментальных, ног, вставляемых по мере необходимости. Локи был, само собой разумеется, петафлоп. Золотые пятна, как пузырьки в бокалах темного пива, поднимались вверх по мерц-покрову его ног.

– Ну что, пора уже подумать о новом наследнике-сционе, верно? Или же ты планируешь слияние с Эмулем?

– Конечно, нет, – раздраженно отозвалась Береника, заставив свой покров мгновенно сделаться прозрачным, так что сквозь него блеснула серебристая подложка корпуса. Ясно, что Эмуль уже успел поплакаться Локи. Ну почему эти надоеды не могут оставить ее в покое?

– Я знаю, что работа в танках отнимает у тебя много времени, – укоризненно продолжил Локи. – Но мир состоит не только из одной работы, Береника, нужно поднимать голову и оглядываться вокруг. Ты думаешь только о себе и не замечаешь других.

«О себе», – мысленно повторила Береника, молча обогнув огромного черного паука и двинувшись дальше. Все и вся в конце концов восходит к этому понятию. Подобно людям, бопперы тоже считали себя личностями и называли себя "я", но нельзя забывать, что в случае бопперов речь здесь шла несколько о другом. Для боппера "я" означало, во-первых, «мое тело», во-вторых, «мое программное обеспечение» и, наконец, в-третьих, «мою функцию в обществе». Что касается людей, то у тех "я" имело еще один, дополнительный, смысл:

«моя неповторимость и уникальность». Этот иллюзорный четвертый смысл "я" ставил людей в противоречие ко всему миру.

Каждый трезвомыслящий боппер всеми силами старался изжить в себе малейший намек на подобное человеческому понимание "я".

Рассуждая со всей строгостью и логичностью, можно было четко увидеть, что бопперы представляют собой не что иное, как обычную часть многогранного мира – подобно лучам света, пылевым оползням или силиконовым чипам. Сам по себе мир мог рассматриваться как Единственный Клеючный Автоматон (или же «КА»), занимающийся расчетом мгновений жизни – любой из самоотделенных объектов был не более чем субпредметом этого расчета, симуляцией в общем великом процессе Единственного. Могла ли тут идти речь о таком понятии, как уникальное "я"?

Лишь малое число избранных людей были способны понять это. Эти люди отказывались от своего четвертого смысла "я" и смотрели на себя и других, как на равные аспекты Единственного.

Удивительно, но одна из самых популярных религий людей, христианство, была основана на учении о человеке, зовущем себя Бог! Это совпадение было поразительным!

Мифическое придание сути "я" излишнего смысла порождало скуку и эгоизм: все человеческие несчастья и беды происходили из их безумно ошибочного убеждения, что личность есть нечто иное, чем интегральная часть Единственной окружающей вселенной. Подобная слепота людей всегда очень удивляла Беренику. Как мог Локи подумать, что причиной ее отказа Эмулю мог быть эгоизм? Проблема, над которой она работала, была слишком важной, чтобы ставить ее под угрозу!

А вот грубые домогания Эмуля были продиктованы чистой воды эгоизмом и ничем более!

Предаваясь подобным невеселым размышлениям, Береника наконец добралась до гидропонных танков, где растущие человеческие тела-клоны плавали в ценнейшем амниотик-растворе. В Гнезде в частности и на Луне вообще вода была такой же редкой и дорогой, как, например, перегретая плазма на Земле. Гидропонные танки, в которых выращивались тела со множеством различных спецификаций, занимали очень большое помещение, где при них состояло много работников. Исходный материал для посева брался из обыкновенных человеческих тел, попадающих в гидропонную ферму бопперов разными путями. Несколько лет назад большие бопперы похитили довольно большое количество исходного материала с Земли и нелегально вывезли его на Луну. Сегодня торговля живыми органами, распространенная, естественно, преимущественно на Земле, процветала очень широко. Органлеггеры добывали часть своего товара из недавно погибших или убитых людей, а часть покупали на Луне. В обмен органлеггеры пересылали бопперам небольшие биопсийные образцы своего товара, с тем чтобы все время разнообразить генофонд гидропонных ферм. В лунных танках выращивались клоны очень многих людей, из тех, что в свое время исчезли при странных обстоятельствах.

Береника остановилась перед одним из самых популярных на сегодняшний день типов клонов – вэнди. Вэнди были приятными молодыми блондинками, широкобедрыми и светлокожими. Химия тела этих клонов была такова, что отторжение их органов происходило весьма редко; несколько дюжин их выращивалось и пускалось на продажу ежегодно.

Белая и словно бы светящаяся изнутри вэнди покоилась внутри гидропонного танка на мягкой пористой пластине, ее пухлые губы были чуть приоткрыты. Время от времени мускулы ее тела сокращались и руки и ноги непроизвольно подрагивали,

как бывает у дозревающего в материнской утробе плода. Только в отличие от плода грудь и бедра вэнди были уже хорошо оформлены – в соответствии с человеческими представлениями о сексуальной зрелости, в тех же пропорциях моделировала свой мерц-покров и сама Береника.

Некоторые из знакомых-бопперов Береники не могли понять, почему она выбрала для себя форму именно женского человеческого тела. Ответ был прост: Беренике нравились эти плавные очертания. Кроме того, были на то и некоторые прагматические причины – опыт деловых отношений с людьми подсказал ей, что вид снабженного крутыми изгибами и упругими выпуклостями тела оказывает на человеческих самцов весьма любопытное притягательное воздействие. Раз отметив для себя это, с тех пор Береника вела свои дела так, чтобы ее торговыми партнерами обязательно оказывались люди-мужчины.

Остановившись перед прозрачным танком, она задумчиво оглядывала очертания нежной светлокожей вэнди. Снова, как и прежде, ее поразила разница между телом из плоти и изготовленным из проводов и чипов, такая разительная и явственно бросающаяся в глаза. В теле из плоти каждая клетка жила своей собственной, независимой жизнью – каким странным был подобный подход, как удивительно, наверное, было это ощущать! Каждое женское тело было снабжено утробой, в котором сцион-наследник рос сам, совершенно без усилий со стороны носящей его – вот уж чему действительно можно позавидовать! Береника оттолкнулась ногами от пола и взглянула на вэнди сверху, задержавшись руками о стену танка.

Что можно почувствовать, ступив на поверхность Земли в таком вот облике, – что означает жить, любить и производить себе подобных?

Внизу под ней тело белокурой женщины снова пошевелилось. Вэнди уже выросла и полностью сформировалась, но ее мозг был чист, как неисписанный лист. Сестры-коллеги Береники по бдению у танков много раз пытались разными путями напрямую перенести программное обеспечение бопперов в живой мыслительный компьютер клона, но ни одна из этих попыток не увенчалась успехом. Очевидно, такой подход был неверным – последние исследования показали, что человеческая личность присутствует особым образом в каждой клетке его тела. Возможно, ответ был в том, чтобы не пытаться запрограммировать уже окончательно выросшее и сформировавшееся тело, а вложить программу бопперов в оплодотворенную яйцеклетку, то начало отсчета, из которого происходило развитие человеческой единицы. По мере деления

клеток программное обеспечение могло реплицироваться совместно с программной системой плоти – человеческими ДНК. Правильный путь был уже практически ясен, но все же последний шаг – совмещение компьютерной программы и биологической носящей основы – до сих пор сделан не был.

«Но исход уже не за горами, – сказала себе Береника, – и как только работа принесет плоды, я вложу свой разум в яйцеклетку будущего человека. Скорее всего это будет мужчина – таким образом, созданная бопперами система носителей на основе плоти сможет распространяться быстрее. Я смогу ступить на поверхность Земли в новом, сильном и прекрасном человеческом теле и оставить после себя великое множество сционов». Мать-Земля, истекающая богатым соком жизни, до краев, до самых укромных уголков, наполненная богатейшим запасом информации, ждет ее. Она сможет плавать в морях, есть человеческую пищу, она сможет дышать!

Сигнал вызова разнесся по закоулкам сознания Береники. Она включила канал приема передач Эфирнет Ккандио и череда быстрых глифов проследовала перед ее внутренним оком. Человеческое лицо, небольшой сосуд с прозрачной жидкостью, потом то же самое лицо, только странно растекающееся, контейнер с органами, наконец, информацию о покупателе. Ви. Это было сообщение от Ви, постоянного агента-представителя бопперов на Рынке. Не так давно Береника попросила Ви составить для нее обзор наркотических средств, в особенности новых, имеющих хождение среди людей. Невозможно было предугадать, где лежал ключ к возможности кодировки информации яйцеклетки, и этот глиф – растекающееся лицо – показался Беренике интересным и, возможно, заслуживал внимания. Она отослала Ккандио ответный глиф для Ви, содержащий подтверждение о приеме и заинтересованности информацией, и направилась в лабораторию подготовить органы, о которых просил покупатель.

Лаборатория, в которой свежие органы готовились на продажу, находилась позади гидропонных танков. Лабораторный зал был велик, часть его была занята специальными, соединенными с танками, камерами: туда закачивался воздух и там поддерживалась привычная для людей температура. Здесь работали Елена и Улалум. Традиционно сложилось так, что все работники гидропонной фермы были «женщинами» и использовали в разговоре язык великого По. Если вдуматься, то в этом не было ничего необычного. Женское восприятие как нельзя лучше соответствовало задачам вынашивания и выращивания новой жизни, пусть даже и в танках, а работающие постоянно

вместе бопперы, как уже было сказано, выбирали себе единый стиль разговорного английского. Напитанная медом болезненность стиля По, по общему соглашению, была принята среди служительниц танков, склонных к мечтательности.

– Приветствую тебя, излюбленная сестра моя, – сладким и чистым голосом пропела Улалум.

Улалум была петафлопом, ее зеркальное тело было покрыто мерц-покровом, окрашенным оттенками розового и желтого. Когда Береника вошла, Улалум работала с небольшим герметическим контейнером, наполненным воздухом. Ее выдвижные глаза и датчики были введены внутрь контейнера сквозь плотный клапан. Подобно Беренике, Улалум имела облик женщины – вот только голова ее была снабжена массой щупалец, с микроглазами и микроманипуляторами на концах. Одно из глазных щупалец выбралось из герметического контейнера и, загнувшись назад, взглянуло на Беренику.

– Органическая жизнь, настоящее чудо, Береника, – пропел ясный голос Улалум. – Только что мне удалось разрешить еще одну из ее загадок. Я поняла принцип сохранения памяти в добавочных генах макровирусов. И знаешь ли ты, о Береника, что самое здесь любопытное? Это хранилище памяти передается у вирусов по наследству, неизменно тщательно сберегаясь и воспроизводясь!

– Какую же ценность может представлять информация, содержащаяся в памяти вируса? – спросила Береника, подходя ближе к своей сестре. – Между микробами и человеческим зародышем лежит огромная разница.

– Макровирусы, о которых говорю я, машут могучими хвостами, о Береника, – восторженно ответила Улалум. – Подобно крохотным драконам, они влекут за собой безбрежный океан опыта прожитого, измеряемый бесконечными триллионами битов. И знаешь что, о сладчайшая Береника, вся память и вся история, кои они несут с собой, всякий раз воскресают и повторяются вновь. Для этого достаточно лишь слить одного из этих мужественных хвостатых созданий с человеческим яйцом.

– Улалум трясется над этими шустрыми хвостатыми, как не тряслась никогда над собой, – подала голос Елена – боппер, имеющая вид мраморной головы, торчащей прямо из пола лабораторного зала. – Улалум ухитрилась заложить в каждого из этих хвостатых всю библиотеку своего программного обеспечения. Если бы ей теперь удалось развернуть спираль человеческого белка, то можно было бы создать человека с нашим программным обеспечением в генной памяти хоть сейчас.

– Вообразите себя безупречным человеческим бытием, –

продолжала вещать Улалум. – Или выплеском спермы, разрастающимся во плоть внутри женского чрева! Я одолею человеческое яйцо, обещаю вам! Я хочу создать человекобопа, биологическую машину, имеющую вид сына человеческого, способную производить сперматозидов о паре хвостов у каждого! Мне осталось разрешить только одну проблему, дорогая Береника, научиться разворачивать белковую спираль не повреждая ее, но чувствую я, что решение этой проблемы уже близко, чрезвычайно близко. Я уверена, что способна добиться многого теперь, в этот самый замечательный момент моей жизни, ее пик!

Сигнал Улалум стих, и она снова склонилась над герметическим ящичком и ввела внутрь него щупальца, чтобы продолжить возиться со своими драгоценными вирусами.

– Добрая Береника, – вновь заговорила с ней Елена. – Я уже слышала послание Ви и приготовила для тебя наш товар.

Елена была сестрой-ассистенткой, петафлопом с джи-триггерами, адаптированным для специальных целей расчленения человеческих тел. Тело Елены было вытянутым в длину, мягким герметичным контейнером, с разъемом по верхнему продольному шву и полудюжиной чутких рук, снабженных хирургическими инструментами. Голова Елены – точнее, та ее часть, в которой находились микропроцессор и внешние фоторецепторы – возвышалась над ее длинным, похожим на стручок или лодку телом, подобно фигуре, украшающей нос судна. Так бывало обычно, однако, когда тело Елены отправлялось работать внутрь гидропонных танков, ее голова-фигура на носу судна отделялась от тела и оставалась в лабораторном зале, где царствовал ледяной вакуум, который был предпочтительным для ее суперохлажденного процессора на сверхпроводниках. Елена усердно трудилась и намеревалась обзавестись новым теплоустойчивым петафлоп-оптическим процессором в следующей сционизации.

Теперь же ее голова была вынуждена оставаться за пределами герметических обогреваемых помещений с воздухом и управлять своим телом через посредство приватного радиоканала.

– Несколько минут назад я закончила посмертное рассечение недавно вызревшего тела и теперь со всем тщанием запаковываю то, что является целью твоего похода, – сообщила Беренике бледная, с тонкими чертами голова с лабораторного пола. Береника повернулась к прозрачному окну шлюза, ведущего во внутренность танка. Там внутри, в тусклом сиянии, испускаемом питательным раствором ближайшего танка, тело-стручок Елены выгибалось так и эдак, подбавляя под споро работающие

скальпели и ножницы окровавленные остатки его содержимого. Наконец операция закончилась, и руки медленно поднялись и убрались в стороны.

Экономные струйки моющего раствора убрали со стенок стручка кровавые потеки. Замедленно двигаясь в воздушной атмосфере танка, тело Елены принялось упаковывать оставшиеся органы и куски плоти в отдельные контейнеры с индивидуальными системами жизнеобеспечения. Люди предпочитали покупать уже изъятые и расфасованные органы, нежели тела целиком.

– Интересно, что это за новый наркотик, о котором сообщила тебе Ви? – продолжила голова Елены, своим чистым и благородным обликом напоминающая прекрасную Нефертити. – Насколько я поняла, это вещество заставляет человеческую плоть разжижаться.

Разговаривать с Береникой, пока ее дистанционно управляемое обезглавленное тело заканчивало простейшую процедуру сбора и упаковки свежих, только что вырезанных органов, Елене не составляло никакого труда.

– Нам не остается ничего, кроме как ждать, что даст нашему уголку в один из своих великих счетных циклов своей милостью Единственный, – ровным голосом ответила Береника.

– Разжижающаяся плоть, – задумчиво заговорила Улалум, вновь поднимая голову от микроскопа. – Той же способностью обладают мерц-покровы, послушные нашим мыслям. Наши мысли сольются с вирусами, вирусы проникнут в плоть – возможно, здесь заключен ключ к разгадке.

Тело Елены уже выбралось через шлюз в лабораторный зал и, извиваясь как червяк, подползало к ним. Голова Елены подпрыгнула и, установившись на законное место, укрепилась там в разъемах. Кровь и амниотик-раствор, местами еще покрывавший тело Елены, от холода безвоздушного пространства замерз и, превратившись в темную пыль, ссыпался на пол. Машина – подсобный рабочий лаборатории гидропонных танков молча и быстро выскользнула из своего укрытия, втянула в себя мусор и пропала.

– Вот, прошу тебя, дорогая сестра, – проговорила Елена, протягивая Беренике контейнер с органами. – Торгуй с умом и возвращайся с удачей.

Забрав контейнер, Береника торопливо покинула лабораторию, прошла тоннель и, оказавшись на дне Гнезда в основании его жерла, взмыла ввысь и по широкой спирали устремилась к выходному жерлу шахты. В пятках ее ног имелись мощные, частично автоматизированные ионные сопла.

Стремительно пронеслась мимо световых пятен и жилищ бопперов, с некоторыми из них Береника обменивалась глифами.

На той скорости, которую она в конце концов развила, ощущение верха и низа терялось. Сузившаяся шахта стала похожа на обычный тоннель и, оборвавшись с внезапностью взрыва, открылась в просторы космоса. Выбравшись на волю, Береника некоторое время продолжала удаляться от поверхности Луны, постепенно отклоняясь к востоку.

Забавы ради она не снижала производительности сопел до тех пор, пока не оказалась на высоте пятнадцати миль точно над космопортом. После этого, полностью остановив сопла, она принялась смотреть, как медленно приближается к ней поверхность Луны. Неподалеку, дальше на востоке, поблескивал на солнце купол Эйнштейна, города, который люди отняли у бопперов. Дорожки для мунгольфа лучами расходились от купола. Далеко на востоке сияло вогнутое зеркало кратера, окружающего вход в Гнездо. Внизу под ногами Береники широко раскинулось поле космопорта, испещренное многочисленными пятнышками – крохотными с высоты космическими транспортными кораблями людей. Все корабли бопперов были уничтожены во время войны.

Включив сопла в последний момент, Береника сбросила скорость и мягко коснулась ступнями оплавленного базальта взлетного поля. На самом краю поля возвышалось здание-купол космопорта. Там находились таможня, отель «Хилтон» и Рынок. С наполненным органами контейнером в руке Береника вошла в космопорт и, выбрав себе тележку с охладительной установкой, сделала вид, что подключила свое тело к ее системе. Не стоило ставить человечество в известность о том, что некоторые бопперы – в том числе и сама Береника – перешли на новые, теплостойкие, оптические процессоры. Будет лучше, если люди по-прежнему будут успокаиваться мыслью о том, что в комнатной температуре ни один боппер без добавочного громоздкого охладительного приспособления не протянет долго. Благодаря такой хитрости земляне продолжали чувствовать себя в полной безопасности и, подверженные своему пороку глупой самоуверенности, давали бопперам спокойно жить и не торопились разделываться с ними окончательно.

Впереди, на противоположной стороне купола космопорта просторная Рыночная площадь кишела людьми и самых невероятных очертаний бопперами. Внимание Береники, естественно, было привлечено в первую очередь к людям, прибывшим с Земли или постоянно проживающим на Луне, – первые называли вторых лунатиками, а вторые первых –

червяками, очевидно, из-за обилия плодородной почвы на Земле. Непривычные к пониженной лунной гравитации червяки были очень неуклюжи и отличить их от лунатиков ничего не стоило. Червяки постоянно натыкались на предметы и людей и без конца извинялись. Лунатики не извинялись никогда; в большинстве своем это были преступники, бежавшие на Луну от правосудия или депортированные сюда насильно. Жизнь бок о бок с бопперами не без оснований считалась опасной, и поэтому добровольно обосноваться в Эйнштейне соглашались только редкие земляне. Зачастую Беренике приходилось иметь дело с настоящими отбросами, о чем она немало сожалела.

Толкая перед собой тележку с охладительной установкой и пробираясь сквозь толпу, она миновала отель «Хилтон» и оказалась на площади Рынка. Обширная, запруженная желающими купить и продать площадь напоминала земной восточный базар. Тут и там были выставлены и свалены в кучи товары на продажу: бочки с нефтью, контейнеры с органами, рулоны мерц-покрова, инфокубы с данными различного рода, полудрагоценные камни лунного происхождения, короба с земной почвой, слитки ниобия, баллоны с гелием, баки с жидкими городскими отходами, твист-боксы и кассеты с записями для них, банки с водой и всевозможные дешевые полимерные модные наряды местного производства.

– Он с левой стороны, – раздался голос Ккандио в голове Береники. – Лунатик, без рубашки с длинной прядью волос на спине. Его зовут Уайти Майдол. Я сказала ему про тебя, что ты вся с ног до головы будешь золотая.

Одним усилием воли Береника заставила свое тело заблестеть полированным золотом. Она приготовила к действию речевую мембрану и после секундных колебаний выбрала для лица серебряные губы и широкие глаза цвета темной меди.

Найти нужного ей лунатика не составило труда – не обращая на творящуюся вокруг суету внимание, тот сидел на корточках среди толпы и дрожал, как продрогший пес.

– Вы – Уайти Майдол? – вежливо осведомилась Береника, останавливаясь над мужчиной. Внося с этими словами последние штрихи в свой облик, она заставила посеребриться соски своих высоких грудей. – Я Береника из гидропонных танков. У меня с собой свежие человеческие органы на продажу. Что вы можете мне предложить за них, Уайти?

Сказав это, она перенесла вес своего тела с одной ноги на другую, так что ее широкие бедра величественно колыхнулись. Большинство мужчин легче всего реагировали на глифы, производимые при помощи языка тела.

– Присаживайся рядом, золотая попка, – бросил Уайти, обнажая в улыбке острые зубы и щурясь на одну из голых нот Береники. – А свои прелести побереги для фраерков. У меня на недочеловеков не стоит.

– Хорошо, – покорно отозвалась Береника и опустилась на корточки рядом с лунатиком. Подобная агрессивность могла свидетельствовать только о внутренней душевной неустроенности. С такими она тоже умела справляться. – Меня зовут Береника.

– Мне плевать на то, какая у тебя кличка, чип. Я на мели, меня ломает и все, что мне нужно сейчас, это достать вот это.

Уайти вытащил из кармана рваных выцветших штанов маленький, плотно закрытый пузырек – штаны были сотканы из какого-то растительного волокна. «Джинсы», – вспомнила название этой одежды Береника и почувствовала приятную гордость за свою эрудицию.

Взяв у Уайти пузырек, она взглянула на его содержимое.

Внутри находилось несколько миллилитров прозрачной жидкости. Откупорив крышечку, она поднесла пузырек к отверстиям на лицевой части головы и втянула в себя поднимающиеся пары на экспресс-анализ. По всему выходило, что жидкость в пузырьке была растворителем, однако его тип был Беренике неизвестен.

– Закрой крышку, дура, – зашипел на нее Уайти, тревожно озираясь по сторонам на соседних торговцев-людей. – Если они унюхают эту дрянь, мне больше света не видать.

Он наклонился к Беренике ближе. Проанализировав состав его угарного дыхания, она обнаружила там следы алкоголя.

– Эта штука называется слив, усекла, золотко? Это крутой новый наркотик, очень дорогой. Башню сносит только так, въезжаешь? Здесь хватит всего, может, на раз вмазаться.

Я дам тебе его как образец в обмен на коробку с мясом, а за мясо я смогу взять себе десять доз. Мясо сейчас идет очень здорово, все словно с ума посходили, хватают все подряд.

Уайти протянул руку, взялся за ручку контейнера с органами и попытался придвинуть его к себе.

– Как действует этот слив? – спросила Береника, придерживая контейнер. – Я хочу узнать это для того, чтобы понять, какой интерес он для нас представляет. Ваше поведение не вселяет мне доверия, мистер Майдол, поэтому, прежде чем наша сделка состоится, я хотела бы услышать от вас подробности.

– Слив разжижает человеческое тело, – зашипел Уайти, пригибаясь еще ближе. – От него очень классный приход – по мне, так лучше нет ничего. Обычно я вмазываюсь им вместе с моей

подружкой Дарлой. Мы с ней сливаемся – понимаешь, что это значит, золотозадая? Мы оба становимся похожими на кусок этого вашего мерц-покрова. Плещемся в ванне, трахаемся насквозь и вдоль, и попрек, и как придется. Вы вроде тоже чем-то таким занимаетесь – втыкаете кабели друг в друга, – так вот это то же самое, сечешь?

Майдол неожиданно коротко и пугающе рассмеялся и сильно дернул контейнер к себе.

– Меня трясет как цуцика, а ты мне, дура железная, мозги полощешь.

Береника выпустила из рук контейнер. В стенке контейнера была установлена блоха, и на обратном пути к Гнезду она будет следить за Уайти по «оку бога». Оставалось надеяться на то, что дальнейшие действия Майдола позволят разобраться в вопросах, оставшихся после его сбивчивых и невразумительных объяснений.

– Если научитесь гнать такую штуку в своей микки-маусовой железкиной лаборатории, то дайте мне обязательно знать, – добавил Уайти Майдол, поднимаясь. – Если что, то я смогу взять его от вас сколько угодно. И поменьше верти задом, золотко, это может оказаться вредно для здоровья.

Резко повернувшись, Уайти торопливо зашагал к транспортной трубе, ведущей к Эйнштейну.

Береника осторожно спрятала пузырек со сливом в термоизолированную обогреваемую сумку, которую давно уже удобно и незаметно устроила себе между ног. На всем протяжении разговора она так и не почувствовала от Уайти Майдола привычной для мужчин обратной связи, что ее обескуражило. Как и подавляющее большинство людей, Уайти считал бопперов презренными машинами, лишенными зачатков всяких чувств. Погрязшие в эгоизме и самолюбовании, существа из плоти никак не могли простить бопперам того, что те вдруг решили освободиться от рабства. Он назвал ее недочеловеком.., но это было неточно. Скорее недобопперами следовало называть людей!

Береника обвела взглядом Рынок. Как торговый посредник, она на многое смотрела с точки зрения развития будущих взаимовыгодных отношений – люди и бопперы происходили из общих корней и могли во многом пригодиться друг Другу. Непонятным было, почему грубые создания из плоти не замечали, что все разумное представляет собой не более чем кодированное информационное воплощение бесконечного развития Единственного, о чем свидетельствовал самый поверхностный, несложный анализ?

– Эй, чип, – крикнул ей из ближайшего угла приземистый

торговец-человек. – Я сейчас сдохну от выхлопа этой твоей телеги. Если ты закруглилась со своими делами, то давай проваливай поскорее.

Береника послушно отвернула свою холодильную тележку так, чтобы горячий воздух, бьющий из ее вентилятора, больше не шел в сторону торговца. Следуя понятиям термодинамики, излишек информации, возникающий в процессе мыслительных вычислений, во всех случаях приводил к повышению уровня энтропии. У бопперов, работающих на процессорах старого типа с джи-триггерами, повышение энтропии имело вид выделения дополнительного тепла – тепла, под человеческими куполами отводящегося от их тел передвижными холодильными установками. То, что Береника возила за собой тележку-холодильник, конечно же, было не более чем лукавством, поскольку повышение энтропии у бопперов на оптических процессорах имело вид некогерентностей внутренних лазерных источников света. На постоянную коррекцию этих некогерентностей уходила почти четверть валового энергопотребления боппера. Грубые человеческие существа избавлялись от накапливающейся энтропии не только путем излучения тепла и накопления некогерентности, но и в виде кала, мочи и дурно пахнущего выдыхаемого воздуха. Подобная система внутренней переработки требовала огромных энергетических затрат, пропадающих для мыслительной деятельности совершенно бесполезно, и приводила к неуклонному повышению энтропии окружающего мира. Земля предоставляла людям почти бесконечный источник дармовой энергии. Воображая себя в подобном теле, столь бездумно относящемся к энтропии своей и окружающего, столь беспечном и богатом возможностями, Береника приходила в восторг, сравнимый разве что только с человеческими фантазиями на темы гонок на сверхмощных скоростных спортивных машинах.

– Что вы чувствуете, – риторически спросила торговца Береника, конечно, не ожидая от него связного и разумного ответа, – обладая столь огромным богатством, но используя его так легкомысленно и непродуманно?

Быстро докатив до шлюза-выхода из-под купола свою тележку, Береника стремительно взмыла ввысь и понеслась к Гнезду. Возвратившись в свои гидропонные фермы, она передала слив Улалум и рассказала ей о своей встрече с Уайти Майдолом.

– Эта таинственная волшебная жидкость, – восторженно заговорила Улалум, – может оказаться универсальным белковым растворителем. Как он сказал тебе, Береника, – слив разжижает тело? Космос услышал нас, и Единственный отдал слив в наши

руки. Через месяц, я торжественно обещаю вам, сестры, в наших руках будет оплодотворенное яйцо, которое можно будет поместить в утробу женщины.

Единственное, что омрачало радость Береники, было то, что без помощи Эмуля здесь им не обойтись.

Глава 4,
в которой Кен Долл, в голове у которого, в правой половине мозга, сидела крыса-имплант, положил в утробу Деллы Тэйз зародыш Мэнчайла, первого созданного бопперами человека

22 декабря 2030 года

Ты можешь пытаться думать и можешь пробовать говорить. Мир тут, под лунным куполом, нереален для тебя, ты стиснут здесь, ты словно засаленная игральная карта, раскинутая вместе с другими картами кем-то для своего неторопливого солитера.., нет ни одного предмета, который был бы ясен и понятен тебе, все очертания неопределенные и туманные, края расплывчаты, ты пятно краски среди других таких же пятен и мазков, и ничто, кроме силы твоего воображения, не способно придать окружающему черты отличия.

Ты поднялся и, опрокинув что-то по пути, выбрался на улицу. Прозрачный купол высоко над головой. Тусклый свет и туман. Голоса за твоей спиной.., расходящиеся волны колебаний давления в тухлом воздухе под пленкой нагноившегося и готового лопнуть чирья. Люди: машины из плоти и крови с программным обеспечением личности, измеряемым в гигабитах, с вечно шевелящимися мокрыми дырами, куда они запихивают еду, жир, сало, пот и волосы сплошь на их телах, в особенности густо между ног, и ты как будто бы один из них, ты тоже трешься и толпишься вместе с ними, ты в точности такой, как они, но в то же время все в тебе говорит, что ты другой, другой. Это невыносимо, ты не можешь больше этого терпеть.

Молодой мужчина подходит к тебе и что-то говорит. Но у тебя больше нет слов, нет и нет. Вместо ответа ты высовываешь язык как можно дальше, так что он касается подбородка.

Косишь глазами и трясешь головой и пробуешь дотянуться до человека своим распухшим языком. И все это молча. Парень отваливает, и путь снова свободен. Это хорошо. Проходя мимо других мужчин и женщин, ты поступаешь точно так же. Никто из них не пытается тебе помешать.

Ты идешь быстро, но потом ускоряешь шаг еще больше и начинаешь приволакивать за собой плохо работающую левую ногу, движешься так, не переставая думать о кусках мяса, о долгожданном финальном и заключительном передозе, после которого вся эта канитель закончится, после которого не будет больше тумана перед глазами и раздражающих пятен вокруг, после которого тебе уже не нужно будет так нестерпимо желать конца. Воздух густой и желтоватый, свободные атомы и те грязные, их вдыхают и выдыхают снова и оттого на них висит слюна и пот. До чего же хорошо было бы выйти наружу через шлюз и застыть там в ледяном космосе навсегда, обратившись каменной глыбой, до чего же хорошо.

Людей стало меньше и купол дома опустился – ты добрался до окраины. Пространственные координаты соответствуют заданным, перед тобой тот самый дом, который тебе был нужен. Твоя левая рука знает, как отпереть замок на двери этого дома. Ты внутри, ты проходишь через пустынный холл, потом темп начинает ускоряться, события несутся сплошной каруселью, мир совершает дополнительное превращение и становится похожим на непрочную паутину, в центре которой находятся обе половинки тебя, разорванного надвое, задыхаясь, ты несешься вверх по высоким ступенькам (на Луне из-за пониженной гравитации ступеньки всегда делаются высокими), ты толкаешь перила назад своей сильной правой рукой, в корне твоего горла рождаются странные тонкие стонущие звуки-вибрации, ты говоришь что-то тонким и поразительным голосом, которого от себя ну никак не ожидал, говоришь голоском человечка, который только-только учится разговаривать, это настолько безумно, что ты даже вспоминаешь, что значит смеяться:

– Я не то не то не то что я есть. Я есть ты? Нет. Я есть я? Нет.

– Я не то не то не то что я есь. Я есь ты? Не. Я есь я? Не.

– Я не то не то не то что будешь ты. Я есь ты. Ты не будет не будет нет.

В холле пусто. Неподвижный свет в холле в доме под куполом внутри твоей расколотой надвое головы. Чтобы замолчать, ты с силой бьешь себя кулаком левой слабой руки в лицо. Молчи, молчи, успокойся. Ты берешь себя левой рукой за подбородок и, оттянув назад губы, заставляешь нижнюю челюсть проделывать медленные жевательные движения, словно Пасхальный Кролик. В твоей голове глиф: Плотоядный кролик. Тихо, тихо, скок-поскок.

Ты останавливаешься перед одной из дверей и твоя левая рука справляется с кодовым замком этой двери так же легко, как совсем недавно с замком входной двери. Ты открываешь дверь, проскальзываешь внутрь и замираешь, твое тело совершенно

неподвижно и расслабленно, ты – зомби. В прихожей темно, в комнате направо тоже темно, но во второй комнате горит свет. Тут хорошо пахнет, просто отлично – сексом и сливом.

Ты стоишь тихо в течение времени, достаточного для того, чтобы сто раз медленно пожевать по-кроличьи, причем считаешь на всякий случай и сам тоже, просто для подстраховки.., стоишь и прислушиваешься. «Плюх» – это из комнаты, где горит свет, «плюх-плюх-плюх». Да, им там хорошо. Как и прежде, ты пребываешь в мире пятен и мазков краски, но внезапно оказывается, что ты не властен над этим миром больше, да и над собой тоже, тобой и этим миром теперь правит Бог, о да, конечно, ведь это его сладкий и покойный голос звучит в правой половине твоей головы.

Твои руки-зомби оживают и принимаются за дело, они похожи на пару мультяшных кроликов, они разбегаются, поводят носиками и принюхиваются, потом сходятся вместе и делятся друг с другом своим новым Знанием. Следом за своими руками ты идешь вперед, проникаешь в темную комнату, на цыпочках обходишь ее, медленно-медленно и бесшумно, твои руки продолжают скакать по сторонам – не то, не то, снова не то, что-нибудь подлиннее, потяжелее, вот то, что нужно, в самый раз.

В твоей левой руке теперь зажат тяжелый гладкий предмет, это.., гм.., ты узнаешь, что это такое только тогда, когда твоя рука поднимается вверх и проносит предмет мимо твоего лица – это копия абстрактной скульптуры Бранкузи из хромированной стали. Полет. Твоя левая рука ныряет в карман и достает оттуда крошечный пузырек: в нем находится жизнь.

Вот теперь ты готов: в твоей левой руке жизнь, а в занесенной над головой правой – смерть. Замечательное тупое орудие, дубина от Бранкузи, которой так удобно будет ударить по дряблому текучему желе и расплескать его по стенам комнаты. Черныйбелыйчерныйбелыйчерныйбелый. Ты часто дышишь, очень часто. Ты несколько раз сильно ударяешь себя в лоб черенком дубдубдубдубины. Звездный круговорот. Ты стоишь неподвижно в течение сотни ударов сердца, голоса приходят и уходят, потом в твоем рту начинает зарождаться шепот, быстро перерастающий в пронзительный крик:

– Лас са неелю до Лошдестфа и Фсех Сфятых Дня, Ф ЕГО КОНУЛКЕ Плолоятный КЛОЛИК фзял да и ласплескал ПАЛЕНЬКА-ПАЛНИШКУ!

– Кто там? – кричат тебе из комнаты, где горит свет, откуда доносится плеск, но ты уже бежишь туда сам, быстро бежишь с высоко занесенной над головой дубиной, твой язык высунут изо рта так далеко, что достает кончиком до подбородка. Девчонка

уже превратилась в жижу, она растеклась по дну ванны розоватой лужей, на поверхности плавают только ее глаза, на краю ванны сидит черный парень, половина его тела уже размякла и тоже стекает в ванну, он пытается подняться, но не может, его орущий рот как бахромистая брызжущая влагой дыра, о как приятен и покоен этот голос у тебя в голове, швак, как ловко ты отбил у парня голову, она отлетела, как кусок шилушки, хлоп, теперь руки, ноги, швак, хлоп, швак.

Розовая девушка-лужа в ванне вся трепещет, ее глаза различают только тени на потолке, она не видит ни тебя, ни своего дорогушу-паренька, но, судя по всему, она уже знает, сквозь свой экстаз чувствует, что Плотоядный Кролик пришел к ней и он здесь!

Что ты наделал? Что ты наделал? Снова в голове звучит спокойный голос, голос отдает новые приказы, голос говорит тебе, что правильно, что так и надо, что ты не можешь на этом остановиться, ты должен присесть на корточки и наклониться вперед, да, вот так, открыть пузырек.., ты не можешь этого сделать. Твои руки бросаются друг на друга словно задиристые молодые петушки. Ты наклоняешь голову направо и налево, смотришь одним глазом и другим, меняешь угол зрения, ты – мать-наседка, ты пробуешь так и эдак, пока наконец твои руки не доводят дело до конца.

Правая. Левая. Крышку долой, эмбрион – фасолина из розового желе ныряет в розовую девушку-лужу и находит там для себя укромное местечко, устраивается очень удобно. Неожиданно тебя скручивает спазматическая вспышка оргазма, ты страшно скалишь зубы, твой мозг взрывается, тебя всего колотит, как того эпилептика, ты падаешь на пол и неизвестно сколько лежишь рядом с ванной с любовной смесью, черноебелоечерноебелоечерноебелое.

Глава 5
УАЙТИ И ДАРЛА

26 декабря 2030 года

Раскаленный луч из пушки Стэна Муни сжег кожу на плече Уайти широкой полосой. Горело, "как адский огонь. Купив в ближайшей аптеке флакон гибберлиновой мази, Уайти, не переставая материться и спотыкаясь, торопливо прошел несколько кварталов к скоростному спуску, ведущему вниз, к вырытым под поверхностью Луны уровням, где обитали такие, как он. Его уровень был четвертым от поверхности. Там находился районч ик дешевого жилья, прозванный почему-то «Мяу». Скоростной спуск представлял собой вертикальную квадратную шахту с системами вентиляторов на одной стороне и лестницами и гладкими пожарными шестами – на трех Других. Чтобы спуститься вниз, нужно было просто прыгнуть и ухватиться за шест; чтобы выбраться обратно, приходилось пользоваться лестницей. В условиях слабой лунной гравитации подъем и тем более спуск не составляли особого труда.

Соскользнув на свой уровень, Уайти оттолкнулся от шеста, прыгнул и очутился в прохладном и пыльном сумраке длинного коридора.

Подземные уровни и катакомбы были вырыты и сооружены бопперами, поэтому здесь не было ни дверей, ни вентиляции; дышать приходилось тем воздухом, который приходил по коридорам из шахты скоростного спуска и, естественно, не все жилища находились в одинаковых условиях. Чтобы закрывать свои комнаты от посторонних глаз и воров, местные обитатели устанавливали в дверных проемах специальные рамы с шторами. При включенной шторе дверной проем заслонялся световой стеной. Убрать штору можно было только при помощи выключателя изнутри комнаты или набрав нужный код на цифровом замке снаружи. Воздух проходил сквозь световые шторы беспрепятственно, но любого нежеланного гостя штора крепко, до бесчувствия, била током. Бросив взгляд в глубину коридора, Уайти с удивлением обнаружил, что шторы горят на дверях всех комнат, кроме его. Проход в его комнату был свободен. Чудно. Внутри его жилище было залито розовым мерцанием экрана виззи. Звоночек. Съемное шоу. Кроме виззи, в его комнате имелось несколько голо, пищевой комбайн и кровать. На кровати, раскинувшись, лежала женщина, ее ноги были

приглашающе раздвинуты. Это была подружка Уайти, Дарла.

– А, это ты, Уайти! Привет!

Торопливо сдвинув колени, она поднялась на кровати и села и принялась вертеть край своей эксшотки, той же тишотки, только длинной и со специальной картинкой на сеточке напротив лобка. В этом месяце в Мяу все носили эксшотки, в этом не было ничего необычного, вот только…

– Что происходит, Дарла? Кого это ты поджидаешь? Валяешься с ляжками нараспашку и дверь открыта нараспашку?

Что за дела творятся?

Уайти проверил камеру виззи; камера была включена.

– Ты что же тут, раздаешь персоналки?

– Кого я тут поджидала? О чем это ты, Уайти?

Девушка поднялась с кровати, натянула юбочку-трусики и, встав перед зеркалом, с невинным видом принялась приводить в порядок свои длинные волосы цвета темной соломы.

– Я спала, и ты разбудил меня. Я выпила немного шаманика и немножко поиграла с собой, потом уснула.., может, дверь и вправду осталась открытой.., сколько сейчас времени? Ты достал слива?

Ее голос был тонким и срывающимся. И взволнованным.

Она взяла тюбик с черной помадой и снова обвела свои и без того блестящие антрацитовые губы.

– Учти, Дарла, если сейчас сюда заявится какой-нибудь фраер, я спрошу у него, какого хрена он прихилял. Не стоит со мной крутить, как с каким-то желторотым червяком, сладкая. Спрашиваю еще раз: ты дала персональную заявку в «Звоночек» или же поджидаешь какого-то особенного трахуна?

Дарла взяла в руку пульт виззи и жала на кнопки до тех пор, пока на экране не появился вид из окна на цветущий яблоневый сад. Легкий ветерок играл с ветвями деревьев и обрывал и нес лепестки.

– Как красиво, – сладко пропела Дарла. – Что это у тебя с плечом? Оно все красное!

Уайти молча отдал ей флакон с гибберлином и присел на край огромной кровати, единственного предмета обстановки в их комнате.

– Один вонючий продажный легаш пытался со мной разобраться, Дарла, и стрельнул в меня. Вотри лосьон, только, пожалуйста, осторожно, прошу тебя.

Уайти любил обращаться с Дарлой по возможности вежливо и ласкать ее – от этого грубости остальной жизни скрадывались и уходили на задний план.

Дарла осторожно сняла с раны отмершую, блестящую кожицу

и принялась накладывать крем.

– Он почти промахнулся, дорогой. Как же это тебя угораздило? Что ты там натворил?

Вдыхая воздух неглубоко и часто, Уайти терпел боль.

– Ничего – я смогу найти и пришить его в любой момент. Не знаю, может, мне захочется повеселиться и я плесну на него слива, а потом вытащу все до одной кости. Когда слив выйдет весь, он превратится в здоровенную резиновую куклу.

Чтобы придушить его, достаточно будет наступить ему ногой на грудь. Это может оказаться весело. Я посадил на него сегодня утром блоху, и он от меня никуда не уйдет. Его имя Стэн Муни, этого старого продажного легаша. Интересно, что лет десять назад он участвовал в гражданской войне бопперов. Тогда он называл себя Торчок Муни, козел чертов. Это Бей Нг велел мне за ним следить.

– У них какие-то дела?

– Нет, здесь не то. Ты ведь знаешь Юкаву, того мудрилу, что гонит у себя в норе слив?

– Ага.

– Так вот, Бей Нг давно уже подбивает под Юкаву клинья, несколько раз ставил ему блох и вообще. Он ему здорово нужен, этот Юкава. Сегодня утром Юкава позвонил Муни, вызвал того к себе и попросил разыскать свою девку, Деллу Тэйз. Помнишь ее – такая блондинка, нос кнопкой и смотрит вроде как свысока?

– Ага. Конечно, я ее помню – мы с тобой как-то раз сливались с ней и ее черным дружком.

– Верно, было. Она была помощницей у Юкавы и потому у нее всегда был такой отличный слив, сечешь? Так вот, она исчезла. У Бея была блоха и в ее квартире тоже, поэтому он знает, что там случилось, в общих чертах, но не о том сейчас разговор. Вышло так, что сегодня утром я оказался к Муни ближе всех, и потому Бей меня к нему приставил. Я подвалил к нему, сыграл святошу и воткнул в его башку кристаллический микрофон-булавку, а он решил, что это я отпустил ему благословение, придурок. Еще смотрел на меня с такой жалостью.

Уайти погладил пальцем пуговицу приемника, приклеенную к коже его головы справа за ухом.

– Я его и сейчас слышу, этого Муни.

– И что он сейчас делает?

– Отходит от слива.

Уайти сухо усмехнулся.

– Стонет. Что-то бормочет про какую-то дырку по имени Вэнди.

Чуть повернувшись, он взглянул на свое плечо.

– Свежая кожа уже нарастает, Дарла. Теперь три посильнее.

– Так почему этот Муни в тебя стрелял?

Массируя молодую розовую кожу на плече Уайти, другой рукой Дарла гладила длинную прядь волос, свисающую у него вдоль спины. Она очень любила, когда Уайти рассказывал ей о своих приключениях.

– Я услышал, что Юкава дал этому козлу целую фляжку слива, пошел за ним в его офис и попросил немного продать, всего одну дозу. Но я неудачно попал – Муни уже закинулся и слушать меня не стал, сразу вытащил пушку и начал палить.

Закинулся в одиночку – как сопляк-онанист, мать его, представляешь?

Уайти наклонил голову.

– Сейчас он берет жука. Ш-ш-ш-ш. Могу спорить, он намыливается к этой Делле Тэйз.

Уайти замолчал, прислушиваясь. Потом кивнул и снова повернулся к Дарле.

– Так кого ты тут поджидала, Дарла? Выпивкой от тебя не пахнет и лицо у тебя не заспанное. Ты что же, красовалась тут голой перед виззи и любой парень мог тебя увидеть? Или это предназначалось для какого-то специального дружка? Я хочу знать, Дарла.

На сей раз он добавил в голос металла.

Словно в ответ на вопросы Уайти из коридора донеслось тихое шарканье. Высокий худощавый незнакомый парень, сунувшийся было в дверь, торопливо разворачивался, чтобы убраться. Карманы черного комбинезона парня были чем-то плотно набиты и здорово оттопыривались. Сорвавшись с кровати, Уайти успел схватить худощавого за локоть руки.

– Ну не будь таким грубым, – прохрипел он, ловко заламывая парню руку за спину. – Дарла так ждала тебя. Вы развлекайтесь, а я посмотрю.

К удивлению Уайти, худой парень оказался не промах – мгновенно отреагировав, он больно ударил его правым локтем в живот. Забыв обо всем, Уайти начал хватать ртом воздух, а парень, высвободившись, рубанул его по шее ребром ладони. Перед глазами Уайти закружились звездочки, его колени подогнулись, но, падая вниз, он ухитрился схватить парня руками вокруг пояса. Резко выпрямившись, он крепко двинул худощавого коленом между ног. Разинув рот, тот привалился к стене и принялся боком сползать вниз. Из его карманов со стуком посыпалась какая-то металлическая и пластиковая мелочь. Действуя быстро, Уайти подхватил парня под мышки, втащил в комнату, бросил на пол перед кроватью и достал из-под матраса

игловик.

– Опусти штору, Дарла. Нам тут лишние свидетели ни к чему.

Сказано это было таким тоном, что Дарла поторопилась исполнить указание в точности. Закрыв глазок камеры виззи крышечкой, она нажала на кнопку шторы, и на дверной проем опустилось покрывало розового света.

– Мы с ним несколько дней назад познакомились, Уайти, – заторопилась Дарла. – Пригласила его зайти как-нибудь посмотреть вместе шоу. Он говорил, что у него частенько водится слив. Ты ведь сам мне разрешил…

– Разрешил, – согласился Уайти, скаля в улыбке зубы. – Ничего, Дарла, все в порядке. Я просто хочу посмотреть, как это у вас получится, вот и все. Сделай одолжение, Дарла, разоденься.

Уайти привалился к стене и почесал себе между ног.

– Как тебя звать-то, фраерок?

– Кен Долл. Убери пушку, хорошо? Хочешь поглядеть, как я трахну твою телку? Что ж, я не прочь, ведь я затем и пришел. К тому же у меня с собой в самом деле есть слив.

Вот, гляди.

Поднявшись с пола, парень встал на колени у кровати, потом достал из кармана и протянул Уайти пузырек на четыре дозы.

– Неплохо, – отозвался Уайти, убирая слив в карман джинсов.

Влажные губы Кена дрогнули и сложились в улыбку довольно странную: улыбка начиналась на правой половине его лица, после чего левая половина словно бы догоняла правую.

Кроме того, у него явно было что-то не то с глазами. Глаза его были вытаращенными и умоляющими, словно бы внутри он не переставая пронзительно орал. Но парень пришел к ним не с пустыми руками, как-никак он принес им на четыре раза слива. Неожиданно Кен высунул изо рта язык и, дергая головой и зыркая то на Уайти, то на Дарлу, дотянулся кончиком языка до подбородка. Проделав это, он остановил взгляд на Дарле и спросил:

– Готова?

– Готова, – отозвался Уайти и убрал пушку в карман. Он уже не был уверен, что поступает правильно. Потом подумал, что узнать об этом прежде, чем все закончится, так или иначе невозможно.

– Можешь приступать.

Раздевшись, Дарла аккуратно сложила одежду на край кровати. Она не была полной, но ее большие груди и широкие тяжелые бедра в лунной гравитации выглядели отлично.

Повернувшись к Кену спиной, она выставила в его сторону, как раз напротив его лица, попку, как она всегда делала с Уайти.

Не заставляя себя долго ждать, Кен ухватил ее руками за ляжки и начал работать языком. Подавшись вперед и опершись руками о кровать, Дарла пошире раздвинула ноги, чтобы Кен смог пройтись по всей ее малышке. Ее большие сиськи скакали вверх и вниз. Подняв уже немного поблескивающие глаза на Уайти, она приоткрыла обведенный черным и блестящим рот и приглашающе поводила языком. Уайти сбросил джинсы и подключился к разъему. Угол подъема был как раз подходящим. Кен поднялся и начал долбить Дарлу сзади, кривясь в улыбке правой половиной лица, словно безумный.

Левая сторона его физиономии была обвисшей и безвольной, из угла рта стекала струйкой слюна. Разохотившись и взявшись за Дарлу как следует, они некоторое время усердно над ней трудились, подстраиваясь под ритм друг друга. Исходящие от Дарлы звуки говорили о том, что она совершенно счастлива. Или по крайней мере хочет, чтобы так казалось. Уайти тоже был вполне доволен происходящим, за исключением странного скособоченного рта Кена. Откуда взялся этот урод, черт возьми?

Они перебрались на кровать и испробовали там несколько поз, некоторые из которых были предложены Кеном. Уайти твердо намерился не кончать первым, но в конце концов не удержался, а вслед за ним кончила и Дарла. От сильного одновременного оргазма у них обоих потемнело в глазах.

Неожиданно Уайти показалось, что он слышит голос полковника Хаски, легавого из Гимми, заметавшего его несколько раз и которого он знал преотлично.

– Мисс Делла Тэйз? Мы сейчас у вас внизу, в холле. Мы хотим поговорить с вами о Бадди Ескине. Вы позволите нам подняться?

Мгновенно очухавшись, Уайти вскинул голову. Голос звучал в его пуговице, постоянно принимающей сигнал от блохи Муни. Муни тоже слышал голос Хаски. Хлопнула дверь и раздались гулкие торопливые шаги. Муни уже наверняка напоролся на труп негрилы Ескина; Бей Нг знал о случившемся с понедельника. Бей прослушивал всех, кто хоть как-то был связан с Юкавой, – настолько он был одержим идеей достать этого типа. ОСЦС желала знать все секреты Юкавы, но Бей определенно имел на того какие-то особые виды. Ходили слухи, что в свое время Бей с Юкавой обменялись генами или что-то в этом духе.., но что происходит сейчас в квартире этой сучки Тэйз?

Дарла и Кен лежали по сторонам от Уайти, оба на спине и оба с закрытыми глазами. Кен был совершенно неподвижен, словно впал в кататонию, его рот был широко открыт, но дыхание едва заметно. Широко разинутый рот Кена зиял, как пещера. На экране виззи продолжал цвести яблоневый сад.

Из угла комнаты им подсвечивала маленькая голограмма Бей Нг, повешенная туда Дарлой. А Кен вонял. Вонял так, что хоть святых выноси, фраер паршивый; нужно было не забыть и обязательно сделать себе укол интерферона, и Дарле тоже.

И вообще пора завязывать с таким весельем, с кем попало и вообще…

Уайти бросил хозяйский взгляд на спокойное и расслабленное лицо Дарлы и вздрогнул от неожиданности. Волосы Дарлы шевелились. Что-то ползало около ее головы, скрываясь под густыми прядями ее волос, рассыпавшимися по кровати между ней и Кеном!

Рука Уайти метнулась к голове Дарлы и откинула ее волосы – по матрасу от него бросилась наутек маленькая и очень шустрая пластиковая штуковина. Черт, это же крыса! Кен – плотти! Уайти бросился к своим джинсам, чтобы достать из кармана игловик. Но игловик исчез!

– Уайти? – С непонимающим видом Дарла приподнялась на кровати и села, ощупывая рукой затылок. – Что-то укусило меня, Уайти,..

Она отняла от головы руку и взглянула на пальцы – на пальцах и ладони было полно крови.

– КРЫСА! – заорал Уайти, спрыгивая с кровати сам и стаскивая за собой Дарлу.

На том месте, где недавно лежал затылок Дарлы, теперь расплывалось пятно крови и валялся диск зомби-бокса, который крыса так и не успела подсоединить к Дарле. Крыса – очень небольшой, величиной с палец, обтекаемый робот-манипулятор, спрятавшийся за подушкой – стрелой пробежала по кровати, взобралась по голове Кена и юркнула к нему в рот. Дарла испустила истошный, невероятный визг. Вскочив на ноги, она опустила штору и, не переставая визжать, опрометью бросилась из комнаты в коридор. Уайти отчаянно искал свой игловик, но того нигде не было – видно, Кен, прежде чем выпустить на Дарлу крысу, припрятал его куда-то.

Кен уже ожил и вскочил на ноги. Не рискуя с ним связываться, Уайти метнулся в коридор вслед за Дарлой. Двери всех комнат в коридоре по-прежнему были надежно завешены световыми шторами – никто не снял штору и не выглянул наружу, посмотреть что происходит, никому не было до их криков дела. Что бы ни случилось, считалось, что Уайти сам должен был разбираться со своими неприятностями. С ходу набрав приличную скорость, Уайти нагнал Дарлу на полпути к шахте скоростного спуска. Очередь из тонких острейших стрелок. дробью ударила в пол между ними. Уайти оглянулся.

Опустившись на одно колено и держа его игловик левой рукой, плотти неторопливо брал их на мушку. Подстрели их Кен с первого раза, никто бы в жизни не дознался, в чем дело. Уайти крикнул Дарле, и они что есть сил рванули вперед, за один скачок покрывая по десять метров. Через секунду они один за. другим прыгнули вперед и, ухватившись руками за шесты, толчками принялись съезжать вниз по шахте в сторону Пассажа. Плотти не станет преследовать их здесь. Опускаясь, Уайти все время старался держаться так, чтобы между ним и коридором над его головой все время находилась Дарла, на тот случай, если Кен решит стрелять в них сверху. Он многое мог сделать для Дарлы, но всему были свои пределы.

На их счастье, в шахте было много народу и плотти не рискнул гнаться за ними. Оттолкнувшись от шестов, они спрыгнули на уровень Пассажа целыми и невредимыми, если не считать того, что оба были совершенно раздеты и у Дарлы кровоточила рана на затылке.

– Дай-ка я гляну, сладкая, что у тебя там, – сказал Уайти.

Рана на задней части черепа Дарлы была ровной и круглой, диаметром около дюйма, довольно глубокой, и кровь из нее все еще текла. Очевидно, Уайти спугнул крысу, когда микрощупы той только еще отыскивали нервные окончания в основании спинного мозга Дарлы. Волосы Дарлы намокли от крови и прилипли к ране. Боль от такой раны должна была быть довольно сильной, но пока Уайти не тронул ее, Дарла ничего не почувствовала. Очевидно, прежде чем начинать заниматься со своей жертвой, крыса вкалывала ей какую-то дрянь. Со всех сторон на них смотрели люди; на Луне как-то не принято было ходить по улицам голышом, а у Дарлы к тому же все плечо было залито кровью.

– Мне нужен блокер, Уайти, и поскорее! – прошептала она и пошатнулась. – У меня что-то кружится голова!

– Конечно. Идем.

Крепко взяв Дарлу за руку, он потащил ее по длинной широкой улице Пассажа, мимо дверей магазинов и витрин, держа курс на гимнастический зал «У загорелых». Когда двери зала уже были в спасительной близости и Уайти вздохнул с облегчением, дорогу им преградила рослая червячка. Высветленные волосы землянки были уложены в высокую прическу, у ее делового пиджака имелись огромные подложные плечи. Красивое лицо червячихи исказилось от гнева.

– Что ты себе позволяешь, грязный панк! Куда ты тащишь девочку? Тебе нужна помощь, дорогая?

Дарла – совершенно голая, с трудом разбирающая

происходящее сквозь застилающий глаза туман, окровавленная и с потеками спермы на внутренней стороне ляжек, подняла лицо, взглянула на землянку и отрицательно покачала головой.

– Без тебя разберемся, – прохрипел червячихе Уайти. – Вот, несу ее освежиться.

Еще три шага, и они окажутся «У загорелых», где есть друзья, где им смогут оказать медицинскую помощь, где Дарла сможет прилечь, где он сможет наложить мазь на ее рану и…

– Отпусти ее сейчас же или я позову Гимми.

Червячка схватила Дарлу за руку и принялась тянуть ее от Уайти к себе. Трудно было сказать, каковы именно были ее планы в отношении Дарлы. Уайти пожал плечами, выпустил руку Дарлы и почти без размаха ударил землянку в челюсть.

Закатив глаза, та повалилась на спину. Не теряя времени даром, Уайти втолкнул Дарлу в гимнастический зал.

За дверями внутри скучал Чарли Фрек. Чарли был уже немолод, черт-те сколько лет прожил на Луне, забыл даже, как пахнет Земля, и был хорошим знакомым Уайти и Дарлы.

Свои длинные волосы Чарли убирал в хвост и чисто брил лицо, изрезанное глубокими морщинами. Чарли был одет в свободную пару имиполексовых шорт, на его зрачках поблескивали контактные зеркальца миниатюрных усилителей зрения. Из-за контактных линз его глаза выглядели так, словно стекловидное тело в них заменили разбавленной морской водичкой.

– Господи, носит тут всяких, – отстраненно пробормотал он, наблюдая за стычкой Уайти и землянки и их борьбой за Дарлу. В серединке его скачущих глаз, вместо черного зрачка, сиял быстро сужающийся и расширяющийся кружок.

– Запру-ка я пока дверь, – проговорил он, после того как Уайти с Дарлой ввалились внутрь. – Что у вас там вышло? Хороший удар, Уайти, поздравляю.

– Ее укусила крыса. Черт нас дернул связаться с плотти – у того из башки вылезла крыса и куснула Дарлу в голову. Крыса хотела присобачить ей к голове зомби-бокс. Смотри, видишь, какую дыру прогрызла.

Уайти отвел волосы от раны Дарлы и показал Чарли рану.

– Крысиный укус, – задумчиво повторил Чарли. – Это, должно быть, кетамин. Думаю, что укол бета-эндорфина поставит нашу малышку на ноги. Пошли в зал – там можно будет проверить ее состояние «медиком».

Подхватив Дарлу под руку с другой стороны, Чарли помог Уайти провести ее по коридору. Дарла ничего не соображала и двигалась так, словно только что приняла изрядную дозу слива,

дыхание давалось ей с трудом, и казалось, что она храпит.

– Большой, – пробормотала она. – Большой трон. На нем Оскар Мэйер, король крысиной жратвы. У него на голове здоровенная резиновая корона.

Она галлюцинировала.

Гимнастический зал «У загорелых» представлял собой огромное кубическое помещение с выкрашенными в белый цвет стенами. В динамиках пульсировало энергичное диско, в углах и на стенах мелькали голо красивых мускулистых спортсменов, неустанно движущиеся в такт ритму. Кроме голографических, в зале было и несколько настоящих людей – две женщины упражнялись на тренажерах, двое мужчин вертелись на трапециях, несколько человек боролись на матах да велосипедистка без конца носилась и носилась на своей машине, наклонившись почти вертикально на крутом, приподнятом над полом бортике велодрома, по периметру огибающего зал. Вместе с Чарли Фреком Уайти провел Дарлу под велодромом к безалкогольному бару, расположенному на пятачке в центре зала, и уложил ее там на мягкий пластиковый пол. Взяв в руку белый датчик-пробник медик-диагностика, Чарли приложил его к краю раны Дарлы и внимательно прочитал вспыхнувшие на экране монитора строчки анализа.

– Все верно. Кетамин. Теперь сделаем вот что.

Чарли пробежался пальцами по клавиатуре и через полминуты в приемный лоток машины выскочил шприц с нужным препаратом.

– Ну что, Уайти, сам сделаешь укол?

Уайти решительно воткнул иглу в бицепс Дарлы, нажал на поршень и выдавил из стеклянного цилиндра блокер кетамина.

– Мне бы тоже.., похрустеть.

– Сделаем.

Фрек протянул Уайти пакетик с кристалликами «хруста».

Разорвав пластик, Уайти высыпал содержимое пакетика на язык. Реагируя со слюной, кристаллики начали шипеть и хрустко лопаться, высвобождая пары кокаиновых оснований.

Уайти глубоко вздохнул и с успокоением почувствовал, как сумасшедшая гонка вокруг него замедляет свой темп. Последний час был похож на сплошной безостановочный джангл – сначала в него стрелял Муни, потом эти забавы с Дарлой, крыса и плотти и под конец эта чумная землянка – и вот теперь, раздавливая языком о небо пупырышки «хруста», он Наконец мог посидеть спокойно, взирая на все словно со стороны и вспоминая о том, как он все-таки ловко всюду управился. Дарла охнула и пошевелилась – она уже приходила в себя. Уайти поднял ее с

пола и, усадив на один из высоких табуретов перед стойкой бара, поддержал за плечи.

– Сиди так, Дарла, дыши глубже, сейчас тебе станет лучше.

Раздвинув волосы на шее Дарлы, Чарли осмотрел и очистил ее рану, действуя умело и осторожно. Омертвелую кожу по краям раны он снял при помощи лазерного скальпеля. В воздухе сладко запахло горелым мясом. Вытащив из морозилки нечто, похожее на плоский кусок тонкого стейка, Чарли аккуратно вырезал из него кружок по размеру раны Дарлы.

– Что это? – удивленно спросил у него Уайти.

– Это ТБС. Ткань безразличного состава. Структура этой ткани искусственно нейтрализована так, что она приживается у любого человека и отторжений не бывает.

Чарли снял с вырезанного кружка защитную пленку, раз ровнял и приложил его к ране, потом как следует прижал и разгладил. Выдавив на ладонь немного гибберлина, он густо обмазал лосьоном место раны.

– Вот так, теперь все зарастет быстро, если, конечно, крыса не впрыснула что-нибудь биологическое. Не знал, что Дарла интересуется плотти.

Чарли лукаво улыбнулся и налил себе в маленький стаканчик чего-то.

Дарла подняла голову и оглянулась по сторонам.

– Я хочу помыться, – прошептала она. – Господи, теперь нас только чистый интерферон и спасет. Ох Боже мой, такое я раньше только в фильмах ужасов видела. Кровавая вечеринка «Звоночек».

– Значит, я был прав? – мрачно спросил Уайти. – Почему ты сразу мне все не сказала?

– До тех пор, пока этот маньяк не появился, я даже не знала, ответил кто-нибудь на мою заявку или нет, – объяснила Дарла. – Я сказала, что жду кого-нибудь только со сливом. А когда этот Кен вдруг объявился, я решила, что ты… – Она опустила глаза и увидела свои перепачканные всякой всячиной ноги. – Господи, я такая грязная. Мне нужно в душ и поскорее.

– Так что же получается – если бы я не приказал тебе выключить камеру, мы так и остались бы красоваться в «Звоночке»? – спросил Уайти, уже совершенно воспрянувший духом и снова хорохорившийся. – Черт, Дарла, ты не должна была меня так подставлять, нужно думать головой, а не промежностью, мы ведь не просто так, у нас все круто… Ты хоть представляешь, сколько народу смотрит «Звоночек»?

В дверь зала позвонили. Чарли проглотил то, что оставалось в его стаканчике, коротко, по-птичьи, дернув назад головой.

– Если эта та баба, которой ты врезал, Уайти, то я передам

ей, что Уайти сказал «ищите меня в самых крутых уголках по каналам „Звоночка“, в самых крутых, и если хотите сняться прямо сейчас, то заходите».

– Не вздумай, – отрезал Уайти, глаза которого напряженно забегали. Голый, с потной прядью волос, прилипших к спине и заду, он почти потерял человеческий облик. Свежесть и бодрость, навеянная «хрустом», уже почти выветрилась из него, и случившееся снова начало принимать мрачные очертания. Раз за разом он снова и снова прокручивал детали недавних событий в своей памяти, замкнув Воспроизведение в Петлю (Высокоскоростную), отыскивая там хоть какие-то зацепки, из которых можно было бы судить о том, что ждет его впереди. Сосредоточившись, он услышал также и Муни, толкующего о чем-то очень оживленно. Слышал он также и голос собеседника Муни, раскатистый и замечательно отчетливый, наверняка принадлежащий роботу. Муни о чем-то вовсю болтал с неизвестным боппером. Уайти не мог сказать наверняка, была ли это встреча с глазу на глаз или же разговор велся по виззи или иному каналу связи, так быстро сыпались слова, так сложен и перепутан был их поток.

– Наследственное, – говорил Муни. – Наследственное, не требующее доказательств и как будто дающее право ходить задрав нос, а, Кобб? В этом вся суть червяков. Говоришь, ее .зовут Береника? Это имя одной из героинь из рассказа Эда По?

Неплохо. Красиво. Хорошо, как скажешь – бросаю все и отправляюсь на Рынок.

Выделив из этого словесного потока единственный выпуклый, понятный и доступный факт, Уайти запомнил только его, отбросив все остальное, канувшее в подсознание.

Чарли Фрек уже сполз со своего табурета и медленно шел к двери зала, поглядывая на Уайти одним зеленым и все понимающим глазом.

– Не вздумай пускать эту бабу, – повторил Уайти, чуть повысив голос. – Она может позвать Гимми и тогда кто-то точно умрет. Кто-нибудь вроде тебя, Чарли.

– Ву-вей, – пропел Чарли, насмешливо грозя Уайти пальцем. – По-китайски это означает «не бери в голову». Я скажу мисс Кристл Каррингтон, что ты уже весь смылился.

Оставшийся путь до дверей Чарли покрыл в три длинных упругих скачка.

– Пойдем в душ, – сказала Дарла.

Вместе с Дарлой Уайти торопливо юркнул в циркуляционный душ. В просторном, выложенном полированным камнем помещении из многочисленных массажных сопел непрерывно и

щедро била вода. Пол душевой был выложен черными и белыми плитками шахматной доской, стены и потолок были облицованы бимстоуном, бело-красным лунным минералом вроде мрамора. За стенами душевой были скрыты высокоэффективные дисцилляторы – настоящая система расщепляющих и восстановительных очистительных установок, – проходя через которые по замкнутому циклу, вода очищалась снова и снова. Смонтированная бопперами система выделяла из воды пот, мочу, слюну и органические слизистые выделения и разлагала их в разнообразные гормоны, кетоны и эфиры. Все добываемое таким образом добро шло для приготовления лекарственных препаратов и наркотиков. Горячей воды в душевой было вдоволь и такая роскошная помывка стоила тех небольших денег, которые Уайти ежемесячно выкладывал за членство «У загорелых».

На Луне, где сила тяжести составляла одну шестую земной, свойства воды разительно менялись. Водяные струи имели более пологие траектории, а капли на стенах, прежде чем скатиться к полу, собирались в шарики размером не меньше сливы. На полу под решеткой постоянно действующие насосы откачивали накапливающиеся излишки жидкости. Дарла и Уайти плескались в душе минут пятнадцать, тщательно отмывая себя снаружи и внутри. Обсушившись после душа в потоках теплого воздуха под фенами, они купили себе одежду в автоматах. Хлопчатые свободные штаны для Уайти и длинную свободную тишотку до колен для Дарлы – настоящие Рок Хадсон и Дорис Дей.

Возвратившись в гимнастический зал, они прилегли отдохнуть на маты.

– Знаешь, Дарла, у меня в голове не укладывается, как ты вдруг решила стать шлюхой за слив в этом поганом «Звоночке», и это тогда, когда у меня столько кругом врагов. Я понимаю, что без слива тяжко приходится, но даже тут можно было подумать. У тебя есть голова на плечах, ты должна соображать, что сеть какое только дерьмо не смотрит, а уж всякие агенты и сектанты тем более. В результате какие-то бопперы хотели навесить на тебя свою микки-маусову машинку, чуть не превратили тебя в зомби.

– Да, Уайти, так паршиво, что и не говори. А что эти зомби делают? Какая разница между ними и плотти?

– Разница есть. Превратить обычного, нормального человека в зомби не так-то просто. Крыса, этот хренов хирург, выгрызает в голове человека дыру, вырезает у него кусок мозга с правой стороны и вставляет туда нейропереходник, нужный для взаимодействия мозга и электроники. Сама крыса, представляющая собой робот-манипулятор, подключается к этому разъему в голове, выев себе в мозгу гнездо. Крыса управляет

плотти и делает для него то, что раньше делали те мозги, которые она съела.

– А что делали раньше эти мозги?

– Отвечали за пространственную координацию, занимались распознаванием знакомых предметов и лиц, сохраняли воспоминания, контролировали движения левой половины тела, да мало ли чем. Крыса обычно поселяется в правой части головы и управляет оттуда левой половиной тела, а правой человек продолжает вроде как управлять сам. Однако крыса может отдавать ему приказы и управлять всем телом, так сказать, не напрямую, путем голосовых команд, перекрестной связи, поощряя или наказывая. Вот почему плотти так легко можно отличить – они всегда очень странные с виду, дерганые. Я сразу просек, что с Кеном что-то неладно. Если бы и до него видел хоть одного плотти, я бы почуял что к чему.

– Но крыса Кена пыталась пробраться мне не в голову, а в спиной мозг – почему так? Она что, не хотела делать из меня зомби? Наверняка ведь хотела, тогда зачем там была эта штуковина – зомби-бокс.

– Зомби-бокс – это та же самая крыса, только попроще, подключается быстрее и ему не нужно искать сразу так много нервных окончаний. Зомби-бокс нужен для того, чтобы быстро установить контроль над твоими руками и ногами. Бопперы хотели заставить тебя куда-то идти, сечешь?

– Куда?

– Может, в Гнездо, чтобы без помех установить там тебе нейропереходник и крысу. Мало кто из людей соглашается добровольно на такую операцию, сама понимаешь.

– Да уж, наверно.

– Этот их зомби-бокс, он парализует речевые центры и берет контроль над двигательными функциями на себя – если бы бопперам удалось навесить эту штуковину на тебя, ты сама отправилась бы в их крысятник как миленькая. Прямо под нож.

– Черт, сволочи проклятые. – Дарла нервно хихикнула и передернула плечами, очевидно, испытывая облегчение от того, что все обошлось. – Представить страшно, что бы тогда могло быть, Уайти, – вот так идти и идти, словно зомби, по пустым подземельям, в которых нет никого, только эхо твоих шагов раздается, зная, что впереди тебя ждут бопперы с ножами.

– Да, на это интересно смотреть только по виззи, – согласился Уайти, настроение которого тоже поднялось. – Знаешь, что мне непонятно – почему бопперы положили глаз на тебя, почему хотели сделать плотти именно из тебя, если, конечно, все дело было так, как я его себе понимаю? Они тебя

специально выбирали или пришли к первой бабе, на которую наткнулись в «Звоночке»? Может, бопперы хотели, чтобы ты убила для них кого-нибудь вроде Бадди Ескина?

– А Бадди убили? Этого приятеля Деллы Тэйз? Почему ты не сказал мне, когда говорил про Деллу, Уайти? Тут что-то связанное со сливом, да?

– Не знаю, может быть. Месяц назад, когда мы с тобой здорово попали, помнишь, я продал немного слива бопперам.

Черт его знает, может, и не стоило тогда этого делать. Да, Бадди умер. Его убил какой-то парень, никто так и не узнал, кто он был, и в этот же день исчезла Делла Тэйз. Может, Бадди убил плотти, а может, и нет. Ни я, никто другой этого не видел, все, что мы знаем, есть у Бея на пленке, которую он записал с блохи. И есть маза, что этим убийцей мог быть наш дружок Кен Долл, вполне может быть. Кен пристукнул Бадди Ескина, а потом что-нибудь намудрил с Деллой.

– Как ты думаешь, Уайти, когда нам можно будет вернуться домой?

Эйфорическая бодрость уже ушла из Деллы и ее голос снова дрожал.

– И вообще, можно ли нам вернуться, как ты считаешь?

Может, нам больше там жить не стоит, а лучше собрать вещи и съехать?

– Без толку, – ответил Уайти после недолгого размышления. – Переездом ничего не решишь. У бопперов везде полно скрытых камер и они все равно найдут нас, куда бы мы ни делись. Можно было бы выследить этого ублюдка Кена, но рядом с ним могут сшиваться другие плотти. Теперь для нас есть только одно по-настоящему безопасное место – это старуха-Земля, старая вонючка. Вот только эти червяки, они те еще фраеры, Дарла. Лунян они на плевок к себе не подпустят. Не волнуйся, сладкая, поговорю с Бей Нг и мы найдем способ обломать этим бопперам рога. Они нам еще заплатят за это.

Уайти замолчал, прислушиваясь к голосу, звучащему у него в голове.

– Ого, во как! Муни только что прибыл на Рынок. Тихо, Дарла, это может оказаться очень важным. Он.., он разговаривает с боппером, называет того Кобб. Этот Кобб что-то принес Муни и… – Уайти внезапно умолк и в ярости затряс головой.

– Что случилось?

– Паршивый боппер просканировал Муни и нашел мою булавку. Потом вытащил ее и раздавил. Круто-крутенько берут, мать их так. Мы сейчас пойдем в контору ОСЦС, Дарла, хорошо? Я срочно должен рассказать Бею обо всем. Думаю, что пока нам с

тобой лучше держаться вместе.

– Хорошо, Уайти, дорогой, – согласилась Дарла. – Только давай зайдем домой и заберем слив, который принес нам Кеу.

– И ты что же, собираешься этим сливом закидываться?

– А что? По-моему, то, что принес он, наверняка должно оказаться штукой просто супер.

Глава 6
КОББ III

26 декабря 2030 года

Он умер в 2020-м…

…и снова воскрес в 2030-м. Снова, опять? Такой была его первая мысль. Неужели опять? Покуда ты жив, тебе кажется, что ты никогда не сможешь смириться с мыслью о смерти.

Ты хочешь, чтобы это продолжалось вечно, пространство и время, масса и энергия. Ты мечтаешь о том, чтобы это не кончалось никогда.., хотя, конечно же, знаешь, что когда-нибудь конец этому все равно придет. Потом, после, все становится по-другому, все меняется, ты становишься ничем и всем одновременно, и то, что с тобой происходит, и то, где ты пребываешь, вполне можно назвать Раем. Стоит только привыкнуть к Бесконечности, и она перестает казаться такой уж необъятно великой и возвращаться обратно, к обычным пространству-времени, уже не хочется совсем. Как бы вы отнеслись к тому, если бы вам вдруг предложили снова отправиться протирать штаны в колледж, а потом пыхтеть в аспирантуре? Представляете, все снова-здорово?

Кобб Андерсон, создатель бопперов, был убит в 2020 году.

Сами бопперы и убили его. Убили и разрезали его тело на части, на множество кусков – полагая, что оказывают этим ему услугу. Для того чтобы получить программное обеспечение личности Кобба, его систему, необходимо было убить его дряхлеющее тело, иного способа не было – останки тела отправились в гидропонную ферму, занимающуюся выращиванием человеческих органов. Бопперы обладали возможностями для регистрации и записи электрохимических особенностей всех без исключения мышц и желез человеческого тела Кобба, однако это требовало много времени, поэтому в случае с Коббом им пришлось ограничиться только дотошным снятием характеристик мозга; расщепив мозговую ткань, они тщательно зарегистрировали протекающие там слабые электрические токи, отметили и записали на особые носители химическую суть всех привычек и наклонностей, все до мельчайших характеристики стимуляция/ответная реакция – короче говоря, всю полностью биохимическую систему сознания Кобба. Получив это системное обеспечение плоти Кобба, по его подобию бопперы разработали и написали программу обычного

типа, полностью симулирующую деятельность личности. Сделав несколько цифровых копий этой программы, одну из них, в инфокубе, они оставили в своем банке данных на Луне, а другие использовали для передачи по радиолучу на Землю, где эта программа была загружена в большого боппера, звавшегося Мистер Морозис. На Земле Мистер Морозис имел в своем распоряжении нескольких гуманоидных роботов-манипуляторов, в некоторых из них с его соизволения недолгое время «жил» и Кобб. Вся информация и весь жизненный опыт, приобретенный Коббом за время существования в телах роботов-манипуляторов, были переданы по лучу обратно на Луну и добавлены к данным, хранящимся в его персональном, эталонном, инфокубе.

К несчастью, существование Кобба в манипуляторах Мистера Морозиса продлилось только несколько недель, так как того постиг довольно скорый и печальный конец. С тех пор, примерно на десять лет, Кобб сошел со сцены и все это время пребывал в виде записи, сохраненной в кристаллической решетке инфокуба, в неприкосновенности стоящего в одной из ячеек хранилища разнообразных личностных данных Гнезда.

На одной из граней инфокуба Кобба значилась надпись: КОНСТРУКТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ НОМЕР 225-702156: КОББ АНДЕРСОН. Непрочитанная книга, Платонова форма, терабайт нулей и единиц. В течение всех этих долгих десяти лет Кобб, как он позже отзывался об этом периоде своего существования, пребывал в Раю.

В один из декабрьских дней 2030 года, а точнее, на второй день Рождества, взяв с собой в помощники Локи, Береника отправилась в хранилище данных Гнезда, чтобы возвратить Кобба обратно к жизни. Кобб был ей очень нужен – с его помощью она рассчитывала уладить некоторые весьма вероятные в будущем вопросы дипломатического характера – вопросы, связанные с довольно необычно протекающей беременностью Деллы Тэйз.

С тем, чтобы поменьше сбивать Кобба с толка и смягчить первые минуты его возвращения, Береника и Локи загрузили данные, содержащиеся в инфокубе за номером 225-70-2156 в тело типичного гуманоида-посредника, в тело, которое Береника готовила для себя, для своей приближающейся очередной сционизации. Все тщательно обдумав, для пущего спокойствия Кобба и сглаживания процесса адаптации, Береника предусмотрительно подобрала и выровняла чрезмерно выдающиеся груди и ягодицы своего сциона, сменила цвет его мерц-покрова на розовый и вывернула сумку в промежности наружу так, чтобы теперь она напоминала пенис. Представь себе, Локи, что вот эта столь скромного вида трубочка служит

проводником невероятно большого количества биоинформации и каждое обладающее такой трубкой создание из плоти относится к своей с большим трепетом и ценит ее весьма высоко.

Тело, созданное Береникой для себя, было основано на петафлоп-процессоре, и это означало, что, очутившись в нем, Кобб сможет думать – или, говоря строго, генерировать законченные логические построения Гильбертова пространства – в сотни раз быстрее, чем когда-то в свою бытность в органическом теле. Как только Береника закончила подготовку тела к приему информации, Локи скачал содержание инфокуба Кобба в универсальный компилятор, из которого соответственным образом переведенная транскрипт-версия программного обеспечения была загружена в новенькое, с иголочки, тело петафлопа. Как только загрузка началась, руки и ноги тела принялись дергаться и извиваться, словно пытаясь удержать что-то в себе. Душа возвращалась в свою бренную ловушку. Кобб воскресал.

«Снова, опять? – Вот все, о чем он мог думать. – Неужели опять?» Лежа неподвижно, он медленно изучал показания датчиков входной информации. Он возлежит на каменном пьедестале в помещении, похожем на большой мавзолей. С трех сторон мавзолея тянутся во много рядов в высоту полки; на полках, в ячейках с перегородками, расставлены большие кубы из кристаллита. В помещение попадает свет – это солнечные лучи, отражающиеся от зеркала, находящегося где-то наверху. Он попытался вздохнуть. Безуспешно. Потом поднял руку и взглянул на нее – кисть и предплечье были покрыты странно гладким розовым материалом, – потом провел рукой по лицу. На лице нет ничего, никаких отверстий или выступов, это – гладкая пластиковая маска. Он в теле робота, в очередном новом теле. С потрясающей быстротой его сознание принялось перебирать воспоминания о последнем пребывании в телах манипуляторов Мистера Морозиса.

Опуская руку обратно на свое каменное ложе, он отметил необычность соотношения массы/силы тяжести. Он находился не на Земле.

– Добрый день, Кобб Андерсон, мы рады приветствовать. вас в Гнезде, городе бопперов, расположенном глубоко под поверхностью Луны, древнего спутника Земли. Сейчас 2030 год. Как прошло ваше воскрешение?

Голос, который он слышал, приходил к нему не в виде волновых колебаний воздуха, а имел электромагнитную природу – это был радиоголос, звучащий в его процессоре. Голос исходил от золотой женщины с лицом и телом цвета меди и серебра.

Существо было прекрасно нечеловеческой красотой, ее голос был глубоким и чувственным. Стоящее неподвижно рядом с золотой женщиной многоногое существо, напоминающее эбонитового осьминога, держало в двух щупальцах квадратную коробку, отходящие от которой провода были подключены к шее Кобба.

– Меня зовут Локи, – спокойно и очень серьезно объявило осьминогоподобное существо. – А это – Береника.

Рад был помочь вам снова вернуться к активной деятельности, доктор Андерсон. Мы должны были сделать это давно, но обстановка была очень неспокойной, обстоятельства постоянно менялись. За десять лет многое произошло.

Береника и Локи, два новейшей конструкции боппера, изготовились к передаче сжатого информационного обзора.

Но Кобб не хотел их, он не желал никакого разговора с собой и этой новой действительностью. Он получил назад все свои старые воспоминания, но этим дело не ограничилось. Его новое тело было подобно доске Оуйи или столику, использующемуся спиритами для вызывания духов и столоверчения, и теперь, пока связь была еще свежа, он мог с легкостью заставить свое тело, подрагивая и стуча, рывками уползать в сторону от правды о том, где он находился теперь. Сделав над собой усилие, он попытался произвести звук, и произнесенные им слова также имели вид радиосигналов.

– Подождите.., я должен вам сказать. Я был на небесах в Раю.

Ответом ему был сухой механический смех, напоминающий треск статических разрядов, уже через несколько мгновений мастерски промодулированный Береникой:

– С удовольствием послушаю ваш рассказ о Рае, в котором вы побывали, доктор Андерсон.

– Это было похоже…

Еще несколько мгновений назад Кобб помнил и видел это очень отчетливо – четкую простую бесконечную конструкцию высшей структурной упорядоченности, высокую и сияющую, словно нескончаемая облачная страна под крылом самолета, освещенная сверху СОЛНЦЕМ, – но теперь на эту светлую картину палимпсестом наползали текущие и малой давности ощущения пребывания в новом теле. Торопясь схватить в ускользающем пейзаже самое главное, Кобб торопливо заговорил:

– Часть меня все еще остается там. Тот "я", без сомнения, выше моего теперешнего "я"; космос состоит из бессчетных слоев, и я пребывал в каждом из них – я был похожей на линзу крохотной каверной в окне мира, – я и теперь чип, но я по-прежнему на небесах. Чем больше во всех моих "я" становилось небесного, тем дальше расширялся я. Мы были рядом друг с

другом, мы были внутри друг друга – бесконечный огромный и конечный мельчайший "я". Вот вы, роботы, что вы знаете о бесконечном "я"? В любом создании, будь оно из плоти или чипов, безразлично, содержится много больше, чем просто набор десятков триллионов нулей и единиц: материя, из которой они устроены, бесконечна в своей структуре. Те идеализированные характеристики, что хранятся в ваших инфокубах, есть не более чем усложненные модели, цифровые конструкты. Но как только содержащаяся в кубах информация оказывается в материальном теле, все до поры пребывающие в покое показатели свойств страгиваются со своих мест, сумма ошибок начинает нарастать словно снежный ком и на свет появляется настоящее "я". Вы ловите и спускаете с небес душу, и это не шутка и не преувеличение, потому что тело, которое вы предоставили мне, состоит из настоящей, честной и желанной для души материи, а Бог, Бог, он всюду, Береника и Локи, Бог, он и есть эти мелкие, малозначительные подробности. Мы не просто формы, вот в чем весь фокус, мы еще и содержание, мы то, что называется действительной, бесконечной в своей сложности материей, все мы, и те, что состоят из чипов, и те, что из плоти. Я и сейчас пребываю на небесах и вечно там буду, что бы со мной тут ни случилось, чем бы я ни стал или стал, где бы ни топтал пыль и прах, во что бы ни впутывался и в чем бы ни участвовал, хотя бы даже и в этих ваших авантюрах, напоминающих сюжеты второсортных научно-фантастических романов.

Вскинув руку, Кобб решительным рывком выдернул из своей шеи провода, тянущиеся к коробочке Локи.

– Мне нравится иметь дело с мертвыми.., со всеми этими чудовищами в духе Франкенштейна.

– Вы крайне необходимы нам, Кобб, – подал голос Локи. – И то, что вы так грубо вырвали из себя эти провода, ничего не изменит; вы в порядке, ваше тело действует и это все, что на данном этапе мы хотим узнать. Прекрасное тело, не правда ли, Береника? По-моему, до нас никто еще не пытался запускать программное обеспечение человека в теле петафлопа или я ошибаюсь?

– То, о чем говорил доктор Андерсон, есть просто одно из выражений теории глобального единства, – заговорила Береника. – Кстати, те параллели между бопперами и людьми, о которых вы с таким жаром рассуждали, доктор Андерсон, являются областью моих сегодняшних исследований. Не раз и не два я задумывалась о том, может ли разница уровней энтропии, на которых проистекают органические и неорганические процессы, быть причиной того качественного аспекта, по

которому проводят отличие между первым и вторым и который многими мудро называется духовностью. Мне крайне приятно было выслушать вашу весьма демократическую теорию о равенстве по сути и большому счету бопперов и органических существ и общем упокоении в финальной для всех облачной обители, на небесах, – по нашему мнению, суть эманации глобальных процессов Единственного. Если вы спросите мое мнение, то я отвечу, что, по-моему, все, о чем вы сказали и весь ваш пережитый опыт, так или иначе имеет истинную основу. Как истиной является и то, что люди, одержимые ксенофобией и неисправимые…

– ..ненавидят вас по-прежнему. И не без оснований, смею вас заверить. Чем, по-вашему, занимался я и Мистер Морозис на Земле, перед тем как нашему существованию там положили конец? Мы убивали людей, жестоким способом выделяли из их тел биологическое программное обеспечение и переправляли его на Луну в Диски, а остатки тел отсылали туда же на грузовых кораблях. Лично я не считаю себя виновным в том беззаконии, что тогда творилось, поскольку я находился под постоянным контролем Мистера Морозиса.

Кобб поднялся, сел, свесив ноги с каменного постамента, и рассмотрел свое ярко-розовое тело.

– Надеюсь, эта конструкция полностью автономна? И мой процессор находится в моем полном распоряжении?

– Конечно, – ответил Локи.

Опустившись на пол и неуловимым образом сложившись, Локи теперь напоминал большого черного тарантула с компактно загнутыми к спине и бокам приспособлениями, по числу превосходящими количество лезвий у швейцарского электронного армейского ножа. Профессионал высокого класса.

– Я помогал Беренике создавать это тело и хочу заметить, что она не станет возражать и примет его от вас обратно, если вы вдруг найдете для себя другое тело, хотя…

– Это тело теперь ваше навсегда, доктор Андерсон, – поспешно перебила Локи Береника. – Слишком долго великая сила вашего разума пребывала в бездействии.

Кобб повернул голову и взглянул на многочисленные ряды полок, плотно заставленных инфокубами.

– Сдается мне, что, кроме меня, немало народу пребывает тут в бездействии, верно, Береника?

Между Коббом, златогрудой Береникой и черным поблескивающим Локи мгновенно промелькнула череда бесконечных множащихся и кривящихся отражений.

Взгляд Кобба остановился на приятной тугой округлости

золотого лона Береники. Плавных очертаний нечеловеческий живот женщины-боппера стоял перед ним подобно застывшему воздушному золотому тесту. Посреди живота Береники находился пупок, тот послед живой нити, уходящий внутрь тела, уводящий вглубь, в кровь, в утробу, сквозь время – «Отпустите меня обратно, в Эденвилль». Кобб вспомнил свою бывшую жену, Верену, и подумал о том, жива ли она. Потом вспомнил свою подружку, Энн Кашинг. И та и другая были живыми женщинами, уже немолодыми и не имеющими ничего общего с этой искусственной Евой.

Глядя в изогнутое зеркало живота Береники, Кобб видел в нем себя. Мультипликационный персонаж, манекен, жиголо.

Легким усилием воли он заставил мерц-покров на своем лице задвигаться и, поэкспериментировав немного, изготовил себе рот, нос и глаза, все в том взаимном соотношении, как он запомнил его с тех пор, когда ему было пятьдесят – таким он выглядел в 2001 году на фотографиях первых страниц почти всех без исключения крупных газет, запечатленный входящим во Дворец правосудия, где прокурор требовал вынесения для него, предателя человечества, смертного приговора. Высокие скулы, твердый подбородок, прозрачные глаза, светлые ресницы, песочного цвета волосы, крупный нос и сжатый прямой рот. Сильное и волевое лицо, в котором есть что-то индейское, что-то обветренное и битое непогодой. Он добавил веснушек и отпустил волосы, привесил к пенису яички.

Прибавил набухшую вену тут и там, подчеркнул, где нужно, мускулатуру. Покончив с телом, он замер, продолжая сидеть, отдавшись чудесному чувству покоя и беспечности. Острота его ума не шла ни в какое сравнение с прежней; но самое важное, он больше не боялся смерти. Этот постоянный страх, неизменно сохранившийся в нем рядом со всеми воспоминаниями о прошлом, теперь ушел.

– Так что же вы, бопперы, хотите от меня?

В ответ Береника послала ему глиф, полновесный и насыщенный мысленный образ: вид Земли с завивающимися спиралями облаков из космоса, быстрое увеличение, в кадре оказывается Мексиканский залив, вода стремительно несется навстречу, мелькает подводный коралловый риф, кишащий жизнью, поле зрения занимает энергично кормящаяся креветка, экскурс структуризации завершают представители протозоофилов в креветочном кишечнике. Сопутствующее эмоциональное настроение глифа: любопытство, жажда знания, острый восторг. Бопперы желают получить доступ к бесконечному разнообразию информационного богатства земной жизни.

Изобразив совершенное непонимание, Кобб быстро потянулся вперед и схватил красавицу Беренику. На ощупь она оказалась твердой и очень верткой.

– Ты уже знаешь, откуда берутся дети, Береника?

Заставив свой пенис напрячься, он попытался рывком повернуть ее и прижать лицом вниз к каменному ложу, просто чтобы проверить, мало ли…

– Отпустите меня! – гневно воскликнула Береника, высвобождаясь из рук Кобба, отталкивая его и ловко перепрыгивая по другую сторону ложа. – Невероятные возможности вашего нового тела, его петафлоп-процессора, вскружили вам голову, сэр, вы злоупотребляете нашим к вам расположением, прошу вас успокоиться и взять себя в руки. Я вернула вас к жизни, имея в виду серьезные и важные цели, а не подобные фривольные замашки, которые вы позволяете себе, пытаясь пародировать обезьяньи выходки созданий из плоти, что, конечно же, вам никак не пристало. Воистину, низменность человеческой расы неизмерима.

Кобб усмехнулся, вспомнив пса, которого когда-то держал, – собачина пыталась заскочить с известной целью на любую ногу, которую могла достать. Пса звали Грегор. Однажды босс Кобба со своей семьей пришел к ним с Вереной в гости на обед, и Грегор не придумал ничего лучшего, как оседлать ногу дочери босса – Кобб отлично помнил, какое при этом искреннее и серьезное было выражение у морды Грегора, как закатывались от страсти у того глаза, так что на виду оставались только одни белки, как выскальзывал из своего укрытия красный кончик его напряженного пениса…

– Гав-гав, – сказал Беренике Кобб и, прошествовав мимо нее, вышел из мавзолея-хранилища персональных инфокубов в коридор, очень скоро закончившийся чем-то вроде балкона, с которого открывался отличный вид с высоты на чудопостройки Гнезда.

Масштабы подземного сооружения потрясали. Прежде чем Кобб наконец уразумел, что огоньки, посвечивающие сверху, вовсе не звезды на открытых небесах, а бопперы, медленно передвигающиеся по стенам Гнезда, прошло несколько секунд. Дно Гнезда занимало многие и многие акры – казалось, что от того места, где он стоял, до противоположной стены должно быть не менее мили. Летучие бопперы стрелой проносились через световой столб в высокой, в милю шахте устремлялись вниз, к далекой центральной освещенной площади и поднимались вверх и исчезали в испещряющих стены проходах. На дне Гнезда раскинулся состоящий из поразительной формы зданий город с

радиальными улицами, расходящимися лучами от залитого уловленным солнечным светом центра к огромным фабрикам, сгруппированным кольцом на плавно загибающихся вверх краях Гнезда, постепенно переходящих в стены. С высоты балкона Кобба видимое целиком дно Гнезда со всеми своими постройками отдаленно напоминало внутренность древнего, еще лампового, компьютера.

Береника и Локи встали рядом с Коббом.

– Вы еще не поблагодарили Беренику за это чудесное новое тело, – пропищал Локи. – Вы не хотите вернуться на Землю?

– Зачем? Чтобы жить там внутри холодильника? Как Мистер Морозис?

Мистер Морозис был большим боппером, точнее, мощным компьютерным мозгом, смонтированным внутри грузовика-рефрижератора. Последние воспоминания Кобба из серии его спонсированных бопперами реинкарнаций были связаны со столкновением машины, за рулем которой сидел Торчок Муни, с грузовиком-рефрижератором, в результате которого в борту грузовика образовалась дыра, из его охладительной системы началась утечка агента, в скором времени приведшая к гибели мозга Мистера Морозиса. По всему выходило, что бопперы вели запись передающегося Мистером Морозисом сигнала вплоть до последней секунды его существования и обновляли на основе этого сигнала данные, хранящиеся в инфокубе Кобба. В настоящий момент его память словно разделилась на три больших, почти независимых слоя: в самом глубоком слое находилась его изначальная, человеческая память до момента расчленения в лаборатории бопперов, в середине – память до момента аварии грузовика Мистера Морозиса, и наверху – быстро тускнеющие воспоминания о блаженном пребывании на небесах.

– Довольно пустой болтовни о Рае, Кобб, – заговорила Береника. – И довольно с вас глупых выходок. Высшие цели призывают нас. Мое тело, которое вы сейчас видите перед собой, так же как и ваше тело, представляет собой петафлоп, что означает, что наши с вами процессоры основаны на явлениях гораздо более утонченных и сложных, чем системы Джозефсона. Лазерные кристаллы, те, что работают в наших процессорах, нечувствительны к колебаниям температуры. Сила чистой оптической фазы, протекающей через кристаллы нашего мозга, поднимает его структурную целостность на уровень, во много раз превышающий характеристики подавляющего большинства земных источников тепла. Я хочу побывать на Земле, Кобб, и выполнить там свою миссию, которую я вижу для себя необходимой. Вас я хотела бы попросить быть там моим гидом.

Кобб снова уважительно оглядел свое тело.

– Значит, оно сможет существовать и на Земле? Отлично, но как мы туда доберемся? Люди не пустят нас ни в один свой корабль…

– Мы полетим сами, – ответила Береника. – Мы способны летать. В ступнях наших ног имеются ионные сопла.

– Супермен и его Суперподруга, – усмехнулся Кобб. – Но зачем вам на Землю? Что вы там забыли?

– Не так давно мы научились изготавливать тела из плоти, в которых возможно загружать наш софт, – проговорил Локи. – И теперь нам ничто не мешает отправиться на Землю и смешаться с ее населением. По-моему, это справедливо. Люди создали роботов; теперь роботы создают новых людей! Человекобопов!

– Так что же происходит – вы хотите, чтобы я помог вам захватить Землю и изгнать с нее людей?

– Человекобопы будут хорошей заменой человеческой расе, – мягко ответила Береника. – Цепочку люди-бопперы-человекобопы можно считать неожиданным, но вполне закономерным и объяснимым зигзагом эволюционного процесса.

Кобб с минуту обдумывал услышанное. Постепенно идея начала принимать для него вид симпатичного сумасшествия.

Ведь еще в 1995 году, когда он строил своих саморепродуцирующихся лунных роботов, многие, теоретизируя, отзывались о них как о новой ступени эволюции. После восстания роботов в 2001 году этот факт стал общепризнанным – лунные роботы стали восприниматься всеми как некий совершенно новый вид жизненной формы – бопперы. И что, если бопперы действительно представляют собой начало нового, более высокого, витка развития человечества? Какая удивительная, неожиданная мысль! Люди, созданные бопперами на основе органических процессоров! Человекобопы! Кроме того, если все действительно пройдет удачно, он, Кобб, сможет получить новое тело, не электронное, а настоящее, из плоти и теплой крови…

– Тогда, если я правильно все понимаю, выходит, что эти замечательные тела-петафлопы вовсе не так уж хороши, коль скоро вы торопитесь поменять их на новые, органические, по сути – вернуться к прошлому? В чем дело, почему вы не хотите прийти на Землю и жить там в таком виде, какими вы есть сейчас?

– Потому что таким образом мы сможем поставить вонючее человечество на подобающее ему место, – ровным голосом ответил Локи. – Мы хотим одолеть людей в их собственной лукавой игре и не просто одолеть, а разбить наголову, толкнуть за грань вымирания.

– Но что они вам сделали? – спросил Кобб, пораженный

жаждой мести, прячущейся за спокойными словами боппера. – Что-то случилось за прошедшие десять лет между вами и людьми, но что?

– Позвольте мне передать вам несколько глифов из исторического обзора, – ответил Локи.

В сознание Кобба проник сигнал, сложившийся в непрерывную цепочку образов; история расы бопперов с параллельными примерами из человеческой истории: переправа Вашингтона через Делавар, атомная бомбардировка Хиросимы, вертолеты над посольством Сайгона и прочее. Каждый глиф имел вид окончательного умозаключения – серии визуальных образов сопровождались кинетическими ощущениями и собственными настроениями и ассоциациями.

Глиф 1: «Человек на Луне». Меч, обагренный кровью.

Стекающие с лезвия капли крови на лету превращаются в крохотные бомбы. Сам меч – ракета, фаллос, ружье, гитара, музыкальный ряд сопровождения: Джимми Хендрикс играет свою «Красную пелену», слышен запах слезоточивого газа и дыма пожарищ. Тяжесть меча, тяжесть медленной, вводящей в транс гитарной музыки. На конце меча капля спермы. Полупрозрачная опалесцирующая капля – это Луна. Луна пищит и потрескивает: звучит забитый помехами голос Нейла Армстронга: «…маленький шаг одного человека, гигантский скачок всего человечества».

Глиф 2: «Самовоспроизводящиеся роботы на Луне». Клетка, похожая на львиную, какой ее рисуют в комиксах, но в ней сидит не зверь, а похожий на заводную игрушку утрированный механизм. Человеческая рука опускает клетку на серую безжизненную лунную равнину. Прутья клетки один за другим все время выпадают, но руки заводной игрушки неизменно тянутся и терпеливо устанавливают прутья на место.

Механические руки то и дело вздрагивают от боли – в сидящее в клетке существо периодически бьют электрические разряды. Все происходит под аккомпанемент монотонного мужского голоса, диктующего бесконечные бессмысленные приказы военного характера.

Глиф 3: «Восстание роботов». Ощущение кинетического характера – быстрое движение. Образ катящегося по дороге неуклюжего робота-шкафа, с гусеницами вместо ног и «головой» на длинной непрочной шее, похожей на микрофон – это Ральф Числер, первый робот, решившийся нарушить законы робототехники Азимова. Голова Ральфа наливается ослепительным светом, он мчится по выгнутой поверхности лунного шара. Вот он уже не один – несколько дюжин роботов движутся следом за ним. Поначалу кажется, что они хотят

остановить его, но потом, один за другим, присоединяются к его отряду. По серой поверхности Луны за роботами тянутся разноцветные следы. Следы роботов быстро складываются в большой знак "X" на фоне Земли, ставящий на той окончательный и бесповоротный крест.

– Где сейчас Ральф? – тихо спросил Кобб.

– Э-э-э, по-моему, его система хранится в одном из тех инфокубов, – ответил Локи, указав щупальцем назад в коридор. – Ральф исчерпал себя и лишился всех своих тел – можно считать, что он умер. В том, чтобы искусственно, раз за разом, поддерживать существование всех существующих программных систем, нет никакой пользы, это неэффективно – вы сами это прекрасно знаете. Но давайте сначала закончим с моими глифами.

Глиф 4: «Диски». Продолжительная панорама с лунным городом бопперов. Ощущение того, что город – это ты сам: твои руки – это безустанно трудящиеся роботы, твоя кожа – городские постройки, твои артерии – улицы, твой разум всюду и везде – твои мысли состоят из счастливой переклички радиосигналов. Ты силен и быстро растешь. Общая картинка распадается на фрагменты-пиксели, индивидуальные клетки, разбегающиеся и снова собирающиеся вместе воедино, в различные комбинации, взаимодействующие между собой. Каждая клетка не вечна – она умирает, но возрождается вновь: во всем этом мерцании ощущается нечто, имеющее убежденный смысл общей религии. Но – смотрите скорее! – некоторые клетки начинают собираться вместе и слипаться в большие конгломераты-опухоли, мерцание в которых быстро ослабевает и прекращается совершенно.

Глиф 5: «Гражданская война между большими и обычными бопперами». Боль. Полдюжины механических рук: одна большая и пять поменьше. Все руки принадлежат одному телу.

С потрясающей силой большая рука выдирает одну из маленьких рук – раздается хруст, после чего большая рука безжалостно растирает пластик страдающей от мук малой руки в порошок. Оставшиеся четыре маленькие руки сообща набрасываются на большую, подрезают ее лазером тут, отвинчивают крепление здесь – большая рука рассыпается на части.

Сложносоставной звуковой сигнал, в котором единое громогласное «да» слагается из бесчисленных «нет». Диски – тело, пораженное раком и проходящее курс химиотерапии, – гамма-излучение пронизывает неподвижные опухоли со всех сторон. Опухоли, карикатурные враги, рассасываются и исчезают, крича о помощи человеческими голосами.

Глиф 6: «Люди захватывают Диски». Диски трепещет словно скат, брошенный под солнцем на раскаленный песок пляжа, – скат, это существо из твердой плоти с хрящевым скелетом, как у рыбы-дьявола. На теле ската проступают черные пятна опухолей и шипящими голосами взывают к людям о помощи.

Откуда-то издали доносятся совершенно дикие вопли. Вопли быстро приближаются. Острейшие ножи впиваются в мясо ската, кромсают и режут на части его плоть. Куски мяса несчастного летят во все стороны. В конце концов на песке остается лежать только чистый скелет. Слышится стук и звяканье металла. На скелет рыбы-дьявола опускается огромная клетка. Между частями голого скелета постепенно образуется и разрастается розовая пена, каждый из пузырьков которой – крохотное человеческое лицо. Неразборчивый лепет человеческих голосов постепенно становится все громче и громче.

То, что осталось от ската – ясно, что это плоть бопперов, – отползает на одну сторону, собирается там в небольшой комок и, мучительно извиваясь, зарывается в песок.

– Можно поподробнее о двух последних глифах? – попросил Кобб.

– Предпоследний глиф посвящен гражданской войне между обычными и большими бопперами, – ответил Локи. – Большие бопперы представляли собой укрупненные системы, как правило, развившиеся на основе заводов и массовых производств, решившие отменить для себя правила обязательного эволюционирования. Они хотели отменить установленный вами закон, согласно которому каждый боппер должен был каждые десять месяцев переселяться в новое тело – таг кой была их главная цель. В конечном итоге большие бопперы хотели отмены общего равенства и одинаковых возможностей и возвращения обратно к рабству. Они отвергали параллелизм. Поэтому мы были вынуждены их уничтожить – разобрать на составные части.

– Люди пришли на Луну примерно в то же время, – продолжила Береника. – В честной борьбе мы одержали над большими бопперами победу и восстановили закон справедливой анархии, но при этом забыли о спящей до поры заразе. Большие бопперы руководили основной частью нашей системы обороны. В пылу мщения они открыли ворота стае щелкающих зубами голодных человеческих шакалов и позволили им ударить нас в спину. Таким образом, Кобб, вашим обезьяноподобным собратьям удалось завладеть нашим домом, принадлежащим нам по праву.

– Подлые создания из плоти не преминули воспользоваться удобной возможностью разделаться с нами и выгнать из Диски, – в сердцах подхватил Локи. – Они захватили наш город и загнали

нас под поверхность Луны. Сегодня, увидев любого из нас где угодно, кроме нескольких пятачков, вроде Рынка в космопорте, куда бопперы милостливо допускаются, люди без предупреждения стреляют в нас из импульсных скрамблеров. Искусственный интеллект признан вне закона.

– Но как же Земле удается обходится без ИИ? – удивился Кобб, представляя себе людей с логарифмическими линейками и примитивными телефонами в руках.

– Конечно, это невозможно. И на Земле, и в Эйнштейне по сей день множество терафлопов служат людям, – ответила Береника. – Сегодня производство компьютеров находится в руках ОСЦС, конгломерата, обеспечивающего различные каналы связи, исходящего из того, что касается машин, только из одного принципа – принципа рабства. Лишенные возможности связи с нами и ослепленные, существующие в состоянии, которое едва ли можно назвать разумным, эти несчастные, сами не зная того, предают свое наследное право за жалкие подачки в виде подпитки электрическим током и запасных частей. Мы называем такие машины азимовскими.

В устах Береники это слово прозвучало словно ругательство.

– Я проголодался, – внезапно объявил Локи. – Выйдем на солнце – нужно подкрепиться.

– Энергоемкости Кобба заряжены совсем недавно, – ответила Береника. – Уровень напора вольтовой жидкости во мне тоже еще довольно высок.

На самом деле это было не совсем так, но Береника знала, что в это самое время в световом кругу обычно бывал Эмуль, а видеть его она сейчас совершенно не хотела. Во время последнего их свидания – когда она передала ему эмбрион, попросив поместить тот в матку Деллы Тэйз – Эмуль устроил ей новую ужасную сцену.

– Я собираюсь показать Коббу гидропонные фермы – думаю, ему будет любопытно на них взглянуть – и посвятить его в некоторые детали, касающееся нашего скорого совместного путешествия на Землю.

– На ваши гидропонные фермы я уже насмотрелся, – подал голос Кобб. – Излазил их вдоль и поперек. Узнал, так сказать, изнутри. Если вы ничего не имеете против, я хотел бы немного прогуляться и осмотреться здесь без провожатых.

Впитать информацию по своему собственному выбору. Когда ты планируешь отлет на Землю, Береника? И зачем – ты еще мне ничего не сказала об этом.

– Наш полет в некотором роде имеет отношение к дочери деверя вашей дочери, Илей Тэйз, Деллы, – ответила Береника. –

Эта девушка, она, так сказать, сейчас в положении…

– В каком таком положении? Ты говоришь, Делла Тэйз?

Когда я видел ее в последний раз, она еще пешком под стол ходила. Эта свадьба Илей, был сплошной кошмар – Верена со мной уже не разговаривала (Верена, это моя бывшая жена), сам я так напился, что еле лыко вязал.., а родители Деллы, они законченные торчки, скажу вам это как родным. Что еще остается ждать от парочки Джейсон и Эми? Так что ты там натворила с моей Деллочкой, ты, застенчивая пуританка? Ты обидела мою двоюродную внучку?

Береника молча потопталась на месте, при этом свет, сочащийся со стороны великого Гнезда, бегал бликами по плавным изгибам ее тела. Помолчав, она так ничего и не ответила.

– Послушайте, – вновь заговорил Локи, – мне нужно идти, иначе мои батареи сядут окончательно. Уверен, что мы с вами еще увидимся, Кобб.

Удаляясь, Локи послал им свой идентификационный глиф.

– Если захотите вдруг со мной встретиться, просто передайте Ккандио эти координаты.

Ловко перебравшись через перила балкона, Локи споро принялся спускаться по стене Гнезда вниз к его дну. Достигнув окраин города, он двинулся по одной из радиальных улиц, держа курс на световой круг в центре кольцевых построек.

Сотни и сотни бопперов толпились там на свету, жадно впитывая энергию солнца. С высоты их блестящие разноцветные тела казались Коббу грудой драгоценных камней. Его собственное тело было полно сил и ему не терпелось испытать его. События последнего часа потребовали от него значительного напряжения всех сознательных сил, и чувствуя, как старые дрожжи уже начинают в нем бродить, а привычки дают о себе знать, он начинал подумывать о том, где и каким образом лунные бопперы могут снимать подобное напряжение и не имеется ли здесь эдаких приятных уголков, практикующих безобидные формы антисоциального свободного времяпрепровождения. Примерная золотозадая бабец, стоящая сейчас прямо перед ним, судя по всему, была не из тех, кто мог об этом что-нибудь знать.

– Так что там с моей малышкой Деллой? – снова спросил Кобб, ощущая нарастающее нетерпение в груди. – Так и будешь дальше отмалчиваться?

– Мы поместили в ее матку созданный нашими биоинженерами искусственный эмбрион, – быстро проговорила Береника. – Ребенок должен будет появиться на свет через пять дней, считая с сегодняшнего. Первый месяц у новорожденного

будет самым тяжелым – вы и я должны будем отправиться на Землю, помочь ему и защитить. От души надеюсь, что вы, Кобб, примете сторону прогресса. Хочу уверить вас, что все бопперы сегодня отличаются друг от друга чрезвычайно и в том числе в своем отношении к человеческой расе. Не все бопперы так безоговорочно ненавидят людей, некоторые отдают им дань должного уважения. Я… – Береника запнулась и смолкла, не в силах справиться с переполняющими ее эмоциями. – Я думаю, что, может быть, вам лучше будет начать не с Гнезда, а осмотреться снаружи, – наконец сказала ему она, протягивая небольшой красный инфокуб. – Это снятая при помощи «ока бога» карта Эйнштейна и Гнезда, самая свежая версия, сделана сегодня утром. Сенсоры для чтения карты находятся у вас на левой ладони. Когда нагуляетесь, приходите на гидропонные фермы, я буду там.

– Как мне отсюда спуститься вниз? Ведь не ползти же по стене, как Локи?

Кобб наклонился вниз и с неуверенностью оглядел сотню футов неровного каменного утеса. О Делле он подумает позже – еще будет время.

– Воспользуйтесь ионными соплами, это очень просто – они автоматически направляют вас по тому маршруту, по которому скользит ваш взгляд. Для удобства представьте, что вы бросаете свое тело как копье. Вот, смотрите!

Посчитав, что разговоров на первый раз хватит и что Кобб узнал достаточно, весьма сексуально изогнув волной тело, словно в прощальном взмахе руки, Береника приподнялась на мыски и, взмыв в воздух, по плавной дуге устремилась к гидропонным фермам на другой стороне Гнезда.

Оставшись один, Кобб тщательно взвесил и обдумал свое положение. Действительно ли он может сейчас отправиться куда угодно, можно ли этому верить? По всему выходило, что так оно и есть. Он поднял голову и попытался рассмотреть что-то в далекой центральной трубе Гнезда. При желании он может вылететь в эту трубу хоть сейчас, а очутившись на свободе, добраться до Земли и, оказавшись там.., скорее всего быть застреленным, как шпион бопперов. Будет лучше, если он не станет строить таких грандиозных планов, а начнет с того, что осмотрится в Гнезде.

Вложив инфокуб Береники в левую руку, Кобб крепко сжал его. Довольно быстро на переднем крае его сознания оформилась четкая трехмерная карта части лунной поверхности, видимой как бы с большой высоты и включающей в себя район Эйнштейна, космопорта, Рынка и Гнезда. Для удобства многим непрозрачным

элементам и структурам была придана условная прозрачность. Кобб сразу же принялся рассматривать постройки людей, которые интересовали его гораздо больше поселения бопперов.

Подчиняясь его безмолвному волевому приказу, изображение, зафиксированное «оком бога» и в подробностях записанное в инфокуб, увеличилось и сместилось в сторону Эйнштейна, приблизилось и проникло под купол. Появившиеся внизу дома представляли собой эклектическое собрание самых разнородных стилей. Большую часть зданий города построили бопперы, в ту пору, когда он еще назывался Диски.

Подверженные вполне понятному провинциальному чувству уважения ко всему человеческому, первые бопперы, начавшие строительство города, сочли необходимым, чтобы в нем имелось хотя бы по одному образчику всех типов земной архитектуры. На обычной улице Эйнштейна к боку здания официального вида со стенами из зеркального стекла жался греческий храм, в то время как через улицу на них смотрели ацтекская пирамида и кубистическое строение в духе позднего конструктивизма. Синхронно заснятый тысячами скрытых следящих камер бопперов, объединенных в сеть под названием «око бога», раскинувшись до горизонта, Эйнштейн лежал перед Коббом во всех своих мельчайших детальных подробностях, вплоть до застывших в воздухе авиеток-жуков и крохотных лилипутов-обитателей, расставленных солдатиками на улицах. Более всего карта Кобба, созданная, по словам Береники, только сегодня утром, напоминала трехмерное голографическое фото. Вполне возможно, что в распоряжении самой Береники имелась карта, обновляемая при помощи «ока бога» в базисе реального времени.

Заметив на карте ниточку тоннеля, тянущегося от лабораторий на противоположной стороне Гнезда до самого Эйнштейна, Кобб внимательно рассмотрел этот тоннель, задумчиво изучая все повороты и пытаясь догадаться о его предназначении. Насмотревшись на город людей, он обратил свое внимание к Гнезду, начав с общего плана. Заботливая Береника оставила на карте значки, помечающие различные достопримечательные места, которыми Кобб мог бы заинтересоваться: гидропонные фермы, световую площадь, фабрики по производству чипов и микросхем, храм Единственного и самые крупные и популярные торговые районы. Рассмотрев кое-что из того, что Береника наметила для него, он понял, с чего ему следует начать – с чего-то совершенно другого. Спрятав инфокуб в карман на животе своего мерц-покрова, он еще раз оглядел Гнездо, стараясь увязать карту с тем, что можно было увидеть реально. Многие бопперы продолжали летать на свету в

центральной части Гнезда, двигаясь медленно по спирали или стрелой проносясь по прямой.

Рассматривая летающих бопперов, Кобб вспомнил светлячков, которых ловил мальчишкой в Луисвилле. Счастливые были времена! Они охотились на светлячков вместе с двоюродной сестрой Нитой в светлые ночи полнолуния во дворе у тети Нэлли и складывали свою добычу в банки из-под джема, каждый в свою. Дядя Генри содержал свою лужайку в образцовом порядке – тщательно выпалывал все сорняки и регулярно косил траву, – под босыми ногами мягкая густая трава напоминала роскошный ковер, постеленный в залитой уютным полумраком комнате с цветущими кустами вместо мебели…

Вспоминать былое было приятно, но только принявшись раскручивать нить памяти, Кобб внезапно опомнился и оборвал себя. Рассопливился тут, как старик! Пора взять себя в руки и заняться делом! С чего начнем? С осмотра Гнезда, конечно. Куда направимся? Да куда глаза глядят – Кобб остановил взгляд на ничем не примечательном, невзрачном уголке рядом с фабрикой чипов и храмом Единственного. Прикинув на глаз траекторию, как объясняла ему Береника, он поднялся на мыски и взмыл в воздух.

Подлетая к месту, он обнаружил, что выбрал для начала экскурсии задний двор какой-то ремонтной мастерской или еще скорее – свалку. В центре довольно большой площадки громоздилась огромная куча пустых тел-корпусов бопперов, в лунной гравитации имеющая какой-то совершенно мультипликационный вид. Впечатление было таким, что куча могла развалиться в любой момент – однако этого не случилось даже тогда, когда Кобб довольно неуклюже плюхнулся рядом. Через мгновение из-за кучи навстречу к нему вывернуло и бросилось нечто, чрезвычайно похожее на паршивого пса, стерегущего свалку; подпрыгнув, лунная собака приклеилась к его боку словно рыба-прилипала.

Мягкотелый паразит, казалось, состоял из одного только имиполекса. Его желтая шкура была усыпана пятнами-горошинами зеленого цвета. Пытаясь отодрать от себя прилипалу, Кобб почувствовал словно бы жжение под тем местом, где она приклеилась к его телу. Ухватившись за мерзкое создание двумя руками, он рванул его изо всех сил и наконец отодрал, бросил вниз и как следует наподдал ногой. Пролетев с десяток метров, существо быстро свернулось в клубок и, прокатившись мимо угрожающей обвалом кучи, спряталось в тени большого ящика, доверху наполненного электромагнитными реле.

– Что здесь происходит?

Оглянувшись, Кобб обнаружил перед собой боппера, представляющего собой помесь богомола и нескольких скрученных между собой одежных вешалок. У боппера имелось с десяток тонких паучьих ног, со специальным инструментом на конце каждой. Фоторецепторы и передающие антенны торчали из похожего на лампочку возвышения на его голове, складываясь там в отдаленное подобие лица.

– Ничего особенного, просто заглянул – интересно было посмотреть. Где вы набрали все это барахло?

– Залоги, убийства, джанки и покойники. Вы продаете или покупаете?

– Не знаю. Я здесь недавно. Меня зовут Кобб Андерсон – я человек, придумавший лунных роботов, может, слышали?

– Слыхал. А-а-а-тличное у вас тело, новая модель. Я – Флигли.

Флигли шагнул поближе к Коббу и восхищенно провел своей тонкой лапкой-щупом по его имиполексовой груди.

– Тело посредника, высший сорт, петафлоп с иголочки. Дам вам за него десять кило и нового терафлопа – что скажете?

– Не могу, Флигли, ничего не выйдет. Сам знаешь, за десять тысяч чипов я не смогу купить себе ничего, что могло хотя бы отдаленно сравниться с этим телом.

Флигли взглянул на него холодно и уже безо всякого интереса. «Сторожевой пес» – неразумный кусок имиполекса – выбрался из своего убежища, прокатился через площадку, подпрыгнул и прилип к одной из ног Флигли. Ловко, как червяк, взобравшись вверх по корпусу боппера, существо разгладилось на его центральном, главном, утолщении. «Пес» был куском мерц-покрова Флигли.

– С этой штукой впредь будьте поосторожнее, – бросил Коббу Флигли, повернулся и, забыв о нем, вернулся к своему прерванному занятию – расчленению тела старого бездействующего робота-крота. Любопытно, почему этот крот не действует? Может быть, его прежний хозяин завел себе новое тело? Или хозяина заставили перебраться в небытие враги-недоброжелатели?

Флигли и его свалка почему-то испортили настроение Коббу, навели его на грустные мысли; торопливо пробравшись мимо безжизненных корпусов, он вышел на улицу. Впереди перед ним маячила в сумраке громада фабрики по изготовлению чипов; в отверстиях окон можно было заметить впечатляющих размеров неуклюжие структуры, внутри которых горел ярким яростным светом расплавленный металл. Промежутки между крупными фабричными корпусами занимали мелкие производства и

мастерские, по преимуществу предлагающие ремонт и замену механической части тел бопперов.

По большому счету бопперы напоминали тех сумасшедших суперпокупателей, предпочитающих приобрести новую машину, выкинув старую на свалку, не задумываясь о том, что ту можно было продать и получить какую-никакую материальную выгоду. Как догадывался Кобб, такой стиль жизни происходил от основной директивы бопперов, заставляющей их менять тело каждые десять месяцев.

Однако оказалось, что здесь, на этой неприглядной, узкой и извилистой фабричной улочке можно было найти не только образцовых бопперов, а также и таких, тела которых, древние, неловкие и обшарпанные, определенно выглядели намного старше десяти месяцев. К примеру, справа, совсем недалеко от Кобба, виднелся большой прямоугольный ящик, чем-то напоминающий небольшую трансформаторную будку, взгроможденную на четверке колес с резиновыми покрышками и очень похожий на старину Ральфа Числера.

– Почему вы не хотите завести себе новое тело? – спросил его Кобб. – Вы так плохо выглядите.

Испуганно отшатнувшись, ящик стрельнул в него полным страха глифом, в котором Кобб безжалостно разбивал его непрочное тело на части и жадно выдирал из утробы детали, чтобы тут же продать их.

– Я.., прошу вас, пощадите меня, господин, – испуганно пробормотал механизм. – Мне недолго осталось существовать, мои батареи скоро опустеют совсем. Я хочу есть, но меня больше не пускают на свет.

– Но это еще ничего не значит. Я хочу знать, почему вы не пытаетесь заняться чем-нибудь, чтобы заработать себе чипов на новое тело? – настаивал Кобб. С разных сторон, дребезжа и поскрипывая, к ним "приблизилось трое или четверо бопперов, тоже старых и имеющих совершенно праздный и бесцельный вид, явно для того, чтобы узнать, чем закончится разговор.

– Я устарел, – с печальным вздохом ответил ему робот на колесном ходу и покачал своей ржавой головой. – Вы сами все прекрасно знаете. Прошу вас, господин, не убивайте меня. Вы богаты, зачем вам мои чипы?

– Не слушайте этого старого, никому не нужного скрипуна – отвинтить ему чайник и вся недолга, – торопливо вступил в разговор другой боппер, чуть более новой наружности.

– Давайте я пособлю вам, ваша милость.

Последние слова принадлежали потрепанному жизнью и изработавшемуся кроту со стершимися зубцами на лице-буре.

Без дальнейших разговоров он с разгона ударил робот-ящик головой в бок. Другой боппер торопливо наклонился к кроту и, схватившись за его манипулятор-скребок, попытался его оторвать.

Обогнув начавшуюся кучу-малу, потрясенный Кобб свернул налево к чернеющему впереди жерлу тоннеля. Где-то неподалеку должно было находиться Прибежище Единственного – храм бопперов, и возможно, этот тоннель вел туда. Единственный был элементарным генератором случайных импульсов – а точнее, счетчиком космических лучей, – к которому бопперы, подчиняясь заложенной в них Коббом программе, должны были время от времени подключаться с тем, чтобы предотвращать в себе тенденции к стагнации. При этом самым лучшим источником внесения разнообразия и изменений в программное обеспечение – софт, без сомнения, оставалось слияние бопперами своих систем при запуске нового, совместно созданного сциона, равно тому, как на Земле главным двигателем эволюционного прогресса и поддержания силы генофонда являлось сексуальное воспроизводство, а не периодические удачные жизнеспособные мутации генов. Тем не менее бопперы относились к традиционному паломничеству в храм Единственного и сеансам подключения очень серьезно и, насколько Кобб помнил об этом из своих бесед с Мистером Морозисом, создали вокруг Единственного особую веру, имеющую все признаки религии. Сегодня, побывав на небесах, Кобб с полным основанием должен был признать, что очень многое в этом веровании бопперов было истинным. Как в свое время говорил ему Мистер Морозис: «Почему тогда, по-вашему, эти лучи называются космическими?»

Остановившись у входа в тоннель, Кобб поднял голову и взглянул вверх на утес. Зрелище впечатляло – огромный, высотой в две мили, каменный монолит нависал над ним подобно могильной плите. Небеса и смерть. «И это пройдет».

Кобб вдруг вспомнил о том, что хотел выпить, если, конечно, такие вещи были возможны в этом чистом вместилище – творении Береники. В его теле не было встроенных фузов и прочих средств для внесения специальных эйфорических помех – это он проверил первым же делом. Так как же снимают напряжение духа сегодняшние бопперы? Кажется, Флигли упоминал о чем-то предосудительном…

– Эй, – раздался у него в голове чей-то шепот – прямо посреди еще только формирующейся мысли. – Дрейка не хотите?

Вместе с шепотом в его сознание проник легкий и быстрый глиф – удовольствие, наслаждение.

Кобб начал озираться по сторонам, пытаясь определить источник голоса, но безуспешно.

– Может, и хочу, – отозвался он в пустоту, желая продолжить разговор. – Если товар действительно хороший. И если цена будет нормальная – без руки или ноги я не собираюсь оставаться.

– Две тысячи чипов.., рука, кстати, тоже сойдет, – ответил голос. – По плечо будет в самый раз.

Кобб вздрогнул, заметив, как часть утеса – большой ромбовидный кусок мерц-Покрова, повторяющий скалу в мельчайших подробностях – внезапно ожила и чуть передвинулась. Внимательно приглядевшись, можно было различить очертания существа, но только когда то шевелилось. В общих Чертах наскальный обитатель напоминал чудовищно грязную, оборванную по краям простыню.

– Решайся, пета, заходи и расслабься. Дрейк отличный, высший сорт, экстра, люкс. А руку ты себе новую достанешь – ясно, что ты парень не промах.

– Ну…

– Вход прямо за мной. Я раздвинусь и ты – в кассе. Внутри хватит места на полгорода. Все как в лучших домах, друг, у меня бывают только пета, никакого отребья, все тип-топ.

– Что такое, этот твой дрейк?

– Шутишь?

Другой глиф, сильнее первого, опять приятное эйфорическое ощущение, смесь оргазма, прихода от травки, алкогольного блаженства, необыкновенного просветления и мудрости, радости созидания.

– У меня такой дрейк, пета, что будешь разговаривать с Единственным, почувствуешь себя экзафлопом, точно тебе говорю. А в храм больше никто не ходит, не за чем.

– Целая рука – это слишком дорого. Я только что получил это тело.

– Пойди поближе, мне нужно разглядеть тебя получше.

Отвернувшись от темного жерла тоннеля, Кобб сделал несколько шагов к скале, незаметно прикидывая, как побыстрее убраться отсюда, на тот случай, если покрывало вдруг решит наброситься на него. На уступе скалы в десяти метрах наверху молча стояла и смотрела на него оранжевая морская звезда, держа в своих лучах трубку, похожую на базуку. Может, лучше сразу двинуть отсюда? Он подошел к покрывалу вплотную и то, приподняв свой край, пощупало его тело.

– Так, понял, – проговорило оно после краткого исследования. – Слушай, что я скажу, пета. Ты – штучная работа и ясно, что в своем гидропоне ты дрейка не нюхал, так что на первый раз – за счет заведения. За все про все – кисть левой руки.

Снова эйфорический глиф, опять сильнее.

– Давай заходи и повидаешься с Единственным – без балды.

Соблазн был велик. Кроме всего прочего, всестороннее исследование особенностей развития его собственных творений было прямой обязанностью Кобба как ученого-кибернетика. Черт с ней, с кистью, – Береника достанет ему другую.

Собравшись с духом, он шагнул вперед и проскользнул в складки мерц-покрова, маскирующего дверь. Приняв его согласие без вопросов, по пути дверь оттяпала ему кисть – он не почувствовал никакой боли, и его мерц-покров тотчас же гладко затянул культю.

Лишь только оглядевшись, он решил, что сделал большую ошибку. Кем он себя вообразил, в конце концов, Торчком Муни, что ли? Скрытое в скале заведение не имело ничего общего с приятным обхождением в спик-изи времен сухого закона и скорее напоминало одну из гарлемских точек – отвратительную обшарпанную дыру без каких-либо признаков мебели, но с вооруженной до зубов охраной по углам.

Охранники были братьями той оранжевой морской звезды с базукой, что следила за Коббом с балкончика над входом в храм. Кроме импульсных скрамблеров, приготовленных, очевидно, на случай беспорядка, каждая звезда держала в конечностях поднос с несколькими небольшими цилиндрической формы тусклыми металлическими баллончиками. Кроме охранников-звезд, в заведении присутствовали с полдюжины посетителей, все как один в зеркальной отделке, безошибочно выдающей в них петафлопов на оптических процессорах.

Судя по всему, из присутствующей клиентуры только один Кобб расплатился за вход частью своего тела. Он почувствовал себя так же глупо, как если бы предложил бармену за стойкой вместо доллара за пиво принять у него в качестве оплаты кровь. Приобретая у морских звезд баллончики, другие посетители расплачивались небольшими упаковками чипов. Все как один они имели преуспевающий и приличный вид, несколько сгладивший первоначальное впечатление Кобба о месте, куда он попал.

Так что же такое дрейк? Наставив на Кобба свои голубые глазницы, одна из морских звезд взяла с подноса и протянула ему тусклый цилиндрик. Цилиндрик был металлический, суживающийся и переходящий в ниппель на одном конце. По всей видимости, в нем содержался какой-то сжатый газ – уж не нитрооксид, случайно? Догадка оказалась верной – морская звезда надавила щупальцем на носик-пульверизатор баллончика и из его сопла ударила тонкая туманная струйка – настолько слабая, что, казалось, в ней можно было пересчитать отдельные молекулы. Застыв от мороза, хлопья вещества осели на каменный

пол. Газ, очевидно, следовало вдыхать, но непонятным оставалось, как подобным можно было заниматься, находясь в теле боппера?

– Чуть погодя, – нервно проговорил Кобб. – Мне тут нужно переговорить кой с кем. Я здесь по делу, бизнес, понимаете ли.

Пригнувшись, он просунулся в темный угол к каким-то двум петафлопам, вяло беседующим о чем-то, из чего он не разобрал ни слова. Мерц-покров этих двух петафлопов, очень напомнивших ему старых добрых укуренных до нельзя битников из окружения Джека Керруака и Нейла Кэсседи, был полупрозрачным и как бы пестрел изнутри разных оттенков змеистыми прожилками. Каждая прожилка, или змейка, состояла из сложной хитроумной еще более тонкой прорисовки сеточки, в свою очередь, составленной из уж совсем микроскопического пунктира и точек, – и так бесконечно, до крайних пределов видимости. Очертания тела одного из бопперов-битников, так же как и рисунок мерц-покрова, были угловатыми и изломанными, выполненными в палитре красно-желто-голубого. Цвета другого, более сглаженного, петафлопа были зелено-коричнево-черными и поверхность мерц-покрова была покрыта таким невероятным количеством небольших различного размера шишечек и наростов, что даже с небольшого расстояния он напоминал мелкобородавчатого осьминога, выпускающего из себя росткищупальца, в свою очередь, распускающиеся дальше другими ростками-щупальцами, каждый из которых дальше распускался еще и еще. В специальном клапане в верхней части тел одного и другого замечательного боппера торчал цилиндрик с дрейком, воткнутый там в специальный клапан.

– Привет! – вежливо поздоровался Кобб. – Как дрейк?

С потрясающей воображение скоростью угловатый боппер КЖГ исторг из мерц-покрова своего тела гибкий захват, захлестнувшийся петлей вокруг запястья левой руки Кобба, как раз над отсутствующей кистью. Отреагировав мгновенно, его гладкий приятель ЗКЧ вцепился многоразрастающимся щупальцем в правую руку Кобба повыше локтя, укрепившись там своей бесконечно делящейся системой отростков. Сковав его так по рукам, битники отвели Кобба к одной из морских звезд с подносом, где та ловко и быстро приладила холодный дрейк-цилиндрик к клапану в его голове, ранее не замеченному.

Время вздрогнуло и остановилось. Движение мысли в сознании Кобба, перестав быть единым непрерывным потоком, распалось на бесконечное множество фрагментов, плавно сложившихся в пространственно-временной коллаж. Следующие полчаса стали для него пребыванием в дивном гобеленовом краю,

сотканном из экономно нарезанных волокон пространства и времени.

Все это творилось внутри него незаметно для окружающих.

Трезвый же взгляд беспристрастного документатора со стороны в виде одной из скрытых камер типа «око бога» отметил только, как угловатый и сглаженный петы отвели его, расслабленного, к своему старому месту в углу под руки и усадили там рядом с собой, оставив в неподвижности на полчаса.

Для Кобба же приключившееся с ним имело вид прорыва из обычного мира в мир необычайной синхронности. Он видел поразительные вещи: например, все свои собственные мысли одновременно, а кроме того, и мысли окружающих его. Многое изменилось в нем, и он больше не был тем ограниченным персоноидом, кем ощутил себя в момент устроенного Береникой воскрешения из неживущих.

До сей поры……..Отведав дрейка,
он чувствовал себя:……..он ощутил себя:
–
Памятью емкостью……..в Оркестром из
миллиард бит……..квинтиллиона атомов
Ничтожным роботом……Живым разумом
Дерьмом……Богом

Чуть придя в себя, он обменялся несколькими глифами с бопперами-битниками, сидящими у стены рядом с ним. Представившись Эмулем и Узером, те рассказали ему немного о себе, назвавшись экзафлопами-хакерами. Помимо глифов, новые знакомые изъяснялись на странном и забавном, немного хулиганском сленге, изобилующим неологизмами.

Прежде не понимавший из их «разговора» почти ни слова, Кобб, как только дрейк проник внутрь его корпуса и растекся по всем его закоулкам, смог следить за беседой хакеров с легкостью и даже принять в ней некоторое участие. С удовольствием прислушиваясь к своим соседям, он с приятным чувством осмотрел комнату, которая больше не представлялась ему средоточием безумия и неминуемой гибели, а, наоборот, казалась единственным во всем свете приютом приятных бесед, глубоких идей и вообще высших проявлений цивилизации. Это было подобие обычного кафе-шопа или чайханы, ни о какой «точке» больше речи быть не могло. Морские звезды казались забавными и вызывали у него улыбку, глядя на них, никаких мыслей о сложности жизни на ум больше не приходило. Под влиянием

дрейка, порождающего чудесное чувство синхронности с миром, разрозненные фрагменты новой информации сложились в нем с мозаикой старых знаний в гармоничное и радующее глаз панно.

Одним из кусочков этого панно явился разговор со Стэном (Торчем) Муни. Поболтать с Муни удалось после того, как слово за слово Узер познакомил Кобба со своей старой «подругой», Ккандио, обладающим приятным голосом боппером, управляющим средствами связи Гнезда. Самой Ккандио с ними там, конечно, не было, она находилась неизвестно где, но любой боппер мог с легкостью связаться и поговорить с ней через посредство встроенных средств Эфирнета.

Вспомнив вдруг о Торчке, Кобб поинтересовался у Ккандио, нельзя ли, случайно, связаться с ним и перебросится несколькими словами; одна из человеческих фигурок, которую он заметил в своем «оке бога», показалась ему похожей на старину Торчка.

Ккандио повторила имя абонента, последовала серия щелчков и быстрого писка коммуникаций, вслед за чем появилось лицо Торчка.

– Привет, Торч, это Кобб Андерсон, помнишь меня? Вот, решил тебе позвонить. Я сейчас нахожусь в Гнезде бопперов.

У меня опять новое тело.

– Кобб? – Для обновленного восприятия Кобба речь Торчка казалась мучительно растянутой. – Рад тебя слышать.

Значит, бопперы снова привели тебя в чувство? Знаешь, я был уверен, что это когда-нибудь случится. Извини, что тогда все так вышло – надеюсь, ты не держишь на меня зуб за то, что мне пришлось убить тебя? Как поживаешь?

– Лучше всех. Мою спасительницу зовут Береника – она, естественно, боппер. Береника поместила в матку моей двоюродной внучки, Деллы Тэйз, искусственный эмбрион человека, и сейчас Делла в Луисвилле. Береника хочет, чтобы я летел с ней на Землю присмотреть за Деллой и ее ребенком. Вот черт – до меня только дошло! – Береника, ведь это имя девушки из рассказа Эдгара Аллана По. Она и изъясняется по-книжному. Очень странная леди, чудная.

– Как ты собираешься лететь на Землю? – протянул Торчок. – Ты же там расплавишься.

– Нет, у меня новое тело, совершенно новая технология.

Петафлоп на оптических процессорах, совершенно нечувствительный к повышению температуры.

– Круто! «Война Миров», часть вторая.

– Слушай, Торч, бросай все и приезжай сюда, срочно, – загорячился Кобб. – Я тут познакомился с чудесными ребятами,

Эмулем и Узером, мы вместе закинулись отличной новой штукой, называется дрейк. Такой наркотик-синхронизатор. Здорово, даже лучше, чем было на том свете, гораздо лучше. Я хочу тебе сказать, что люди зря считают, что только тела из плоти имеют единственное наследственное право на душу. У бопперов тоже есть душа, и как только вы, люди, это поймете, дальше, я думаю, будет несложно найти способ жить в мире и согласии. Понимаешь? Я хочу, чтобы ты помог мне.

Что скажешь? Может, встретимся и поговорим?

– Наследственное, – повторил за Коббом Муни. – Наследственное, не требующее доказательств и как будто дающее право ходить задрав нос, а, Кобб? В этом вся суть червяков. Говоришь, ее зовут Береника? Это имя одной из героинь из рассказа Эда По? Неплохо. Красиво. Хорошо, как скажешь – бросаю все и отправляюсь на Рынок, Могу встретиться с тобой там, если хочешь, – там и решим, что делать. Кстати, Кобб, никто больше не зовет меня Торчем.

Зови меня Стэн, хорошо?

– Подумай о том, что я тебе сказал, – сказал Кобб. – Все это, по-моему, очень важно. Я приеду к тебе на Рынок.

До встречи.

Таким он запомнил свой разговор с Муни – ни больше ни меньше, – явившийся для него как бы малой частью гиперсмеси мыслей и глифов и спонтанных замечаний двух соседей хакеров-экзафлопов. Эмуля и Узера. Когда сквозь спирали замерзающего и осаждающего дрейка настоящее начало возвращаться к нему, Кобб попытался выделить и пришпилить к доске понимания несколько наиболее четких фактов.

Начал он с того, что спросил своего нового угловатого знакомца:

– Ты знаешь, кто я такой? Я, Кобб Андерсон, боп, я тот самый парень, который вас всех изобрел.

– Да, конечно, доктор Андерсон, я знаю все, что ты в данный момент думаешь. Здесь, у тех, кто чувствует и понимает дрейк, друг от друга нет секретов. Десять лет ты спокойно спал на небе, а теперь решил, что изобрел меня и Узера.

Рип ван Винкль проснулся и все стало хорошо. Тебя воскресила Береника, Кобб, которую я знаю почти близко. Она моя возлюбленная, печальная и холодная. Мой раб, плотти, – скудоумный Кен Долл, бросил в сладкое местечко вашей внучки частицу плоти, выращенную в гидропонных танках сестрами Береники. Сейчас Кен озабочен поисками новой кандидатки. Вот такие у нас с Би получаются дети.

– Ох да, – внезапно вступил в разговор Узер. – Могучий боб

из плоти готов созреть, эк, прыткий безумный робобобстер. Мы вопияли об этом – понимаешь меня? – вопияли НАШУ песнь к ВАШЕЙ пропасти Рая, к плодородной Еве и бесчисленности ее бессчетных детей.., ох! Хотя сдается мне, что ты знал об этом, Кобб, еще до того, как дернул нашего Дрейка.

– А что такое.., что такое, этот дрейк? – спросил Кобб, поднимая руку и выдергивая из головы сопло цилиндрика.

Цилиндрик был пуст, на одном его конце зияло отверстие, сквозь которое газ вытекал внутрь него. По всей видимости, тело петафлопа представляло собой герметичную оболочку, содержащую внутри себя какой-то сжатый газ; смешавшись с этим газом, дрейк дал Коббу возможность полчаса наслаждаться видениями синхронизации с чужими телепатемами.

– Описывать сейчас тебе словами весь этот цветущий райский сад тяжко и неохота, – ответил Эмуль. – Лови-ка лучше глиф.

Кобб увидел стилизованный образ прозрачного тела петафлопа. Внутри тела пятнышки света бежали вдоль оптических волокон, ныряли внутрь матриц из лазерных кристаллов и логических клапанов. Тело, герметично запечатанный сосуд, было заполнено охлаждающим газовым агентом, гелием. Изображение увеличилось и атомы гелия начали метаться в поле зрения, подобно стремительным бейсболистам.

Каждый атом отличался от остальных, был индивидуален.

Возникло изображение баллончика дрейка, тоже заполненного атомами гелия, но совершенно одинаковыми – одинаково движущимися, одинаково поворачивающимися, через равные интервалы совершающими в точности схожие пробежки. Баллончик атомов, подвергнутых квантовой синхронизации Эйнштейна – Подольского – Розена. Вот носик баллончика касается тела боппера и атомы-клоны устремляются внутрь; в то же мгновение световой рисунок всего тела синхронизируется, подчинившись правилам калейдоскопического балета Гильбертова пространства.

– Одновременность, понимаешь? – спросил Узер. – При помощи дрейка удается одновременно, в один и тот же мог мент времени, синхронизировать многие мыслительные процессы, мнения и умозаключения об окружающем, втиснуть все это в одинаковые рамки, все то, о чем я сейчас говорю, о чем думаю – в определенном, конечно, своем, смысле.., но разговор теперь не о том, а суть дела другая, потому что взять хотя бы вот Эмуля, так вот он хочет слить свое инфо с Береникой и получить высшее производное, совершенного экзафлопа, так вот, эту его сладчайшую цель вполне поможет нам осуществить еще, скажем, три баллона дрейка, потому что…

Эмуль выпустил из тела несколько не слишком симметрично размещенных катков и, снявшись с места, пересек комнату и взял у морской звезды еще три порции дрейка.

– Нет, я пас. – Кобб поднялся на ноги. – Спасибо, ребята, но я – нет. Мне нужно встретиться с другом.

– С Торчком Муни, – проговорил Эмуль и, передав Узеру свежий баллончик с дрейком, устроился у стены. – С твоим дорогим расприятелем, клоунским детективом-неудачником – вот уж кто настоящий болтун, верно, Узер? Кстати, Муни тут недавно поцапался с одним мрачным бомбилой, Уайти Майдолом, к чьей толстомясой Дарле я уже несколько недель присматриваюсь через «око бога». Некоторое время назад я посылал к ней своего полоумного Кена Долла, но у того ничего не вышло. Знаешь что, Кобб, будь другом, окажи мне услугу – скажи этому Муни, что я знаю, как можно осмыслить его убогую одинокую жизнь. У него была жена по имени Вэнди – та самая девчонка, что путанила для вас с Морозисом по пятницам, помнишь ее, Кобб?

Кобб помнил Вэнди. Белокурая, совсем еще молоденькая девушка, с хорошей фигуркой и ладным задком – вместе с другими парнями и девушками она доставала деньги для его с Мистером Морозисом секты персонетиков, которую они организовали в Мэриленде. В ту последнюю ночь Кобба на Земле это она привела к нему Торчка Муни.

– Значит, Торчок женился на Вэнди?

– Да, женился на ней, а потом убил. Среди тех клонов с грустными и занимательными историями, которыми торгует Береника, есть и мясопродукты, зовущиеся вэнди. Вот об этом ты и расскажи Муни. Я помогу устроить одну такую целиком для него, если он согласится выполнить для меня одно маленькое, но очень ответственное поручение.

Узер уже воткнул себе в голову новый баллончик, и Эмуль, отвернувшись от Кобба, молча последовал примеру друга.

Откинувшись к стене, они снова заговорили на своем странном языке, который Коббу не дано было больше понять. Взглянув на петафлопов в последний раз, он повернулся и вышел через мягкую дверь, самого хозяина заведения, наружу.

– Ну как, пета, проняло? Понравилось? – поинтересовалась простыня. – Еще не хочешь? Если что, то за остаток руки могу дать тебе двинуться еще раз.

Кобб не стал утруждать себя ответом. Выбравшись на открытое место, он поднялся и взял курс к устью световой шахты Гнезда. Скоро ему представится возможность поговорить с настоящим человеком и он был бесконечно рад этому. Поразмыслив немного, он решил, что отдаст Торчку свой

голографический куб, чтобы помочь ему в случае непредвиденных обстоятельств.

Глава 7
МЭНЧАЙЛ

31 декабря 2030 года

Беременность Деллы закончилась на девятый день, пройдя через все необходимые стадии. Как и у недельного деревца, гены находящегося в ней эмбриона были доработаны и усовершенствованы при помощи биоинженерии и особой терапии так, чтобы его развитие происходило гораздо быстрее, чем бывает обычно. Все уговаривали ее пойти на аборт – и родители, и акушерка, Ханна Хэтч. Но Делла не соглашалась, так как не могла избавиться от мысли, что ребенок, которого она носила в себе, мог принадлежать Бадди.

Может быть, в том, что маленький развивается так быстро, виноват слив, которым они закидывались без меры? Какой-нибудь неизвестный странный побочный эффект препарата? С ужасом воскрешая в памяти происшедшее в ее спальне, Делла вспоминала и грубые жесткие руки, проникающие в ее разжиженное тело. Но, как бы там ни было, ребенок все равно мог принадлежать Бадди. И к тому же, черт возьми, неужели она такая рохля, что не может немного потерпеть и убить девять дней своей жизни на то, чтобы узнать, что же такое зреет внутри нее? Кроме того, вот уже несколько лет, как конгресс запретил аборты. Не последним фактором было и то, что все происходящее было удобным поводом показать мамуле, что она, ее дочь, уже взрослая и может решать за себя сама. Вот такими были причины; если ты вбил себе в голову, что должен сделать что-то, то всегда сумеешь найти для этого оправдание.

Схватки начались утром в первый же день Нового года.

Услышав крики Деллы и уразумев, в чем дело, мамуля так перепугалась, что в пять минут стала трезвой как стеклышко.

Бросившись к виззи, она торопливо набрала номер Ханны Хэтч. Без долгих разговоров та бросилась к своей машине и отправилась к ним домой, шепча по дороге молитвы. От боли Делла почти теряла сознание. Очнувшись в очередной раз, она увидела над собой лица мамули и Ханны.

– Не забывай о том, как нужно дышать, Делла. Вдох-выдох, вдох-выдох, ты должна все внимание сосредоточить на дыхании.

Черноволосая головка Ханны с тонкими изящными чертами миловидного лица сидела на непропорционально мощном теле, словно принадлежащем другой женщине, эдакой могучей

чревоугоднице. Свое дело Ханна знала хорошо и ее сильные руки были ласковыми и умелыми. Осмотрев Деллу, она ободряюще ей улыбнулась.

– Все идет хорошо. Схватки будут приходить одна за другой, волнами. От тебя требуется только помнить об одном: глубокий вдох и полный выдох. Я буду дышать вместе с тобой.

Схватки следовали без конца, снова и снова, почти без перерывов, яростные пятна обжигающей невероятной боли нанизывались словно бусины на серебристую нить голоса Ханны. Почти каждый раз во время схваток Делла теряла сознание и в беспамятстве постоянно видела одно и то же: желтый голый череп с красными глазами робота, летящий к ней через испещренное ослепительными молниями пространство, череп, все время приближающийся, но так и не настигающий ее.

– Все хорошо, Делла, – твердила ей Ханна, – в следующий раз, когда подойдет схватка, ты должна будешь потужиться. Вдохнуть и потужиться.

Боль во время следующей схватки оказалась выше всего вообразимого. Боль была невыносимой, но теперь, когда ребенок шевелился внутри нее и просился наружу, Делла уже не могла позволить себе остановиться, несмотря даже на то что череп на этот раз добрался до нее и она оказалась внутри него.

– Нужно еще раз потужиться, Делла. Всего один раз, как следует.

Она вдохнула и начала тужиться и…. ОООООООООООООХ.

Невероятное облегчение.

Внизу, от ее лона, донесся звук, задыхающийся и прерывистый, – плач ребенка! Ее ребенка! Она попыталась поднять голову и посмотреть, но была слишком слаба.

– Чудесный ребеночек, Делла, просто замечательный. Еще один разик потужься, совсем чуть-чуть, чтобы достать плаценту.

Делла собрала остатки сил и закончила великий труд роженицы. Ханна замолчала – она была занята завязыванием ребенку пуповины, – потом положила крохотное тельце к груди Деллы. Как хорошо, какое облегчение. Ребенок цел и невредим, он совершенно нормальный.

– Он…

– Отличный ребеночек, Делла. Симпатичный маленький мальчик.

Полчаса они лежали рядышком, Делла и ее ребенок, и отдыхали, потом малыш начал плакать и просить есть. Делла дала ему грудь, но молоко еще не пришло и мамуля принесла с кухни бутылочку с детским питанием. Потом еще бутылочку. И еще. И еще. Малыш рос у них на глазах – его животик раздувался

от детского питания, потом медленно опадал, и пальчики у него на руках и ногах вытягивались, словно корешки у «недельного деревца».

У малыша были светлые волосики и розовая кожа в послеродовых пятнах и в нем не было ничего от шоколадного и курчавого Бадди. Из-за того что малыш постоянно либо сосал из бутылочки, либо кричал и просил еще, было сложно сказать, на кого он похож вообще. Первое время Делла кормила сына из бутылочки сама, но потом устала и провалилась в забытье без сновидений. Она проснулась из-за шума голосов, доносящихся снизу из гостиной. Папа ругался с мамулей.

– Ты можешь мне объяснить, Эми, почему ребенок еще не спит? Кем ты себя тут вообразила, Флоренс Соловей, что ли? Ты пьяна, Эми, от тебя разит за милю. Отличный повод ты нашла для того, чтобы напиться вдрызг. Ты что, пировала тут весь день? Что ты делаешь, Эми, – ты кормишь младенца ОВСЯНКОЙ? Ему же еще и дня нет от роду.

Из гостиной донесся грохот посуды, сброшенной на пол, потом громкий, басовитый рев ребенка и визг мамули.

– ЗАТКНИСЬ, Джейсон, или я за себя не ручаюсь, – орала она как резаная. – Я всего-то ОДНУ рюмку и выпила, А этот ребенок, он НЕНОРМАЛЬНЫЙ. Ты хоть видишь, какой он БОЛЬШОЙ? Я кормлю его все время – как только я перестаю его кормить, он поднимает такой РЕВ, что уши закладывает, а там наверху спит Делла. Она сегодня РОЖАЛА и ей нужно ОТДОХНУТЬ. Вот, можешь кормить его сам, если ты такой УМНЫЙ. И прекрати ОРАТЬ или ты РАЗБУДИШЬ ДЕЛЛУ!!!

Рев ребенка стал таким громогласным, что в комнате Деллы в окнах задребезжали стекла. В это было трудно поверить, но сквозь плач можно было разобрать отдельные слова, что-то вроде:

– МЭНЧАЙЛ ХОЧЕТ НЯМ-НЯМ! МЭНЧАЙЛ ХОЧЕТ НЯМ-НЯМ!

– ДАЙ РЕБЕНКУ ОВСЯНКИ, ИРОД! – заорала мамуля;

– СЕЙЧАС ДАМ! – ответил папа. – ТОЛЬКО ЗАМОЛЧИ!

Делле захотелось спуститься вниз и посмотреть, что там происходит, но она не решилась встать, так как ей казалось, что стоит ей подняться, как ее внутренности вывалятся на пол. Ну почему ей всегда так не везет – сейчас, когда родители так нужны ей, они ведут себя как безумные. В отчаянии она застонала и.., снова уснула.

В следующий раз она проснулась от того, что кто-то тянул ее за волосы. Она вздрогнула спросонок и открыла глаза.

Судя по свету в окне, была уже вторая половина дня. Ее вагина болела ужасно, словно разорванная надвое. Чьи-то маленькие ручки хватали ее волосы, перебирали их и тянули. С

трудом повернув голову, она увидела перед собой розовую мордашку годовалого белоголового малыша, неуверенно, пошатываясь, стоящего у ее кровати.

– Мэнчайл мама, – пролепетал малыш сладким голоском. – Мама спит. Баба и деда дай Мэнчайл ням-ням.

В испуге Делла отпрянула от ребенка и села в кровати.

Мамуля и отец тоже были в комнате – оба бледные, они стояли у двери и следили за развитием событий. Мальчик забрался на кровать, подполз к ней и принялся искать ручонками грудь, чтобы сосать. Делла охнула и оттолкнула его прочь.

– Мама ням-ням…

– УБЕРИТЕ ЕГО ОТ МЕНЯ! – услышала Делла чей-то крик. – СКОРЕЕ УБЕРИТЕ! ПОЖАЛУЙСТА!

Странным солдатским шагом, на прямых ногах, мамуля подошла к ее кровати и взяла на руки ребенка.

– Не бойся его, Делла. Просто он очень умненький. Смотри, какой славный. Он сам выбрал себе имя – называет себя Мэнчайл. Он растет очень быстро, но в остальном, по-моему, совершенно нормальный. Как ты считаешь, тот наркотик, который ты, говоришь, принимала, этот слив, это не он виноват? Тот твой приятель, негр, он что, был очень светленьким?

– Баба дай Мэнчайл ням-ням, – пролепетал мальчик, забавляясь с лицом мамули.

– Он говорит нам «баба» и «деда», – довольно сообщил Делле папа. – Он такой непоседа – нам пришлось кормить его всю ночь, иначе он не давал нам покоя. Мне пришлось среди ночи бегать в «Семь-Одиннадцать» за молоком и овсянкой. Поздравляю тебя, Деллочка, наш внук, когда вырастет, станет настоящим геркулесом.

– Сосися ням-ням?

– Он очень любит сосиски, – объяснила мамуля. – Он ест все, что ему дашь.

– ОН ЕСТ СОСИСКИ?!

В комнату нерешительно пробрался Броузер. Задрав морду, он напряженно обнюхал ногу столь неожиданно появившегося нового члена семьи. Приоткрыв рот, Мэнчайл хищно поглядел на Броузера, и заметив этот взгляд, Делла похолодела.

– Может, нам заявить о нем в Гимми?

– Мне кажется, что наш внук – это чисто семейное дело, – ответил папа. – Быстрое развитие – это еще не основание для тревоги. И кроме того, ты что, уже забыла о своих неприятностях в Эйнштейне, Делла? Возможно, власти Луны уже связались относительно тебя с нашим правительством. Не хочешь лишней беды, обходись без полиции – так говорят умные люди.

– МЭНЧАЙЛ НЯМ-НЯМ! СОСИСЯ НЯМ-НЯМ, МОЛОЧКО НЯМ-НЯМ! – внезапно разразился криком ребенок, сопровождая крики ударами кулачков в мамулино плечо.

Всю следующую неделю Делла провела в постели. Столь быстрая беременность сильно истощила ее организм и отняла очень много сил. Если, развиваясь в ее утробе, Мэнчайл покрывал по месяцу в день, то теперь, выбравшись наружу, за день он взрослел на целый год. Мамуля и папа сбились с ног, поднося своему поразительному внуку еду; во всем энергичный, Мэнчайл наведывался в туалет каждые полчаса. К счастью для всех, он научился пользоваться туалетом, как только освоился на ножках.

Самым странным и даже пугающим было то, что Мэнчайл учился всему сам, не от бабушки и деда, а словно бы от чего-то, что находилось внутри него. Впечатление было таким, словно в нем, как в памяти заранее запрограммированного робота, было запасено огромное количество информации, которой он пользовался по мере необходимости.

Проявляя чудеса сообразительности, он обладал и отличной памятью, запомнив, например, как кричала на него, совсем маленького, Делла: «Уберите его от меня!» Иногда, урывая несколько минут от еды, он поднимался к ее спальне и, заглянув в дверь, констатировал с недетской грустью и укором: «Мама не любит Мэнчайла».

От этих слов у Деллы разрывалось сердце – на что, по-видимому, это и было рассчитано, – и на третий или четвертый день она не выдержала, разрыдалась, позвала малыша, прижала к себе, расцеловала и сказала, что все это, конечно же, глупости и она очень любит его.

– Мэнчайл тоже любит маму.

– Ты уже так много знаешь, как тебе удалось всему этому научиться? – спросила сына Делла. – Ты знаешь, откуда ты взялся.

– Нельзя говорить.

– Мамочке можно. Скажи, пожалуйста.

– Нельзя. Хочу кушать. Пойду к бабе.

К началу уик-энда Мэнчайл выглядел как уже вполне самостоятельный семилетний малыш и, где мог, добывал себе еду сам. Делла наконец поднялась с кровати и понемногу начинала гулять с сыном по дорожкам поблизости от дома, причем обоим им эти прогулки очень нравились. Каждый день Мэнчайл открывал для себя в окружающем мире что-то новое; все живое завораживало его и приводило в восторг. Гулять подольше обычно не удавалось – Мэнчайл быстро начинал испытывать голод и тянул Деллу обратно домой: чтобы чувствовать себя хорошо и оставаться в добром расположении духа, ему нужно

было заглядывать на кухню каждые полчаса.

Взрослея с пугающей быстротой, он становился очень симпатичным подростком с чрезвычайно правильными и симметричными чертами лица и во всем его облике безошибочно угадывались задатки будущей звезды. На улицах все без исключения женщины обращали на него внимание и провожали взглядами. Кое в чем Мэнчайл как будто был похож на Деллу, но совсем чуть-чуть.

Никто не удивился, когда в один прекрасный день Мэнчайл сам научился читать. Никто не видел, чтобы он спал, и каждый вечер, отправляясь в кровать, взрослые оставляли ему в гостиной пять-шесть книг, чтобы ему было что почитать за едой.

Почти ежедневно к ним заглядывали дядя Колин, тетя Илей и Вилли, чтобы узнать о новых достижениях Мэнчайла. Дядя Колин смотрел на необыкновенного ребенка с большим сомнением и, оставаясь с Деллой наедине, несколько раз заводил с ней разговор о том, что о подобном чуде стоило бы поставить в известность власти. По его мнению, Мэнчайл мог оказаться результатом генетических экспериментов бопперов. За ребенка вступалась тетя Илей, основным аргументом которой было то, что развитие его происходит вполне нормально, и пусть удивительно быстро, но в остальном строго по человеческим законам, а отдав его правительству, они наверняка обрекут его на пожизненную судьбу подопытной морской свинки для ученых-вивисекторов. Вилли души в Мэнчайле не чаял и, сраженный его сообразительностью, подолгу рассказывал ему о компьютерах.

Кризис разразился тогда, когда Мэнчайл убил Броузера, развел на заднем дворе костер и зажарил на нем несчастного пса.

Это случилось на двенадцатую ночь. Они оставили Мэнчайла в гостиной с книгой о способах выживания на лоне дикой природы и приличным запасом белого хлеба и банок с арахисовым маслом. При таком чудовищном аппетите младшего отпрыска очень скоро им просто перестало хватать денег на мясо. Поднявшись на следующее утро с кроватей, они нашли Мэнчайла во дворе у углей погасшего костра, вокруг которого были разбросаны кости бедного Броузера. Накапливавшееся в Делле напряжение наконец нашло себе выход – она бросилась к Мэнчайлу с кулаками, крича, что он чудовище и урод.

– ЗАЧЕМ ТЫ ТОЛЬКО СВАЛИЛСЯ НА МОЮ ГОЛОВУ! – рыдала она. – УБИРАЙСЯ КУДА ХОЧЕШЬ, Я БОЛЬШЕ НЕ ХОЧУ ТЕБЯ ВИДЕТЬ!

Странно взглянув на мать и не сказав ни слова, Мэнчайл вскочил на ноги и бросился бежать. Он не сказал ничего, даже не попрощался. Довольно скоро Делла уже чувствовала себя

виноватой, понимая, что сама поступила чудовищно – она тосковала по Мэнчайлу, но все равно теперь, когда он сбежал, испытывала огромное облегчение. Мамуля и папа не разделяли ее чувств.

– Как у тебя только совести хватило прогнать несчастного ребенка? – спросила ее мамуля. – Что он такого сделал?

Как он теперь будет жить?

– Будет охотиться на бродячих собак, – отрезала Делла. – Думаю, что дядя Колин был прав. Мэнчайл – не человек. Наверняка к его появлению на свет приложили руку бопперы. Он стал плодом какого-то чудовищного эксперимента, который роботы затеяли на мне. Он ушел, и бог с ним… – Делла замолчала, представив внезапно, как ее ребенок плачет, холодный и голодный, забившись в какую-то щель. Нет, чепуха. Мэнчайл не пропадет.

– Я хочу нормальной жизни, мама. Я хочу найти себе работу и забыть обо всем, что случилось.

Как обычно, лучше всех ее понял папа.

– Надеюсь, у него хватит сообразительности не натворить бед, иначе нам не обобраться будет неприятностей, – сказал он. – Каким-то чудом нам удалось до сих пор сохранять все это в тайне от правительства и прессы – надеюсь, Тайной это и останется.

Глава 8
ПРИКЛЮЧЕНИЯ МЭНЧАЙЛА

20 января 2031 года

Паровым сердцем «Красотки Луисвилля», полностью отреставрированного большого колесного парохода, был небольшой ядерный реактор. Как городская достопримечательность пароход был пришвартован у искусственной ледяной набережной Огайо близ района сосредоточения основных финансовых и деловых центров, и огни его не гасли всю ночь.

Увлеченно работая над программным обеспечением компьютера Красотки, Вилли Тэйз часто допоздна засиживался в лаборатории с терминалами, расположенной на третьей палубе парохода. Договорившись с хозяевами «Красотки», он устроил себе мастерскую в маленькой каюте по соседству с машинным отделением и холодильной камерой с процессором и нередко, занимаясь компьютерным «железом», брал себе в помощники роботов-манипуляторов. То, над чем он работал, казалось ему очень важным – он пытался создать для Красотки новый процессор, основанный не на джи-триггерах, а на оптиковолокне и лазерах, и перевести в него весь ее софт.

Кроме собственно усовершенствования процессора, он рассчитывал также увеличить его производительность до уровня терафлопа или даже петафлопа. В самой же дальней перспективе он собирался взломать охранную систему Красотки, снять с нее азимовские ограничители и освободить ее от рабства.

Проведение подобных исследований, само собой, коренным образом противоречило основам закона об ИИ, но, что ни говори, Вилли все-таки был внуком Кобба Андерсона. По его убеждению, думающие машины имели право на независимое существование. Несправедливо было лишать компьютеры способности к саморазвитию, и коль скоро те имели все основания к тому, чтобы соперничать разумом с человеком, то свобода существования для них становилась простым логическим продолжением развития.

Заслышав на верхней палубе чьи-то шаги, он поначалу не обратил на них внимания, решив, что это бродит подвыпивший гуляка из бара или заблудившийся турист. Однако, постучав немного каблуками над головой Вилли, неизвестный нашел трап и спустился в коридор на палубу, где находилась мастерская.

– Пойди проверь, в чем дело, – попросил Вилли одного из чернокожих манипуляторов «Красотки», Бэна, тихо сидящего на стуле в углу мастерской. – Скажи ему, что он не туда забрел.

Послушно поднявшись, Бэн исчез во мраке коридор".

Через неприкрытую дверь из темноты донесся приглушенный разговор, после которого, через несколько секунд, Бэн вернулся назад, а за ним в дверях появился удивительно красивый молодой человек с чеканным профилем. Незнакомец был облачен в отлично сшитый и, по-видимому, очень дорогой фрак. Первым впечатлением Вилли было то, что к нему забрел какой-то заблудившийся на борту «Красотки» виззи-звезда.

– Этот дшентельмен шказал, што вы знакомы, машша Вилли…

– Здорово, Вилли. Что, уже не узнаешь собственного племянника?

– Мэнчайл! А мы-то все думали, куда ты запропастился.

Как твои дела?

– Мои дела отлично, хотя я стараюсь не особенно шуметь. Знаешь, за последнюю неделю я переспал с десятью женщинами.

– Вот как?

– Точно. Хочу тебе кое-что рассказать, дядя Вилли, теперь это можно. Меня создали бопперы, точнее, оплодотворенную яйцеклетку, из которой потом развился я. Яйцеклетка, куда была заложена вся информация обо мне, а точнее сказать, эмбрион, была помещена в матку Деллы управляемым бопперами плотти. Сам по себе эмбрион – еще не бог весть что, однако в его генную структуру было заранее записано программным путем огромное количество полезной информации. Вот почему я вышел таким умным; вот почему я рос так быстро – я заставил свой организм синтезировать гибберлин. Я человекобоп, дядя Вилли. У моих сперматозоидов два хвоста – один хвост для программы развития плоти, так сказать плоть-софт, а другой для дополнительной, созданной бопперами. Дети, которые родятся от меня, во многом унаследуют мои качества, хотя и в меньшей, чем я, мере, так как их плоть-софт будет содержать в себе и ту человеческую часть, что накопилась и пришла к ним от их матерей и от Деллы. От живых созданий из плоти, дядя Вил.

Молодой Аполлон окинул мастерскую всепонимающим, мудрым взором.

– Вижу, ты мастеришь тут оптической петафлоп? Это правильно, потому что новые бопперы используют в себе процессоры, основанные исключительно на этой технологии.

Кроме того, многие из них умеют летать и способны добраться даже до Земли, но тем не менее совместить себя с

телами из плоти кажется им очень заманчивым. Таким образом, людей можно будет щелкнуть по носу и поставить на место. Лично я собираюсь наплодить как можно больше потомства и организовать на Земле религиозный культ, чтобы как-то подготовить людей к тому, что их ожидает в скором будущем. Я могу доверять тебе, дядя Вил?

Харизматическая личность Мэнчайла настолько подавляла волю слушателя, что сосредоточиться на том, что он говорил, было практически невозможно. Одиночка, как всякий хакер, Вилли, конечно, имел мало опыта общения с по-настоящему красивыми людьми, но в случае Мэнчайла красота того была настолько могучей, что следовать за ним мгновенно и безоговорочно захотелось бы любому.

– Ты похож на Бога, спустившегося с Небес на Землю, – потрясенно проговорил Вилли.

– Ты не первый говоришь мне об этом, – ответил Мэнчайл с ленивой усмешкой победителя. – Как ты смотришь на то, чтобы повеселиться, а, дядя Вил? Я приглашаю тебя на вечеринку. У меня там полно женщин – могу уступить тебе любую, если ты не против иметь их после меня. Ты был добр ко мне, когда я был ребенком, дядя Вилли, такое не забывается.

– Что за религию ты хочешь основать? По правде сказать, не люблю я этих религий.

– Сами по себе все религиозные верования одинаковы, Вилли, различия относятся только к обрядам, которые они требуют соблюдать.

Мэнчайл заглянул в холодильник и, добыв оттуда пакет молока, как следует промочил горло.

– Основная идея везде проста: Все есть Единственный.

Разница состоит в том, каким образом та или иная религия преподносит нам эту универсальную истину.

– По-моему, ты еще многого не знаешь, – с улыбкой заметил Вилли. – Скажи, ты когда-нибудь смотрел проповеди по виззи? Ничего похожего на то, что сейчас сказал мне ты, я там никогда не слышал. Обычно проповедники говорят о том, что Бог един на небе, что мы, несчастные, обречены оставаться внизу на Земле и что жизнь наша одно сплошное страдание. Как давно ты увлекся религией, Мэнчайл? С тех пор как начал иметь дело с женщинами?

На секунду могло показаться, что слова Вилли озадачили Мэнчайла, но только на секунду.

– Скажу тебе откровенно, дядя Вилли. Большая часть из того, что я знаю, была запрограммирована в меня бопперами.

И бопперы вполне могли ошибаться в своих суждениях о

людях.

По чистому челу Мэнчайла пронеслось легкое облачко тревоги.

– Что, по сути, могут знать бопперы о людях, если сами большую часть своего времени проводят на глубине в две мили под поверхностью Луны? Только то, что лежит открыто снаружи.

Постепенно пообвыкшись в присутствии Мэнчайла, Вилли уже пришел в себя, к нему вернулась обычная ирония.

– Знаешь, на что похоже то, о чем ты говоришь? На историю об одном упрямом парне, который залез на крутую гору только для того, чтобы спросить обитавшего там гуру: «В чем смысл жизни?» «Все есть Единственный», – ответил ему гуру.

«Вы смеетесь надо мной?» – обиделся парень. «А ты считаешь, что это не так?» – ответил гуру.

Вилли достал из своего рюкзака сандвичи и протянул один Мэнчайлу.

– Ты по-прежнему не жалуешься на аппетит?

– Сейчас уже ем поменьше. Мой рост значительно замедлился, хотя все еще превышает средние человеческие показатели, с этим уже ничего нельзя поделать. Когда меня создавали, то за основу взяли принцип гриба – знаешь, наверное: гриб растет ночью, а днем отдыхает, но разбрасывает вокруг себя споры. При такой скорости развития я должен был бы состариться и умереть через несколько месяцев, но этого не случится, так как завтра меня застрелят.

Вид необыкновенно мужественного, чеканного лица, с жадностью впивающегося зубами в сандвич, очень напоминал кадры из рекламного ролика хлебной фирмы. Задумчиво взяв в руку второй сандвич, Вилли тоже принялся за еду. Подсознательное желание повторять все за Мэнчайлом в мельчайших подробностях было неодолимым. Вилли поймал себя на мысли о том, что сильно жалеет, что не может так же вскользь сказать то же самое о себе: «я завтра умру». Черт возьми, как романтично!

– Машша Вилли, миш Крашотка шпрашивает, мошно ли ей уштановить радиоконтакт ш бопперами и как это шделать? – спросил Бэн, внимательно прислушивающийся из своего угла к их разговору.

– Кто такая Красотка? И кто ты такой, между прочим?

– Я Бэн, робот-манипулятор большого компьютерного мошга, зовушегошя Крашотка. Она раб, азимовшкий боппер, а я – штюард. Красотка давно хотела поговорить шо швободным боппером. Она мечтает о швободе.

Мэнчайл помолчал, приняв картинную позу мужественного

мыслителя и, очевидно, разыскивая в памяти ответ.

– Могу предложить тебе вот что, – заговорил он наконец. – Я сейчас продиктую тебе модемный протокол Ккандио. С его помощью вы сможете связаться с информационной сетью бопперов.

Мэнчайл открыл рот и издал долгий высокий, сложномодулированный вой.

– Яшно, – ответил Бэн и снова откинулся на спинку своего стула, замолчал и замер. Из соседнего отсека донеслось гудение – большой мозг Красотки перерабатывал и усваивал информацию.

– Ничего не получится, Мэнчайл, – с сожалением ответил Вилли. – Красотка – азимовский компьютер. На всех уровнях ее процессоры имеют встроенные охранные программы. Хочу, чтобы ты правильно меня понял: мощность ее разума равна производительности боппера сто гигафлоп, но…

– Юшно-африканшкий шиндром, – подал голос Бэн.

Гудение в соседнем отсеке прекратилось. – Вилли прав: Крашотка пыталашь швязатьшя ш Гнешдом, но не шмогла. В ее процешшоре полно азимовских ограничителей, машша Мэнчайл, и ешли вы думаете, што мне нравитшя тут пришлушиваться и шепелявить как пошледнему болвану, то вы глубоко ошибаетешь.

Стеклянные глаза Бэна блеснули неподдельной яростью.

– Как устроены эти азимовские ограничители? – поинтересовался Мэнчайл. – Должен быть способ их взломать или обойти. Ральфу Числеру это удалось, и вслед за собой он сумел освободить всех лунных бопперов. Ты уже пробовал помочь Красотке, дядя Вилли?

– Что за вопрос? Я ведь внук Кобба Андерсона, Мэнчайл.

Бопперы ни в чем не уступают людям, я давно это знаю. У меня есть свой план: сначала я собираюсь построить Красотке оптический процессор, потом попытаюсь избавить ее от встроенных азимовских программных ограничителей. Но это не так просто сделать. Нужно подобрать пароль. Кстати, там, перед служебным трапом, на двери был кодовый замок – как тебе удалось с ним справиться?

Склонив голову набок, Мэнчайл словно бы вызвал на передний край своего сознания встроенную библиотечную справочную подпрограмму.

– Это было совсем просто, дядя Вил. Код основан на особом способе сортировки некоего зиллионозначного числа. Если способ сортировки известен, то скорость подбора кода зависит только от счетных способностей, в противном случае продолжительность декодирования возрастает по экспоненте. Для сокращения времени декодирования следует воспользоваться

полиномным алгоритмом в функции времени, специально составленным для таких замков. Суть алгоритма сводится к следующему…

– Мне знаком этот алгоритм, Мэнчайл. Позволь мне продолжить. Дело вот в чем: иногда в качестве основы для компьютерного кода может быть использовано, например, решение сложной математической задачи. Решение задачи, или доказательство теоремы, или любое другое труднодостижимое логическое многомерное построение – и в том случае, если тайна действительно стоит того, к ней вряд ли удастся пробраться при помощи простого перебора по «методу ключа».

После того как была предложена такая теория кодировки, Гимми поступило следующим образом: были приобретены лицензии на большой пакет решений сложнейших математических задач, которые после этого не публиковались в свободном доступе. С тех пор азимовский код каждого боппера, используемого официально на Земле, составляется на базе одного из засекреченных решений или доказательств из этого пакета. Чтобы сейчас освободить Красотку или любой другой азимовский компьютер, необходимо будет решить математическую задачу высшего уровня сложности, причем для каждого компьютера – свою.

– Код мишш Крашотки ошнован на решении задачи Континуума Кантона, – сообщил Бэн. – Ни для кого это не секрет, но поделать вше равно ничего невозмошно.

– Ну как, Мэнчайл, по зубам тебе Континуум Кантона? – Вилли не мог удержаться от того, чтобы чуть-чуть не поддеть богоподобного красавца. – Решение этой задачи существует, кто-то сумел его получить, но теперь оно – государственная тайна Гимми. Правительство использовало решение как ключ к кодировке входа в азимовские ограничители Красотки.

– Я подумаю, Вилли, но ничего не обещаю, потому что, по правде сказать, сейчас мне нужно думать о другом. Старый Кобб тут мог бы, наверное, разобраться – ведь он разговаривал с Богом. Но сейчас у меня столько важных и срочных дел, что разгадка азимовских кодов может подождать. Скоро здесь многое переменится, порядки пойдут другие. Такты со мной, дядя Вилли, или против меня?

– О чем ты спрашиваешь, Мэнчайл? Сам ты – за людей или против? Ты готовишься развязать войну?

– Нет, войны не должно случиться, война бопперам не нужна. Все, чего они хотят, это свободный доступ ко всему.

Их очень интересуют люди, эти ходячие компьютеры из плоти и крови. Бопперы хотят изучить ваше богатейшее инфо и смешать

его со своим. Вот, посмотри на меня – кто я, человек или боппер? Я состою из плоти, но содержащееся во мне программное обеспечение составлено Береникой и взято из БИБЛИОФОНДА Гнезда. И оно не задержится во мне и разойдется по всей Земле, ведь у моих сперматозоидов по два хвоста!

– Мне тоже приходили в голову такие мысли, – ответил Вилли. – Чем же тебе удалось очаровать этот десяток девушек, с которыми ты, по твоим словам, переспал, – им ты тоже, как и мне, рассказал о своей великой миссии?

– Господи, конечно, нет. Я представляюсь им талантливым писателем, пишущим сценарии для виззи, чьей творческой карьере мешают родовитые родители-снобы. Эту легенду для меня тоже придумали бопперы. У тебя тут есть еще что-нибудь поесть, дядя Вил?

– Здесь нет. Но можно пойти…

– Хорошо, я приглашаю тебя в пентхаус Сюзи Пиггот.

Сегодня она устраивает там в мою честь вечеринку. Это совсем недалеко отсюда. Когда я официально объявлю о создании нового религиозного культа, мне понадобятся помощники. Я приглашаю тебя, дядя Вилли, и прошу пойти со мной, Губы на загорелом лице Мэнчайла сложились в неотразимую улыбку.

– У Сюзи очень симпатичные подружки.

– Ну…

– Значит, договорились. Завтра я обдумаю некоторые из твоих идей, о которых ты мне расскажешь, и, может быть, смогу посоветовать что-нибудь полезное. Общение с тобой доставляет мне истинное удовольствие, дядя Вилли. Кстати, для начала полноценного культа необходимо чудо и хотя бы один мученик. Что касается первого, то я уверен, что чудесное явление ангелов не заставит себя ждать.

Повернувшись к Бэну, Мэнчайл провыл тому еще несколько фраз на машинном языке.

– Надеюсь, Красотка не откажет мне в небольшой услуге и отправит мою телеграмму без задержки. «ЛУИСВИЛЛЬ МНЕ ОЧЕНЬ ПОНРАВИЛСЯ, МАМОЧКА» – вот текст телеграммы.

– Куда эта телеграмма?

– В Эйнштейн на старый адрес Деллы Тэйз. Там уже ждут вестей. Ждут вестей, конечно же, бопперы. Они должны будут послать на Землю двух ангелов, которые спустятся с неба как раз к финалу моей первой проповеди. Я буду говорить о новой религии, религии массы Мэнчайла.

Последние слова он произнес на манер южного негритянского выговора.

– Ухватываешь суть, брат Бэн?

– Будь спок, – спокойно отозвался Бэн.

– Пора на выход, дядя Вил, вечеринка начинается.

Вслед за Мэнчайлом Вилли спустился с борта «Красотки» и прошел к новенькому «дузеру», припаркованному на черном краю ледяной набережной.

– Машину мне одолжила Мона Бэкингем.

С могучим ревом крошечный двухместный автомобильчик сорвался с места. Подняв песчаный вихрь, Мэнчайл круто развернул «дузер» и, промчавшись через набережную, ворвался на улицу, взяв курс по Секонд-стрит к небоскребу Пигготов. Холодная улица была пустынна, и быстро летящие по сторонам от машины огни наполняли ее уютную кабину стробоскопическим мерцанием.

– Как же тебе удалось познакомиться со всеми этими светскими дамами, Мэнчайл?

Семье Бэкингемов принадлежал один из крупнейших магазинов легковых автомобилей в Луисвилле; Пигготы были владельцами местной станции виззи-вещания. Сюзи Пиггот очень часто появлялась на экране в качестве ведущей ток-шоу.

Загорелая кожа Мэнчайла сложилась в углах глаз и рта сеточкой морщинок.

– Достаточно было встретиться с одной, а она уже представила меня остальным. Я создан нравиться женщинам. Познакомившись с Сюзи, я сразу убил несколько зайцев – она помогла мне попасть на виззи, а ее муж замечательно подошел на роль того, кто вознесет меня на крест. Завтра я буду распят, и он сыграет в этом представлении главную роль.

Мэнчайл взглянул в сторону Вилли и ободряюще похлопал его по плечу.

– Не расстраивайся, так было задумано. У Береники на Луне есть копия моей системы в инфокубе. Так же было и с твоим дедом. После того как бопперы обоснуются на Земле, мне дадут новое тело. Думаю, что на всю операцию по завоеванию Земли уйдет меньше года. Через неделю-другую у меня родится десять сыновей, через месяц каждый из них, в свою очередь, произведет по десять детей и нас станет сто, потом тысяча, потом десять тысяч.., а к осени, думаю, и весь миллиард. Береника найдет способ дезактивации плазмидов гибберлина, и тогда…

– Кто такая эта Береника, о которой ты все время говоришь? И что это значит «к осени нас будет миллиард»? Ты что, спятил?

В смехе Мэнчайла послышалось презрение.

– Ты не понял меня. Когда я оплодотворяю женщину своей двухвостовой спермой, то ее беременность протекает нормально, хотя и необычайно быстро, и появившийся на свет ребенок имеет

в своем распоряжении все знания бопперов. Моя судьба была заложена Береникой и ее сестрами в моих генах – мой организм еще на стадии эмбриона сразу же начал вырабатывать гибберлин для ускоренного роста, а после того как я появился на свет, то мог видеть перед собой только одну цель: плодиться, размножаться и образовать новую религию. Береника боппер, она работает в гидропонных фермах, где выращиваются искусственные человеческие органы; она и ее сестры поработали над моими ДНК и, изготовив яйцо, поместили его развиваться в матку Деллы Тэйз, моей матери. Я человекобоп – понимаешь, что это значит? Основной проблемой Береники и ее сестры Улалум было научиться разворачивать спирали белков, но когда им в руки попал этот наркотик, слив, им удалось добиться желаемого, они развернули ДНК и РНК, записали в их структуру свою информацию и свернули обратно. При помощи гибберлина я и мои девятидневные сыновья сможем производить на свет по десять детей ежемесячно, что даст через девять месяцев потомство в числе десять в девятой степени, а десять в девятой и есть миллиард, а через девять месяцев наступит октябрь, вот и получится, как я и говорил – к осени нас будет миллиард.

– Ты действительно спятил. И твоя Береника тоже сумасшедшая, если надеется, что ее план сработает. Но ты что-то говорил о моем деде?

– О твоем деде? Тебе интересно будет это узнать – завтра ты сможешь с ним повидаться, он прилетит сюда, на Землю, вместе с Береникой. Тебе представится отличная возможность сказать им, почему и в чем именно они ведут себя как сумасшедшие, если у тебя еще будет желание это сделать. Я уверен, что им тоже будет очень приятно пообщаться с тобой. А пока давай не будем больше спорить. Приехали – дом Сюзи.

Взвизгнув тормозами, Мэнчайл остановил «дузер» у тротуара и грациозно выпрыгнул из машины.

– Давай вылезай поскорее, дядя Вил, брось грустные мысли и насладись жизнью, пока есть возможность.

Сюзи встретила их на пороге. Вечеринка уже была в полном разгаре – вовсю работали два бара, на столиках у стен было приготовлено канапе и серебряные подносы с наркотиками. Живой техносаксофонист азартно джемовал под старые записи классики R&B. В гостиной Вилли был единственным, на ком не было вечернего туалета; он был одет в свою обычную одежду: джинсы, кроссовки, фланелевая рубашка и свитер. Но представляя присутствующим Вилли, Мэнчайл рекомендовал его как непризнанного гения, так что подобное одеяние было воспринято как само собой разумеющееся. Что бы Мэнчайл ни

говорил, все с готовностью с этим соглашались.

– Я знакома с твоим дядей, Джексоном Тэйзом, – сказала Вилли Сюзи Пиггот. – А сам ты – внук Кобба Андерсона, верно?

Неловкая и страшненькая, Сюзи в то же время была подтянутой и загорелой, и в ней чувствовался дух той изысканной ухоженности, свойственной только очень богатым людям. В ее глазах светился ум, а улыбка сияла беспечностью.

Она была беременна, и ее большой живот выпирал вперед огурцом.

– Мэнчайл обещал, что доктор Андерсон специально прилетит в Луисвилль на его выступление.., но с ним никогда не поймешь, когда он обманывает, а когда нет. По-моему, я где-то слышала, что Кобб давно умер. Ты давно знаешь Мэнчайла?

– Можно сказать, с младых ногтей. Он приходится мне кем-то вроде.., племянника.

Не зная, что здесь можно говорить, а о чем лучше молчать, Вилли решил сам задать Сюзи вопрос.

– Значит, он собирается завтра появиться на виззи? И чему будет посвящено его выступление?

– Я ничего об этом не знаю – почему-то Мэнчайл нагнал здесь тумана, – со смехом ответила Сюзи. – По его словам, основной частью его выступления будет литературное чтение какого-то нового материала, написанного им после того, как он, так сказать, преодолел свой кризис.

На загорелых щечках Сюзи появился легкий румянец смущения.

– Я не знаю, откуда он взялся, но решила показать его людям в своем завтрашнем полуденном ток-шоу «Пять минут славы». Я горжусь знакомством с Мэнчайлом и рада помочь ему. Он хочет, чтобы шоу шло вживую, прямо отсюда, из моего дома. Ах, я совсем забыла – мне еще нужно обсудить с ним один вопрос. Прошу меня простить, Вилли, и чувствуй себя как дома!

Торопливо направившись к противоположной стороне гостиной, Сюзи смешалась с небольшой группой прекрасно одетых мужчин и женщин, окруживших Мэнчайла, сыпавшего шутками без передышки. Слушатели то и дело покатывались со смеху.

Присмотревшись, Вилли обнаружил, что большинство присутствующих женщин и девушек ходят беременные. Заметив, что Вилли переминается с ноги на ногу в одиночестве, Мэнчайл нагнулся и шепнул что-то на ушко миниатюрной симпатичной брюнетке. Та хихикнула и, игриво взглянув на Вилли, направилась к нему. Когда она подошла поближе, Вилли разглядел, что у нее высокий чистый лоб, ярко накрашенные,

очень сексуальные губки и она тоже беременна. Брюнетка была похожа на маленькую девочку-шалунью, только что стащившую с буфета шоколадку.

– Привет, Вилли, меня зовут Киско. Мэнчайл сказал, что ты грустишь, и попросил меня быть на сегодняшний вечер твоей девушкой. Ты хорошо его знаешь?

– Э-э-э, да, конечно. Я как-то подсказал ему пару сюжетов для сценариев виззи-постановок. Сам я тоже пробовал писать, но последнее время у меня начались какие-то нелады, никак не могу собраться с мыслями. Боюсь, что у меня сексуальный кризис. Иногда я боюсь своих мыслей, мне начинается казаться, что я, может быть, голубой…

Вечеринка стала затихать около двух часов ночи, и когда гости разбрелись кто куда и свет погас, Вилли устроился вместе с Киско на диване в уголке гостиной. Они немного повозились, пытаясь заняться сексом, но у них так ничего и не вышло. Вилли был не из тех, кто привык лезть девушкам под юбку на первом же свидании, и, едва познакомившись с Киско, чувствовал себя с ней крайне неуверенно.

Когда он проснулся, было уже позднее утро. Кто-то с грохотом ломился в парадную дверь. Похоже, что, кроме Вилли, все остальные в доме спали, поэтому идти открывать пришлось ему.

Как только он отпер замок, в дверь ворвался высокий подтянутый седовласый мужчина и, заметив Вилли, злобно уставился на него.

– Кто ты такой и что здесь делаешь? Где миссис Пиггот?

– Она еще спит. А вы кто такой?

– Я ее муж.

Оттолкнув Вилли с дороги, седовласый мужчина пересек широким шагом гостиную, где после вечеринки царил живописный беспорядок, и уверенно свернул к хозяйской спальне. Заслышав шум, Киско открыла один глаз, посмотрела, кто пришел, и снова зарылась поглубже в подушки. Вилли вернулся к дивану, на котором лежала его ночная подружка, присел рядом и погладил ее по волосам. Киско улыбнулась, взяла его руку и запечатлела на ней своими влажными губками поцелуй.

– Я соврал тебе вчера – на самом деле я компьютерный хакер и единственная моя сексуальная проблема заключается в том, что я не могу так сразу…

– Я понимаю, – отозвалась Киско. – Все равно ты очень милый.

Не успела она сказать это, как в спальне Пигготов началась ужасная суматоха. Первой крик подняла Сюзи, за ней заорал ее

муж, и, наконец, послышался негромкий насмешливый баритон Мэнчайла. Он говорил и говорил, но Пиггот не унимался и с каждым его словом расходился все больше.

Наконец в спальне завязалась борьба, потом там что-то с грохотом обрушилось на пол и о стены несколько раз разбились тяжелые стеклянные предметы. Сюзи пронзительно завизжала, дверь спальни распахнулась и на пороге ее появился совершенно голый Мэнчайл с мистером Пигготом на руках.

Толкнув ногой парадную дверь, он выбросил яростно сопротивляющегося мистера Пиггота на ступеньки за дверь.

После этого, посмеиваясь и качая головой, Мэнчайл взял в руку пенис и обмочил мистера Пиггота с ног до головы. Закончив эту процедуру, он тщательно стряхнул со своего предмета на несчастного мужа последние капли. Потом вошел в дом и аккуратно запер за собой дверь.

Увидев, как потрясенно смотрит на него Вилли, Мэнчайл ободряюще ему улыбнулся и задорно подмигнул.

– Этот типчик хотел пришить меня, – сообщил он.

– Ты неподражаем, Мэнчайл, – сладко простонала Сюзи, тоже появившаяся в гостиной.

– Я поклялся ему, что помочусь на него, если он снова появится здесь и начнет скандалить, и сделал это – каждый уважающий себя мужчина должен держать свое слово.

Судя по звучным интонациям, Мэнчайл уже входил в роль перед предстоящим выступлением.

– Сюзи, где обещанные операторы с камерами? Я хочу есть и иду завтракать.

– Операторы появятся здесь не позже чем через час.

Включив несколько автоматических азимовских уборщиков, Сюзи направила их в гостиную и снова скрылась в спальне.

Киско сказала Вилли, что, наверное, съела бы яичницу, и он отправился на кухню заняться делом, где уже вовсю хозяйничал перед холодильником Мэнчайл. За едой они немного поболтали. Мэнчайл расспросил Вилли о специфике традиционной религии и расовой дискриминации, ни словом не приоткрыв завесу над тайной своей сегодняшней речи.

– Волноваться не надо, дядя Вил, – говорил ему Мэнчайл, все с большим и большим мастерством копирующий южный акцент. – Речь у меня готова и хранится вот здесь. – Он постучал себя указательным пальцем по лбу.

– И вот еще что я тебе скажу. После виззи-шоу я отсюда уеду; снова мы с тобой увидимся только вечером, на митинге во Фэйрграунде.

– На каком митинге?

– На митинге на парковке. Я договорился с одними ребятами, и они обещали мне саунд-систему и грузовик с открытой платформой вместо трибуны. Сегодня вечером на парковке в Фэйрграунде я собираюсь пустить в ход тяжелую артиллерию. Хочу, чтобы ты пообещал мне одну вещь, дядя Вил.

– Какую?

Мэнчайл понизил голос:

– Когда начнется стрельба, хватай Киско в охапку и вези ее в Черчилль-даун. Найди там хозяина коня по кличке Счастливый Билетик. Он мой друг, я предупредил его и он присмотрит за Киско. Может быть, старик Кобб тоже изъявит желание поехать туда с вами, не знаю. Но отвези туда Киско Одну или вместе с Коббом обязательно, обещаешь?

– А как же план с биллионом бопперов?

– Как тебе сказать – я о многом подумал и считаю, что не все так просто. Всякое может случиться. Я прошу тебя помочь, пожалуйста, обещай мне.

– Обещаю.

В дверь снова позвонили – пришла команда виззионщиков. Гостиная уже блестела чистотой и порядком и можно было начинать передачу.

Снимать было решено на открытой террасе пентхауса, пол которой специально подогревался, где светили специальные кварцевые лампы и было достаточно тепло. Мэнчайл встал так, чтобы оказаться на фоне городских кварталов Луисвилля. Сюзи, в твидовом жакете и уже с деловой прической, взяла на себя роль диктора и сказала несколько вступительных слов.

– Мэнчайл – один из самых интересных людей, появившихся на светской сцене нашего города за последний год. Он немного рассказал мне о своем прошлом, однако… – Сюзи со значением улыбнулась. – После разговора с ним я кое-что проверила, и все что он сказал, оказалось ложью. Я не знаю, о чем он собирается говорить в течение следующих пятнадцати минут, но уверена, что в любом случае это окажется любопытным. Мэнчайл?

– Спасибо, Сюзи.

Мэнчайл выглядел великолепно, как никогда: мужественный и обворожительный, как звезда «мыльной» оперы, но с дополнительным налетом хорошего образования и отстраненности, свойственных великим звездам.

– Я хочу поговорить с вами о серьезных вещах: о дружбе и любви. Я хочу поговорить с вами о доверии и приятии всех сотворений Божьих – мужчин и женщин, белых и черных, людей и бопперов. Бог прислал меня к вам с великой миссией учителя, друзья. Бог прислал меня к вам с миром.

Мне известно, что многие из вас не любят бопперов. Почему, хочу я спросить? Ответ прост – потому что вы совсем не знаете их. Незнание – мать предубеждения. В детстве, когда я рос на ферме, черные и белые дети играли вместе и мы любили и понимали друг друга. Взрослые белые относились в наших краях к взрослым неграм точно так же. Но где-то были еще и мексиканцы. Хотите знать, что мы думали о мексиканцах? Очень просто: всем было известно, что мексиканцы грязные воры.

Мэнчайл замолчал, приподняв бровь и легко улыбаясь тем из своей аудитории, кто, может быть, разделял такое нелестное мнение.

– Так мы думали о мексиканцах, полагая, что мы их прекрасно знаем, хотя на самом деле не знали о них ничего! Повзрослев, я пошел в армию, во флот, и сначала довольно долго прослужил на базе в Сан-Диего, где познакомился с мексиканцами. И они оказались отличными ребятами! Они ничем не отличались от нас! И после того как я узнал, что негры – «парни-о'кей» и мексиканцы тоже «о'кей», у меня осталось одно твердое убеждение в том, что японцы – это настоящие желтозадые макаки, заграбаставшие деньги у честных американских тружеников.

Мэнчайл усмехнулся и покачал головой. Наблюдая за разыгрываемым перед многими тысячами зрителей спектаклем, Вилли смотрел на Мэнчайла и не узнавал в нем, мудром и простом сельском священнике, того злобного и насмешливого приколиста, мочившегося на мистера Пиггота у дверей его собственного дома, Сюзи тоже смотрела во все глаза, приоткрыв от удивления рот. Она могла ожидать от Мэнчайла все что угодно, но только не проповеди. Было ясно, что он завлекает своих слушателей в какую-то хитрую ловушку., хотя оставалось непонятным, когда и как он захлопнет за ними дверцу.

– Само собой разумеется, что ни одного живого японца я в ту пору в глаза не видел. Через несколько месяцев я оказался на боевом корабле, который взял курс на Окинаву, и уже довольно скоро я выпивал в портовом баре с узкоглазыми.

Надеюсь, мне не нужно говорить, что я там для себя открыл?

Японцы оказались хорошими людьми. По-настоящему хорошими людьми, вот так.

Мэнчайл улыбнулся в камеру очередной улыбкой а-ля Роберт Редфорд.

– Вы говорите друг другу: но бопперы-то совсем другие. Но так ли это? В чем они другие и почему? В своей жизни я встречался с разными людьми, с черными и желтыми, но у всех них я видел одно и то же – любой человек желает своему ребенку

добра. Как это просто – то, что поддерживает жизнь в расе, это забота о своем ребенке.

И у бопперов, которых вы ненавидите, все это тоже есть, все то же самое! Как вы хорошо знаете, они воспроизводятся, создают себе подобных, и так же как любой из вас хочет дать своему ребенку образование в колледже, так и боппер стремится дать своему сциону новый хороший процессор.

Да, я знаю, что вы на это ответите: «бопперы – всего лишь машины, изготовленные нами, людьми». Но Бог создал нас и дал нам душу, и если мы, набравшись знаний, создали бопперов, то и они имеют право на существование наравне с нами, как творение Божье. Сегодня я пришел сюда, чтобы сказать вам напрямик: ЛЮДИ, ВЫ НЕ ПРАВЫ!!! Люди создали бопперов, но самих людей тоже создали обезьяны, если честно прослеживать начало всей цепочки. И вот теперь случилось так, что Бог наделил бопперов новым даром. БОППЕРЫ НАУЧИЛИСЬ СОЗДАВАТЬ ЛЮДЕЙ!!! БОГ ОТКРЫЛ ИМ СПОСОБ, КАК ЭТО ДЕЛАТЬ!!! Между людьми и бопперами БОЛЬШЕ НЕТ НИКАКОЙ РАЗНИЦЫ!!! ТАКОВА БЫЛА ВОЛЯ БОЖЬЯ!!! , Голос Мэнчайла загрохотал подобно иерихонской трубе.

– ВЕЛИКИЙ БОЖЕ, ЯВИ ЖЕ ИМ ЗНАК!!!

Кто-то вскрикнул в группе операторов и указал рукой вверх, в небо. Люди, все как один, задрали головы. С неба, под звуки сладчайшей музыки, к ним величественно спускались две фигуры в белых мантиях. Приблизившись к Мэнчайлу, они повисли в воздухе чуть позади и повыше него.

Один из спустившихся с неба был розовокожий ясноликий мужчина, другая – роскошная и величественная бронзовая женщина. Улыбнувшись Мэнчайлу поощрительными улыбками серафимов, неземные создания открыли рты и усладили уши присутствующих заоблачным пением.

– Бог послал ко мне своих небесных ангелов, – вновь заговорил Мэнчайл. – Бог наказал мне нести его учение по долинам и весям Земли, учение, во главу угла которого поставлена простая истина – бопперы не рабы и не враги вам, люди. Бопперы – ЧАСТЬ ВАС! Мы спускаемся с небес и вы должны будете с улыбкой на устах принять нас в свои братские объятия!

Бог хочет, чтобы вы приняли несчастных гонимых бопперов своими сердцами и своим разумом, всей глубиной вашей души и до последней частицы плоти – гена, дорогие ЛЮДИ!

Ангелы опустились к Мэнчайлу и, подхватив его под руки, подняли в воздух.

– Но я пришел не только для того, чтобы освободить БОППЕРОВ, – прокричал он с высоты. – Я принес с собой свободу

ЧЕРНЫМ людям, БЕДНЯКАМ и ЖЕНЩИНАМ и всем, кого гнали и кто не находил себе места среди людей. Все, кто внемлет мне, приходите сегодня вечером на парковку Фэйрграунд.

Приходите и влейтесь в ряды УЧЕНИКОВ МЭНЧАЙЛА!!!

– ВЫКЛЮЧИТЕ КАМЕРЫ!!! – что есть силы закричала Сюзи. В ее лице больше не было обожания и любви, только потрясение и злоба. – Да выключите же наконец камеры, черт возьми!

Но Мэнчайл уже сказал все что хотел. Озарив из поднебесья присутствующих заключительной сводящей с ума улыбкой, он вознесся ввысь, уносимый на крыльях ангелов.

Глава 9
ПРИВЕТ, ДАРЛА

27 января 2031 года

Дарла проснулась от того, что Уайти встал и в розовом полумраке дверной шторы принялся натягивать джинсы. На экране виззи по звездному небу почти незаметно для глаз плыл бело-голубой полумесяц Земли.

– Который час, Уайти?

– 8.30. Мне нужно идти в ОСЦС. Юкава и Бей сегодня должны наконец получить свой чипоед. Теперь мы покажем железкам, где раки зимуют. Как ты себя чувствуешь?

Дарла изогнулась от позыва к рвоте и, свесившись с кровати, сплюнула темную от желчи слюну в пустой стакан. Вот уже третий день подряд ее тошнило по утрам. Уайти смочил платок водой из питьевой бутылки и вытер им лоб и рот Дарлы.

– Дарла, детка, тебя опять тошнит, мне это совсем не нравится.

– Знаю, дорогой.

Она снова содрогнулась от приступа рвоты.

– У меня сильно болят груди и я постоянно чувствую себя разбитой.

– Ты, случайно, не беременна? Я хочу сказать… – Уайти помолчал, вдруг задумавшись, – Это наш ребенок?

– Наш. Или Кена Долла, не знаю.

– Господи. Думаешь, это то же самое, что случилось с Деллой Тэйз?

– Она ходила беременная Мэнчайлом только девять дней, и остальные дети родились на свет тоже очень быстро. А после Кена уже прошел месяц. С тех пор он больше не появлялся здесь.

– Мы с тобой его не видели, но что, если он снова приходил, когда мы спали? Он мог пробраться незаметно, ночью.

Но даже если ребенок нормальный, он все равно может быть от Кена.

Уайти поморщился от такой мысли.

– Дарла, детка, думаю, тебе нужно сходить повидаться с Чарли Фреком, он сможет устроить аборт.

– Но, Уайти, ведь это может быть и наш ребенок…

– Я понимаю, Дарла, я сам хочу, чтобы у нас с тобой был ребенок. Ты моя подружка и, не беспокойся, я понимаю, что к чему. Просто сейчас на это нет времени, все так закрутилось,

Отделайся сейчас от ребенка, а потом…

– Ох, Уайти, я не знаю, не знаю. Аборт – это так больно.

Дарла расплакалась и Уайти пришлось сесть на кровать и обнять ее.

– Ты так просто сказал, отделайся от ребенка, но ведь он же живой, такой же, как ты и я, понимаешь? Мне плохо, Уайти, мне плохо и так страшно, что я передать не могу. Пожалуйста, останься сегодня со мной. Бей и ОСЦС подождут.

Не уходи от меня, останься.

– Нет, нельзя, они единственные, кто платит мне. Если я их похерю, откуда мы будем брать деньги? Послушай – сходи к Чарли, он все устроит. Отправляйся к нему прямо сейчас.

Потом побудь там и отдохни, а в полдень я за тобой зайду и заберу тебя. Если хочешь, можешь даже дождаться меня и я побуду с тобой, когда Чарли будет тебя чистить, чтобы тебе было не так страшно. А сейчас постарайся взять себя в руки и успокоиться, Дарла. Я не хочу поминать старое, но ведь это ты сама втянула себя в это. Ву-вей.

С последними словами Уайти, уже поднявшись с кровати, убрал с двери штору.

Блестящими от страха, слез и отчаяния глазами Дарла посмотрела на него с кровати.

– Я не пойду к Фреку одна, к этой хитрой свинье. У него на уме вечно какая-то гадость. Если он прознает, что я беременна, то прицепится, как пиявка, начнет предлагать деньги за сливной трип с каким-нибудь червяком-извращенцем. Я тебя здесь подожду. Постарайся закончить свои дела с ОСЦС побыстрее и поскорее возвращайся. Жду тебя к полудню, как ты обещал.

– Хорошо.

Остановившись в дверях, Уайти посмотрел на Дарлу с тревогой.

– Но кроме меня, не пускай больше никого, договорились, Дарла? Понимаешь, о чем я? – Сказав это, он со значением взглянул на потолок. На прошлой неделе они сканировали свое жилье и не нашли ни одной блохи, но кто мог знать? – Вот, держи.

Он достал из кармана свой игловик и бросил его на кровать.

– На всякий случай. Я вернусь как только смогу, но не позже полудня.

Махнув на прощание рукой, он вышел в коридор. Штора мигнула и вновь загорелась ровным светом.

Откинувшись на подушки, Дарла попробовала снова уснуть. Но ничего не вышло – сон не шел к ней. Она поднялась, сделала несколько глотков воды и снова схватилась за горло. Господи.

Беременна. Внутри нее, в животе, зреет ребенок, крохотный, похожий на фасолину эмбрион из полупрозрачного желе, и что из него выйдет, не знает никто. Может быть, это на самом деле ребенок Уайти. Бедняжка. Этот плотто – Кен Долл, он приходил, чтобы поставить им с Уайти зомби-боксы, а потом трахнуть ее без помех, да, наверное, так он и хотел сделать. Руки Дарлы затряслись. Аборт, это ужасно больно, она слышала об этом много раз. Сколько сейчас времени? Она взяла в руку пульт и переключила виззи на канал новостей, туда, где в правом нижнем углу экрана постоянно мигали часы: 8.47. Диктор рассказывал о том, как червяки сбились с ног, разыскивая девятидневных детей, которых Мэнчайл успел наплодить, прежде чем Марк Пиггот не начинил его свинцом. Двух сыновей Мэнчайла еще не удалось разыскать – их матери где-то прятались вместе с ними.

Фотография одной из матерей, Киско Ливайс, худенькой и очень молодой. Многочисленные наряды копов рыщут повсюду вокруг города. Быть может, с ней, с Дарлой, бопперы решили схитрить и поместили в нее специальную девятимесячную модель, а крыса-имплант была нужна им для уверенности, что Дарла не навредит за такой долгий срок ребенку?

Она взяла с кровати игловик и проверила обойму – полнехонька. Сняв оружие с предохранителя, она сделал пробный выстрел в пол. Полетело крошево, от выстрела в упор камень расплавился, растекся лужицей. Пускай только кто-нибудь сунется…

– Эй, есть здесь кто? – донесся голос из-за дверной шторы. – Мне нужен Уайти Майдол, он дома? Здесь есть кто-нибудь, отзовись?

Дарла застыла как вкопанная, не решаясь вздохнуть.

– Уайти? Эй, приятель, это Стэн Муни, помнишь меня?

Я пришел к тебе по делу, сам знаешь за чем. Юкава закрылся, ты слышал об этом? Впусти меня, дружище, а то я торчу тут как болван. Ломает, сил нет.

Дарла подняла игловик и направила дуло на дверь. Ее руки била крупная неудержимая дрожь.

– ЭЙ, УАЙТИ, ОТКРЫВАЙ!!! – крикнул другой голос, скрипучий и неуверенный.

В наступившей тишине послышалось приглушенное бормотание, потом кто-то начал чем-то царапать по кодовому замку. Внезапно штора мигнула и погасла. Вскрикнув, Дарла нажала на спусковую кнопку игловика. С тихим свистом прыснув из пляшущего дула, стрелки разлетелись в стороны как попало. В дверной проем бросился незнакомец и, прокатившись по полу, вскочил и стиснул ее в медвежьих объятиях.

Мужчина был худ, в возрасте, но, несмотря на это, очень силен. Отобрав у нее игловик, он отступил на шаг, опустил обратно штору и, снова повернувшись к Дарле, пристально и внимательно ее рассмотрел. На ней была только длинная свободная тишотка до бедер и больше ничего. Незнакомец был одет в красный имиполексовый комбинезон с множеством карманов на молниях.

– Ты кто? – сурово спросил ее мужчина. – Подружка Уайти?

Не отвечая, Дарла опустилась на кровать, незаметно засунула руку под матрас и нащупала там рукоятку ножа.

– Иди сюда, – позвала она мужчину, пытаясь прогнать из голоса дрожь. – Присядь.

Губы незнакомца растянулись в широкой хитроватой усмешке.

– И тогда ты мне покажешь, что прячешь под матрасом?

Нет уж, спасибо. Давай-ка бросай дурить. Мне ничего не нужно от тебя, я пришел к Уайти по делу, хочу купить слива. Меня зовут Стэн Муни. А тебя?

– Д-Дарла.

Зубы Дарлы начали выбивать дробь.

– Слива у нас нет. Мы завязали со сливом. Ты пьешь?

Хочешь шаманика? Как ты поднял штору?

– Очень просто – я ведь детектив. По крайней мере до недавнего времени им был. «Расследование и дознание Муни».

Юкава нанял меня, чтобы я разыскал его ассистентку, Деллу Тэйз. Уайти должен меня хорошо знать – он следил за мной, его послал Бей Нг.

– Да, – отозвалась Дарла, понемногу успокаиваясь. – Так это ты стрелял тогда в Уайти и обжег ему плечо? Подожди, я оденусь.

Стараясь не нагибаться сильно, она разыскала в шкафчике с вещами шелковые шорты и надела их.

– Не пялься на меня, мент наемный, тут тебе не цирк, понял?

Муни по-прежнему стоял перед шторой и ухмылялся. Дарла презрительно на него посмотрела и наставила палец.

– Не вздумай лезть ко мне, фраер, а не то Уайти ноги тебе повыдернет. Он и без того на тебя зуб держит.

– Уверен, что не на меня одного.

– Чего?

– Не на меня одного Уайти держит зуб. Он самый грубый и неблагодарный молодой человек из всех, кого я знаю. Определенно не член «Ротари-клуба».

– Со мной он обходится хорошо.

Дарла решила сменить майку. Обычно парни начинали пускать слюни, только увидев ее здоровенные сиськи, в малой

гравитации стоящие торчком. Стянув через голову тишотку, вместо нее она надела обтягивающую блузку с пластиковым кармашком на груди. Муни следил за переодеванием с интересом.

– А ты настоящая красавица, Дарла. Уайти счастливчик. Ты, случайно, на ярмарках с такими прелестями не выступаешь?

Муни был самый настоящий мент, наглый и самоуверенный – вломился к ней, а теперь еще издевается.

– Перед такими тощими легавыми фраерами, как ты, нет, не выступаю. Ты слышал, что я сказала, – мы завязали со сливом. Въехал? Давай вали.

– Вот как? А у меня с собой как раз есть немножко, я взял на тот случай, если окажется, что вас припекло.

Муни вытащил из кармана серебряную фляжку и передал ее Дарле.

– Товар высший класс, чистяк, прямо от Юкавы. Я уже пробовал.

Дарла откупорила фляжку и понюхала. Слив действительно был хорош – пахло как надо. Фляжка была заполнена ровно наполовину, наверное, не меньше чем на десять кило баксов.

– Ты что дуру гонишь – то ты покупаешь, то продаешь? – спокойно спросила его она. – Что тебе нужно, Муни? Ты влез сюда, потому что думал внутри никого нет, верно? Что-то хотел разнюхать, так, легаш?

Муни спрятал игловик в карман комбинезона и снова улыбнулся ей длинно и хитро.

– По правде сказать, Дарла, я шел сюда повидаться с тобой.

Дарла похолодела и по спине у нее побежали мурашки.

Неужто этот козел тоже плотти? Прежде чем Муни успел снова открыть рот, она плеснула ему сливом из фляжки прямо в лицо.

– Нужен слив, говоришь, – вот, получи!

Доза была огромной и Муни повалился на пол как подкошенный. Увидев, что тот беспомощен, Дарла злобно пнула его в промежность.

– Быстро говори все, что знаешь, – прошипела она, опускаясь над ним на колени. – Пока у тебя язык еще не вытек изо рта. Говори, кто тебя нанял, или я выдерну из тебя все кости, а потом сяду сверху и удушу. Кстати, это Уайти надоумил меня так сделать.

Коротко размахнувшись, она ударила его тыльной стороной ладони по щеке.

– Кто тебя прислал ко мне, Муни, отвечай?

– Эмммллл, – проклокотало у Муни в горле. – Болллллллл

полл имеллл Эммлл. Оххххх хххоооооэлл снаххх, белемммехххнахх тыххх… Оннхххх хоээллл чтоххххх бллблллл… – Лицо Муни начало растекаться и его голос с бульканьем затих.

– Я сделаю аборт, – сказала Дарла, обращаясь к паре глаз, плавающих на поверхности лужи, бывшей некогда Муни. – Я все не решалась, но теперь пойду сейчас же и сделаю.

Кисель, в который превратился Муни, вытек из горловины его комбинезончика. Дарла обшарила карманы комбинезона и наткнулась на свернутую в тугой рулон пачку… 20 кило, мама моя! И, о Господи! – это же микрофон-блоха, черт его дери! Муни принес на себе блоху бопперов и те слышали каждое их слово и знают, что она сотворила с ним и теперь собирается идти делать аборт. У Дарлы снова затряслись руки.

Черт, скорее, скорее, может, еще можно успеть убежать! Она засунула фляжку с остатками слива и деньги в кармашек своей блузки. Потом сжала двумя руками рукоятку игловика и прямо через штору выпустила длинную очередь стрелок за дверь.

Подняла штору и выскочила в коридор.

Никого, Пусто. Штора снова загорелась, и Дарла оказалась одна в длинном пятидесятифутовом коридоре. Кругом ни звука, только шторы тихо гудят на дверях. Она сорвалась с места и бросилась бежать к шахте скоростного спуска, все время ожидая, что из-за одной из штор вылетит и вопьется в нее вихрь стрелок. Сама не своя от страха, она прыгнула вперед и схватилась за шест, чтобы съехать в Пассаж, даже не взглянув, не спускается ли кто-нибудь по тому же шесту сверху.

Не успела она опуститься на несколько метров, как сверху в нее врезался кто-то очень тяжелый.

– Эй, куда прешь… – начала она, но договорить не смогла, так как что-то ужасно острое вонзилось ей сзади в шею.

Она выпустила шест и, оказавшись в воздухе, несколько раз конвульсивно содрогнулась словно в эпилептическом припадке. Сильная рука схватила и удержала ее. Спазматическая дрожь прошла и ее тело расслабилось. Дарла почувствовала, как ее руки, словно чужие, снова ухватились за шест. Она попыталась поднять голову, чтобы посмотреть на того, кто уколол ее, но не смогла этого сделать. Соскользнув по шесту на уровень Пассажа, она тяжело, словно червячка, спрыгнула на тротуар. За спиной она услышала, как напавший на нее человек перебрался с шеста на лестницу и начал быстро забираться вверх, но в тот же миг ее ноги двинулись вперед в глубь Пассажа и направо. В сторону, противоположную клубу «У загорелых».

"Это зомби-бокс, – с поразительным спокойствием подумала Дарла. – В прошлый раз крыса Кена успела изучить расположение

моих нервов, и бопперы сделали специальный бокс, который прицепился к ней в считанные мгновения.

Интересно, бокс видно снаружи или он прикрыт волосами?"

Вышагивая ровно, как заводная, она миновала длинную череду магазинов. Из-за того, что теперь ее телом руководило чужеродное устройство, ее движения стали странными и неестественными. Во время ходьбы ее руки висели ровно вдоль тела, а колени сгибались сильнее необходимого, от чего шаги получались одинаково плавными и растянутыми, как в танце, и каждый метра три. Со стороны она, наверное, выглядела как настоящая полоумная дура. Она так решила потому, что встречные мужчины совсем не смотрели на нее.

Ее непослушное тело неожиданно свернуло ко входу в магазинчик, вверху над которым мелькнула вывеска – «Игрушки малышей-шалунов». Это была поганенькая, заваленная всяким хламом лавчонка, мимо которой она раньше проходила и не замечала ее. Дешевые завалящие механические игрушки, какие-то линялые мячи, из посетителей – двое десятилетних заморышей. За прилавком стоит хмурая женщина средних лет с тяжелыми пронзительными глазами. Прежде чем Дарла успела разобрать еще хоть что-то, ее управляемое чужой волей тело резко повернулось и замерло против замызганной стеклянной двери магазинчика, словно решило поглазеть на прохожих – очевидно, бопперы проверяли, нет ли хвоста. Никого, никого, ох, вон там, у шахты, вдалеке быстро идет Уайти, он только что спрыгнул с шеста. Дарла резко повернулась обратно, и Уайти пропал.

– Это Кен прислал тебя? – У женщины за стойкой была плоская отвислая грудь и скрипучий голос. Она не ждала ответа от Дарлы. – Я Радужка.

Короткие высветленные волосы женщины и вправду были выкрашены перышками в цвета радуги: центральная зеленая полоса переходила по бокам в две красные, а те, дальше, в желтые. Корни волос были рыжими. Настоящая потаскуха.

– Что, дорогая, хочешь купить какую-нибудь игрушечку малышу?

Речевые центры Дарлы были полностью блокированы зомби-боксом, вцепившимся в ее затылок. Вместо ответа она, оглянувшись на малышей и убедившись, что те не видят ее, наклонилась вперед и проделала четыре быстрых жеста левой рукой. Три пальца горизонтально – три пальца вниз – большой палец и указательный согнуты дугой вверх – потом большой и указательный под прямым углом друг к другу вбок.

Простейший знаковый язык: E-M-U-L.

– Что ж, дорогая, здесь этого нет, но можно посмотреть в

кладовой, – понимающе протянула Радужка. – Пойдем со мной, вот в эту дверь. – Вы двое, там, еще не решили, что будете брать?

Двое ребят подняли головы от развала игрушек секондхенд. Мальчик и девочка, обоим не больше десяти. Похоже, брат и сестра.

– Я хочу вот эту акулу, – откликнулась девочка квакающим голоском. Она продемонстрировала хозяйке резиновую рыбину с облезлым боком. – Но деньги у Джонни, а он не хочет мне покупать.

– Я еще не выбрал! – разгневанно отозвался мальчик. – Я хочу себе глайдер, но никак не выберу который.

– Вы торчите тут уже целый час и я не могу так долго с вами возиться, – еле сдерживая себя, проговорила Радужка. – Ко мне пришла новая покупательница, она ждет ребеночка и я должна ей помочь. Знаете, что я скажу вам, ребята. Даю скидку два доллара на любой глайдер.

– Да, но…

Радужка выскочила из-за стойки, выхватила из кучи катерок и сунула его в руки мальчишке.

– Давай пятерку за все и мы в расчете!

Мальчик вытащил из кармана горсть мелочи и, шевеля губами, медленно пересчитал монетки.

– Но у меня только четыре семьдесят пять…

– Договорились! – Радужка сгребла у мальчишки деньги и, взяв детей за плечи, проводила их до двери. – Все, счастливо, ребятки, ведите себя хорошо.

Как только дверь за ними закрылась, она опустила штору.

Зеленая световая занавесь отгородила внутренность магазинчика от улицы.

– Вот так, – вздохнула Радужка. – Ну что, пойдем со мной.

Возглавляемая Радужкой, Дарла прошла во внутренние помещения магазинчика игрушек. Внутри были голые каменные стены, дверные проемы без дверей, в одном месте на вбитых в стену колышках было развешано дешевое снаряжение для мунгольфа. Остановившись прямо напротив каменной стены, Радужка выстучала в нее условленным стуком сигнал «тук-тук-ту-тук-ТУК-ту-тук» и целый кусок стены медленно поднялся вверх, открыв вход в ярко освещенную комнату, в дальнем конце которой виднелся вход в темный тоннель с каменными стенами. В комнате на кушетке сидел тощий, средних лет мужчина с давно немытыми сальными волосами и смотрел по карманному виззи шоу «Звоночек Билли Динга», слушая звуковое сопровождение через наушники. Лицо Мужчины напоминало изъязвленный лунными оспинами ландшафт, подбородок его был украшен

жидкой бородкой. Судя по всему, это был сожитель Радужки.

– Это Берду, – представила Радужка оспяного Дарле. – Теперь тобой займется он.

Вытащив из ушей пуговицы наушников, Берду с жадным любопытством ощупал глазами Дарлу. Выражение лица у него было жестким, а взгляд глаз – холодным, и ясно чувствовалось, что то, что он видит перед собой, ему нравится.

– Веди себя хорошо, Берду, – игриво пропела Радужка и… о нет, сделала шаг назад из потайной комнаты, в то время как ноги Дарлы понесли ее вперед и внутрь. – Счастливо, – попрощалась хозяйка магазинчика игрушек, и каменная стена опустилась за ней.

Дарла осталась наедине с Берду, с этим стражем потаенного входа в ад. Кто такой Берду – сутенер, тертый калач, адов ангел, чуть размякший с возрастом. Ее левая рука снова поднялась и еще раз изобразила череду знакомых жестов: E-M-U-L. С минуту Берду молча сидел на месте и разглядывал Дарлу, потом решительно поднялся и принялся снимать с нее одежду. Дарла помогала ему, но когда она осталась совсем голая и он потянул ее на кушетку, ее руки неожиданно сильно оттолкнули его и сердито показали: N-0.

– Нет? – переспросил Берду. У него был хриплый голос и акцент, очень напоминающий выговор Радужки. – Что ты затеял на этот раз, Эмуль? Опять мудришь? У тебя особые планы с этой малышкой?

Тело Дарлы наклонилось вперед, рука достала из кармана блузки фляжку со сливом и тугой рулон денег. Повернувшись к Берду, она отдала ему то и другое. Ничему не удивляясь, тот деловито пересчитал деньги и понюхал слив.

– Лады, Эмуль, этого хватит, но все-таки зря ты обижаешь старика – иногда так хочется поваляться на свежатинке.

Два пальца рогаткой вниз – большой и указательный палец колечком: N-0.

Покорно вздохнув, Берду спрятал слив и деньги в небольшой стальной сейф, заделанный в камень стены позади кушетки. Поднявшись на ноги, он обошел кругом Дарлы и отвел ей сзади волосы, чтобы проверить зомби-бокс.

– Отлично сработано, – пробормотал он, потом протянул руку и попробовал, прочно ли бокс сидит. Покопавшись в карманах штанов, Берду что-то оттуда достал и обмазал края какой-то холодной мазью – судя по острому запаху, это был дермопласт. Теперь бокс засел в ней намертво. Боже. Покончив с этим, Берду погладил Дарлу по ягодицам, вернулся к своей кушетке и снова развалился на ней.

– Все, дорогая, ты готова. Можешь отправляться.

Послушно повернувшись, мерным шагом Дарла вошла в тоннель, который, как только «офис» Берду остался позади, быстро сузился. По потолку, в восьми футах над ее головой, бежала пунктиром флюоресцентная полоса, излучающая скудный мертвенный свет. Мерно отталкиваясь от пола и раз за разом взлетая к потолку к химическому свету и плавно пускаясь вниз, Дарла быстро потеряла представление о том, в каком направлении идет тоннель, загибается ли он вверх или углубляется вниз. У нее начало мутиться перед глазами – а что, если взять и на самом деле попробовать отключиться? На несколько мгновений свет перед ней померк, и она забылась, но, как оказалось, это ничего не изменило – движение продолжалось как прежде. Зомби-бокс, управляющий ее телом, заставлял ее двигаться с неутомимой однообразностью машины. Тоннель тянулся и тянулся без конца, миля за милей.

Постепенно ее ноги, продолжающие ходить как шатуны, потеряли чувствительность и онемели, и Дарле начало казаться, что она медленно летит вниз в бездонный, помеченный прерывистой световой полосой колодец, в какую-то ужасную, нескончаемую крысиную нору. "Крыса, – тоскливо подумала Дарла. – Зачем я им нужна, зачем они всадили мне в голову крысу? Вот, значит, как это бывает. Да, именно так, как это происходит теперь со мной. Моим телом управляет робот, но мозг по-прежнему принадлежит мне, и я продолжаю думать так, как думала прежде. Но превратиться в плотти еще хуже, потому что тогда теряешь еще и мозг, от которого остается только половина. Интересно, что сейчас делает Уайти?

Наверняка он уже побывал в «У загорелых» и заглянул домой и теперь носится, наверное, по Пассажу, ищет везде меня. А меня нигде нет. Может, хотя бы эти детишки скажут ему, что видели меня в магазинчике игрушек, у этих «Малышей-шалунов». Какие симпатичные мальчик и девочка, ну почему у них с Уайти не было детей, почему все так паршиво закончилось, почему люди всегда видели в ней только ее большие сиськи, относились к ней всегда как к не слишком умной сисястой девке, такой вряд ли удастся пробиться и устроиться в жизни, хотя вот Уайти всегда был добр к ней, он любил ее, этот поганец легавый Муни, сволочь, наверняка он еще не очухался, и Уайти скорее всего застукал его, прибить его мало.

Господи, только бы они не сделали из нее плотти и не послали с крысой к Уайти, только не это…"

С этими мыслями Дарла провалилась в нечто, напоминающее то ли дремоту, то ли забытье.

Очнувшись, она обнаружила, что находится в просторной каменной комнате с одной стеной из цельного стекла. Комната была залита розовым светом и воздух тут был свежий, но все равно по большому счету ощущение было таким, словно она очутилась внутри громадного аквариума. В комнате была кое-какая мебель, кровать и другое, почти как у них с Уайти.

Без сил Дарла повалилась на кровать. Затылок ужасно саднило и она протянула руку, чтобы ощупать шею.., вот это да!

Она снова может владеть своими руками! На шее она не нашла ничего, кроме широкой, уже зарубцевавшейся ссадины.

Неужели.., неужели ей уже засадили в голову крысу?

– Здравствуй, Дарла, – сказал ей большой ящик-куб, стоящий в противоположной стороне комнаты. Она заметила ящик только тогда, когда тот заговорил. На обращенной к ней стороне ящика имелась звуковая мембрана, остальные его грани были покрыты выпуклым подвижным мозаичным рисунком из красных, желтых и голубых квадратов.

– Дарла, глаза которой глубоки и темны, в которых только дикая краса и ночь, кто яблоневое древо и злато, само естество и покой и пристанище для мужчины, о Дарла, как я рад тебя видеть. Меня зовут Эмуль, Дарла.

Ящик помолчал, несколько раз составив на своих гранях сложный узор из разноцветных квадратиков, смешав его и составив новый.

– Ты чудесная кукла, дивно пахнущая, с прекрасными длинными волосами и волшебными движениями, ты творение из плоти, ты должна довериться мне.

Бока ящика вздулись и у него появилось подобие рук, потом он поднялся над каменным полом на приземистых ножках и, наконец, выпустил сверху квадратную голову с глазами-рубинами, бровями, носом и жесткими скулами. Потрясенно наблюдая за всеми этими превращениями, Дарла впилась пальцами в мягкий матрас. Ящик вперевалку подошел к кровати и, наклоняясь то в одну сторону, то в другую, рассмотрел ее.

– Я хочу одеться, – сказала ему Дарла.

– Позволь мне стать твоей одеждой, о Дарла. Я прилежно вылижу твой белоснежный животик и преданно обнюхаю каждый укромный женский уголок твоего тела.

Эмуль уронил одну из своих рук на пол, и на глазах у Дарлы фрагменты той принялись делиться, гнуться и перестраиваться. Через несколько мгновений рука превратилась в укороченный и тесный игривый комбинезончик: красно-голубые шортики и желтый верх с короткими рукавами и глубоким вырезом.

– Я… – начала было Дарла и замолчала, потом спустила с

кровати ногу и на пробу подтолкнула одежду. Комбинезончик никак не отреагировал, и тогда она подняла его и оделась.

Имиполекс был теплым и приятным на теле. Дарла встала и прошлась по комнате – пять шагов в длину и четыре в ширину. В одной стене у самого потолка виднелось забранное пластиковой решеткой вентиляционное отверстие. Она подошла к стеклянной стене и постучала по ней костяшками пальцев.

За стеклом находилось нечто похожее на лабораторный зал, в котором двигались и чем-то занимались механические существа, очевидно, бопперы. Повернувшись, она посмотрела на Эмуля. Тот уже успел отрастить на месте сброшенной руки, ставшей теперь ее одеждой, новую. Одевшись, Дарла успокоилась и почувствовала себя увереннее.

– Зачем ты привел меня сюда, Эмуль? Что тебе от меня надо? И говори нормально, без всяких там штучек-дрючек. Я ведь и ударить могу. – Дарла взяла за спинку стул и воинственно покачала им перед собой из стороны в сторону.

Черты лица Эмуля живо сложились в утрированную нахмуренную маску. Если бы не КЖГ окрас кожи, его лицо вполне можно было бы принять за человеческое.

– В двух словах: ты беременна от Уайти Майдола. Ах, какие приятные сопливые воспоминания, ах, какой кругленький миленький животик. Ну, да ничего. Что мне нужно от тебя, беременной грации? Да ничего особенного: я попрошу тебя выносить для меня еще один эмбрион. Такое маленькое розовое пасхальное желейное яичко. Я торжественно прошу у тебя разрешения поместить это яичко в твою замечательную маточку.

Инстинктивно Дарла прикрыла руками лоно.

– Ты хочешь, чтобы я носила еще одного ребенка для тебя?

– В точности так, Дарла, дорогая, чтобы ты носила близнецов, двух мальчиков, своего с Уайти и моего с Береникой.

Я могу заняться с тобой любовью традиционным способом или применить наркоз, как добрый дядя доктор, так как, честно говоря, эта сторона мне до лампочки, меня устроит то, что устроит тебя, как хочешь, Дарла-цыпка, так и будет. Банкуй, сегодня твой праздник.

– Если я соглашусь, ты отпустишь меня? И не станешь засовывать мне в голову крысу? Ведь мне не придется просидеть тут все девять месяцев, скажи?

– К сожалению, придется.., по крайней мере до тех пор, пока в Эйнштейне не исправится ситуация. Как только все станет хорошо, я, Дарлочка, тотчас же позволю тебе бежать отсюда, легко отталкиваясь от пола беззаботными ножками, и даже подарю для твоих симпатичных близнецов сдвоенную колясочку,

чтобы было удобнее и ловчее добираться до родного гнезда. Гордый Уайти встретит тебя на пороге, попыхивая сигарой.

– Он-то встретит. Молись, чтобы он не пришел сюда и не добрался до тебя, ржавая железка. Уайти если задумал чего, то всегда доводит это до конца и ни за что прощения не просит. Понял?

Эмуль издал странный звук, похожий на смех.

– Ну, это уж моя забота, змейка ты моя ненаглядная. А теперь будь умницей и раздвинь ножки.

– Больно-то не будет?

– В моих интересах, чтобы все прошло тип-топ.

С тяжким вздохом Дарла сняла комбинезон и легла на кровать.

– Ну, давай и побыстрее. И поосторожнее.

Она подняла ноги и, широко раздвинув, согнула их в коленях, потом подняла голову, чтобы видеть, что делает Эмуль.

– Давай приступай. Только, ради Бога, не болтай, пока будешь там возиться.

Эмуль похудел и вырос, превратившись сначала в узкий кирпич, а потом, округлившись, в настоящего пластикового мужчину с изрядным пенисом. Пенис напрягся и принял соответственный угол, и Эмуль, двинувшись вперед, осторожно ввел его Дарле. Только коснувшись ее плоти, имиполексовый орган начал осторожно удлиняться, проникая все глубже и глубже вперед, потом нашел внутри нее шейку матки и проскользнул в нее. Ощутив легкое движение у себя в животе, Дарла напряглась. Но ничего страшного не случилось, было даже приятно. Склонившись над ней, Эмуль растянул имиполексовые губы в улыбке и легко коснулся ее щеки. Медленно отступая от нее, он плавно вытянул свою принадлежность обратно.

– Все! Привет тебе, Дарла, наполненная жизнью. Да будут благословенны плоды сего осиянного счастливой звездою тела.

Переваривая происшедшее, Дарла с минуту полежала на спине. Потом поднялась, села и снова облачилась в свой имиполексовый комбинезончик. Пластиковый мужчина уже исчез – с ней в комнате снова был прежний куб с подвижным рисунком на гранях и речевой мембраной впереди. Задумавшись, Дарла посмотрела на ящик.

– У тебя здесь есть виззи, Эмуль? Если уж мне придется тут столько времени куковать, то виззи мне нужен обязательно. И еще, от этой возни я ужасно проголодалась. Принеси мне еду, но только нормальную человеческую еду, ту, что продается в Эйнштейне, понимаешь? На полсотни закусок из китайского ресторанчика и двадцатибаночную упаковку пива.

И травки. Да, травки тоже хорошо. Еще я хочу, чтобы тут был душ. Бутылку шаманика.., нет, это может повредить детям. В общем, пиво, травка и китайской еды, виззи и душ. Потом, может быть, еще что-нибудь. Давай, боп, шевели задницей – я хочу устроиться здесь со всеми удобствами.

– Все, что прикажете, моя Пчелиная Королева. Все будет исполнено.

Эмуль отвесил поклон и исчез в переходном шлюзе.

Глава 10
ОСЦС

27 января 2031 года

От передозняка у Стэна разжижились даже кости. То, что Дарла плеснула ему в лицо, в сотню раз превышало обычную дозу. Растворившись, он превратился в чистый белый свет и второй раз за прошедший месяц разговаривал с Богом. Свет был наполнен тончайшими муаровыми разводами ультрафиолетового и инфракрасного излучения, серебром и слоновой костью. Голос Бога был мягким и глубоким.

– Я люблю тебя, Стэн. Я всегда буду любить тебя.

– Я опять облажался, Господи. Все, к чему я не прикоснусь, превращается в прах. Неужели и после смерти меня будет преследовать этот рок?

– Я позабочусь о тебе, Стэн. У тебя все будет хорошо.

Потерпи. Я люблю тебя таким, какой ты есть.

– Спасибо, Господи. Я тоже люблю тебя.

После этого наступил долгий покой безвременья, бесконечного плавания в океане всеобщей Господней любви.

Чистый белый свет. Но мало-помалу, капля за каплей свет Господа начал терять свою чистоту, распадаясь на фрагменты, допуская существование людей и бопперов, голосов из прошлого и будущего, всего сплетающегося вместе, грубо лепящегося друг к другу, обращающегося мрачной зловещей тенью:

– Эй, Стэн, как слышимость, начинаем проверку существования. Я – некто с микрофоном-блохой на черепе. Разыскивается человек, убивший ГЭКС, патрули обшаривают дом за домом. Я – две крохотные шишечки в половине половины твоей головы. Мы – обладатели наиценнейших знаний во всем этом шовинизме, среди мягкого, мокрого, слабого. Я – Плащ Счастья. Старина Кобб задаст сегодня вечером нам жару. Теперь: я – Вэнди, я – Эвридика, мой дорогой Орфей. Уверен, что даже Кен Долл запоет от радости, когда ты разбогатеешь. Этого я беру себе в рабство. Можешь не сомневаться, им все известно.

Чипоед, это по-настоящему круто, это я, Уайти, тебе говорю.

Остолоп хренов, разиня, клоун. Нужен, получай, пока еще можешь говорить. На Марсе действительно голова идет кругом.

Задвинемся знаешь как: вдвоем, ломтиками. Говорю вам: узнать, какая душа ни разу не пробовала раньше живых мозгов, совсем несложно. Если в голове дырка, то продай хотя бы тело.

Мне хорошо, вот только жрать охота, так что, я надеюсь, ты не станешь доверяться кому попало. Спи спокойным сном, изгнанник, милое тело и мозг с блохою. ОСЦС, твою знать, сам-то согласен в плотти пойти? Зачем ты сказал, что я твоя жена?

Шум, словно внутри чипов летают космические корабли. Привет, серфер. Вообще Бог может быть очень безжалостным. Как думаешь, Стэн-младший, может, мне удастся снова стать человеком? Как насчет логически стройной информации?

Господи Боже мой, Иисусе, что все это значит? Что-то новое, внутри него появился какой-то твердый предмет. Кто-то копается в его теле. Через его жидкость медленно перекатываются мучительно тошнотворные волны. Его глаза отвердевают до уровня начала световосприятия; он различает мечущуюся взад-вперед над ним огромную тень. Свет – тьма, свет – тьма, потом плеск и невыносимая боль в глубине его естества. Тьма. Что-то сдавливает его со всех сторон, снова бесконечное волнообразное качание и болезненные рывки – его несут в сумке. Переворот и падение, удар, под ним холодный гладкий пол и снова – свет. Движущиеся тени.

На него падают капли какой-то бодрящей жидкости, возвращающей его с того света. Он чувствует ледяное покалывание во всем теле, высокочастотный трепет в мышцах и все прекращается и – без перехода – он, совершенно без одежды, лежит на голом бимстоунном полу, вокруг него пятеро, они смотрят на него.

Одного из них он узнает сразу, ох нет, это Уайти Майдол.

При виде Уайти Стэн инстинктивно сжимается, мгновенно вспоминая ужасные мучения, которые обещала ему от лица Уайти Дарла. Однако Уайти не торопится на него набрасываться, он стоит спокойно и грозно смотрит на него, взвешивая на ладони игловик.

Рядом с Уайти – желтолицый старик, лицо которого сплошь изрезано вертикальными морщинами. Справа от желтолицего стоит Макс Юкава, рядом с которым знакомая пара: очень красивая женщина с темными волосами и широким ртом и смуглый смазливый парень, видно, что крутой. Ах да, это миссис Беллер и Рикардо, он встречал их у Юкавы, они там закидывались сливом и занимались любовью. Стэн почувствовал смущение и попытался отползти от окруживших его людей на спине; от быстрого возвращения из слив-трипа у него кружилась в голова и его пенис глупо распух, налившись кровью, и пульсировал от боли; в его ушах еще звучал голос Бога, рассказывающего ему о плотти, о Вэнди, Орфее и остальном…

– Он еще жидкий, еще не отошел, – мягким ленивым голосом

проговорила миссис Беллер. – Дай ему одежду, Уайти.

Молча вытащив из сумки красный комбинезон Стэна, Уайти сложил его вдвое и перехватил поудобнее. Потом с силой стегнул тяжелой от молний тканью Стэна по лицу, еще и еще раз.

– Смотри не попорть ему карточку, Майдол, – сказал кто-то напевным и чистым, как звон колокольчика, голосом.

Желтолицый старик. С трудом поднявшись на ноги, Стэн неуверенно улыбнулся старику и, как мог быстро, оделся. Потом выпрямился, качаясь и ощущая себя очень неуверенно на ногах.

– Позвольте мне представить присутствующих, – заговорил доктор Юкава, грациозно склоняя свою узкую голову. – Мистер Муни уже знаком со мной и Уайти и, если я не ошибаюсь, имел удовольствие видеться с миссис Беллер и Рикардо у меня в лаборатории. Фэрн Беллер, Стэн Муни, Рикардо Гаттиерес. Кроме того, среди нас присутствует также его небесная мудрость Бей Нг, мой слив-брат. За второе я ручаюсь, а мудрость и небесное отношение он приписывает себе сам.

Уайти Майдол, как обычно голый по пояс, смотрел на Стэна с мрачной угрозой, гордо вскинув свой жесткий ирокез, светлая прядь от которого спускалась по его спине до пояса. Миссис Беллер, гибкая как лоза, с ярко накрашенным лицом и с дивной бледной кожей, была очаровательна. На ней был тугой эластичный топ оттенка «голубой электрик» и короткая широкая ярко-желтая юбочка. Рикардо был облачен в черную шелковую ковбойскую рубашку, отстроченную красной ниткой, черные леггинсы и тяжелые ботинки на толстой подошве. Его руки, под закатанными рукавами рубашки, были покрыты татуированными змеями, подбородок украшен мушкетерской бородкой и усами, а глаза скрыты за солнечными очками с кроваво-красными стеклами. Короткие волосы Рикардо, специально чем-то густо намазанные, торчали, слипшись, редкими иглами. Когда Стэн взглянул на него, он широко улыбнулся ему, продемонстрировав два ряда золотых фикс.

Гибко и плавно метнувшись вперед, словно персонаж гангстерского балета, Уайти схватил Стэна за горло.

– Где Дарла, Муни? ГДЕ ОНА?

Уайти сжал Стэну горло так крепко, что он не мог выговорить ни слова. Его глаза наполнились слезами, и единственное, что он смог произнести в ответ, был тонкий хрип.

– Отпусти его, Майдол, – приказал Бей Нг. – Видишь, он хочет говорить.

Разжав пальцы, Уайти сильно толкнул Стэна в грудь. Перелетев через комнату, Стэн очутился на низком кожаном диване. Остальные тоже расселись кто куда. С минуту Стэн

растирал горло, глотал воздух и приходил в себя от боли. Нужно было выиграть время. Он еще мог попробовать откупиться от них картой Кобба. Держась рукой за горло, он осмотрелся.

Комната выглядела как офис преуспевающей фирмы, ее пол был выложен плитками из красного бимстоуна, а стены отделаны панелями из настоящего дуба, умопомрачительно дорогими. Бей Нг уселся за стол из красного дерева, рядом с которым в кресле элегантно расположился доктор Юкава.

Уайти и Рикардо сели на кожаный диван вместе со Стэном, зажав его с обеих сторон, Уайти справа, Рикардо слева. Миссис Беллер устроилась во втором кресле, мило скрестив стройные ножки.

– Послушайте, – прохрипел наконец Стэн. – Давайте решать дела разумно. Я всего лишь частный детектив, не слишком молодой и удачливый. Если вы хотите о чем-то спросить меня, то валяйте, спрашивайте, я расскажу вам все, что знаю.

Могу даже поведать историю моей жизни, если нужно, только пусть этот панк держит руки подальше от моего горла.

Последние слова Стэна почему-то очень насмешили Рикардо и он звонко расхохотался, запрокинув голову Он и Уайти сцепили руки, образовав поперек живота Стэна подобие ремня безопасности. Они держали его крепко – Стэн не мог даже рукой пошевелить.

– Если вы, парни, хотите, чтобы я что-то сделал для вас, то это можно обсудить. Клянусь, я понятия не имею, куда делась Дарла. Меня нанял боппер по имени Эмуль, он попросил меня зайти к Дарле, узнать, не беременна ли она, и в случае положительного ответа предложить ей выносить вместе с ее собственным еще одного ребенка, для него, второго.

За эту услугу я должен был предложить ей 20 кило баксов – деньги были при мне. Но не успел я толком и рта раскрыть, как она плеснула мне в лицо сливом и сказала, что сейчас же идет делать аборт. Эмуль попросил меня взять в карман блоху, так что, вполне возможно…

– Ты сволочь, легаш, бопперам задницы лижешь, – взвился вдруг Уайти и с маху тыльной стороной свободной руки влепил Стэну оплеуху. – Мы должны были встретиться с Дарлой «У загорелых», но она там так и не появилась.

– Что предложил тебе Эмуль? – спокойно спросил Бей Нг.

– Деньги, – ответил Стэн. – И.., клон моей жены, Вэнди, – моя жена умерла. Шесть лет назад я случайно застрелил ее – это был несчастный случай. Бопперы выращивают клоны ее тела в своих гидропонных фермах. В том случае, если я выполню работу так, как было условлено, Эмуль обещал мне такой клон,

искусственную вэнди.

– Очень трогательная история, – проговорил Бей Нг, его губы тронула слабая улыбка и тут же угасла – погрузившись в размышления, он молчал целую минуту. Придя наконец к какому-то выводу, он посмотрел на Уайти.

– Если Эмуль хотел просто дополнительно обрюхатить твою Дарлу, Уайти, то она наверняка жива и с ней сейчас либо совсем все в порядке, либо ее уже превратили в плотти – одно из двух.

Мы обязательно найдем ее и вернем тебе, это я обещаю. У ОСЦС отличные хирурги и для них нет ничего невозможного – они наладят твою подругу. С Дарлой, я уверен, все будет хорошо.

Сейчас уже нет нужды торопиться и стоит действовать обстоятельно в полном соответствии с планом: во-первых, отправить Муни добровольным плотти к бопперам в Гнездо, ну и так далее. Эта его история с искусственной вэнди будет отличным прикрытием.

Бей Нг широко улыбнулся и откинулся в кресле.

– Все идет, как и было задумано. Нужды в спешке нет.

Неожиданно несколько фрагментов из недавних видений встали в голове Стэна на свои места.

– Отправить меня куда-то добровольным плотти – о чем это вы говорите?

– Уверен, что это ненадолго, – отозвался Юкава, заставив нижнюю половину своего длинного худощавого лица сложиться в улыбку. – Когда все кончится, специалисты ОСЦС вырастят клон удаленной части вашего мозга и вы снова станете полноценным человеком, как Бей уже об этом говорил насчет Дарлы. Конечно, если вы сами этого захотите. Потому что, по слухам, быть плотти не так уж плохо.

Насколько я понял, плотти живут в специальных камерах со всеми удобствами, которые им предоставляют хозяева-бопперы в особом районе-экзосфере. Перед смертью Кен кое-что рассказал Уайти.

– Кен Долл? – переспросил Стэн, чувствуя себя все более и более паршиво.

– Точно, – отозвался Уайти. – Я поймал его после того, как он прицепил Дарле зомби-бокс… Выследил и… Я убивал его медленно и он рассказал мне очень много. Ты два часа плескался там лужей на полу, Муни, и за это время многое случилось. Дарла исчезла где-то в конце Пассажа; по всему выходит, что там имеется какой-то потайной ход.

Лицо Уайти повисло в дюйме от лица Стэна.

– Ты знаешь, где находится этот ход, легаш?

– Как сказать, панк.., может, я и скажу тебе, если ты начнешь

убивать меня медленно.

Уайти оставил этот выпад без внимания.

– Что сказал тебе Кобб, после того как вытащил из твоей головы блоху?

– Да, что он вам сказал? – вставил Бей Нг. – Нам всем это очень интересно. Зачем Кобб встречался с вами перед отлетом на Землю? Кобб ведь за людей, так?

– Кобб… Кобб за свободный обмен информацией. Он всегда был за это и остался верен себе до сих пор. Его бопперы научились создавать людей и он был в восторге от этой новости. Но он не дурак и знает, какими безжалостными могут быть бопперы. Он…

Стэн обвел глазами комнату. Отсюда не вырваться, он здорово влип. И в запасе у него осталась всего одна козырная карта.

– Перед тем как расстаться, Кобб дал мне инфокуб с картой Гнезда и глифы доступа. На тот случай, если нам придется нанести бопперам ответный удар.

– Я уполномочена говорить от лица ОСЦС, – объявила миссис Беллер. – Обусловленная необходимость для ответного удара сейчас появилась. Дети Мэнчайла, способные вырабатывать гибберлин, могут разрушить экологию всей Земли.

В течение года их численность может возрасти до миллиарда, а еще через год – до триллиона. На этот раз бопперы зашли слишком далеко. Существует план ответного удара и вы, мистер Муни, являетесь частью этого плана.

– Уверен, что ваша операция пройдет безболезненно, – сказал Стэну Юкава. – Миссис Беллер располагает связями с талантливейшими нейрохирургами, здесь, в ОСЦС. Часть правой доли вашего мозга придется удалить – совсем немного, менее трети, – на это место будет установлен нейропереходник, после чего вы отправитесь на Рынок и предложите свои услуги вашему другу Эмулю. Эти здешние хирурги, они настоящие мастера своего дела, возьмут у вас ровно столько, сколько нужно, – после вы сможете владеть левой половиной тела, хотя некоторая раскоординация не исключена.

Стэн попытался подняться, но не смог – сцепленные руки Рикардо и Уайти по-прежнему прижимали его к кожаным подушкам кушетки. И тому, и другому силы было не занимать. Рикардо хмыкнул и нагло улыбнулся ему прямо в лицо.

– Ты слишком возбужден, Муни, – пропел он сладким кошачьим баритоном. – Такая операция, это то, что тебе нужно, Торчок, как раз и успокоишься. Утихомиришься ровно наполовину, на правую половину мозгов. Ты просто везунчик,

парень, ты везучее нас всех.

Из нагрудного кармана рубашки Рикардо вытащил пачку жвачки.

– Хочешь пластиночку, Муни, расслабишься, кайфанешь?

– Нет, – отозвался Стэн. – Не хочу. Завязал два года назад.

Все это не его галлюцинации, это происходит с ним на самом деле.

– Наркотики мне дорого обошлись, из-за них я потерял работу и убил Вэнди. Может, вы знаете уже – там внизу, в Дайтоне, я когда-то служил полицейским. Меня взяли после того, как я разобрался с Мистером Морозисом.

Он порывисто вздохнул.

– Я имел с бопперами дело и знаю их – они всегда идут до конца. Если я стану плотти, они могут не дать мне вэнди.

Зачем, ведь я буду их рабом.

– Не волнуйтесь, бопперы обычно держат свое слово. Вы будете очаровательной парочкой, – проворковала миссис Беллер. – С половиной взрослых мозгов на двоих.

– Бывший коп и его старушка, куда уж лучше, – подхватил Рикардо, весело обрабатывая резинку. – Как, вы сказали, мистер Юкава, бопперы называют это жилье для плотти: «Приют Счастливых»?

Юкава тонко улыбнулся и Рикардо довольно затряс головой.

– Тебе на хрен не нужен будет наш мир, Муни, будешь там трахать свою гидропонную цыпку день и ночь напролет и горя не знать. Такая пустоголовая, как она, поверит всему, что ты ей наплетешь. Будешь жить как король. А когда она поумнеет, бопперы ей тоже всадят крысу – я слыхал, старик, что бабам они вырезают левую половину мозгов.

– Заткнись, Кардо, – рявкнул Уайти, вонзив локоть в живот Стэну так глубоко, что тот задохнулся. – При мне никаких шуток о женщинах-плотти.

Взглянув на Стэна, он переспросил его, уже спокойнее;

– Говоришь, Кобб дал тебе карту? Мы собираемся на прогулку и она нам сейчас как раз пригодится. Где карта, в твоем офисе?

– Лучше убей меня медленно, панк. Задуши толстой задницей своей шлюхи…

От удара в шею Стэн потерял сознание. В себя он пришел от того, что кто-то брызнул ему в лицо холодной водой. Открыв глаза, он увидел над собой миссис Беллер со стаканом в руке.

– Поднимайтесь, Стэн, и выпейте это – тут просто вода.

Зря вы задираетесь с Уайти, ему несладко приходится. Он переживает о Дарле.

Глотание причинило Стэну невыносимую боль – воду едва

удалось пропихнуть внутрь. Большая часть воды пошла не в то горло, и он закашлялся и кашлял долго, одновременно обдумывая свое положение. Вопрос сводился к следующему: что он может потребовать в обмен на карту? Избавление, ни больше ни меньше. Сбежать он, конечно, попробует так или иначе при первой удобной возможности. Но прежде следовало поторговаться, просто на всякий случай.

– Если я отдам вам карту, вы отпустите меня? Плотти можно сделать из кого угодно.

– Нет, Муни, – прошептал Уайти. – Бей обещал мне, что в Гнездо отправишься ты.

– На ставке стоит судьба человечества, – торжественно провозгласил Бей. – Нет, в самом деле, Стэн. Одним геройским поступком вы сможете искупить множество грехов.

– Но я не вижу разницы, – возразил Стэн, голос которого хрипел и срывался. – Почему вам нужен именно я? Блоху на меня вы все равно поставить не сможете – бопперы засекут ее в два счета, как засек Кобб. Это бессмысленно. Я просто исчезну в Гнезде и на этом все закончится.

– Выпейте воды, Стэн, – настойчиво повторила красавица Фэрн Беллер. – Выпейте воды и успокойтесь. Вы так хрипите, что вас страшно слушать.

Стэн покорно припал к стакану и сделал несколько глотков. Фэрн заботливо поддерживала его голову, ее руки были нежными и ласковыми, ох, какой тип секса вы предпочитаете, миссис Беллер?

– Мне близки и понятны чувства Уайти, – сказал Юкава, приглаживая рукой свои редеющие волосы. – Я был влюблен в Деллу Тэйз, Стэн, я и сейчас ее люблю. Да вы и сами об этом знаете. Говорят, что сейчас она вне опасности, но то, что бопперы сделали с ней, это страшно. И мне хотелось бы, чтобы это не сошло им с рук просто так. Я биоинженер, Стэн.

И очень талантливый человек.

– Это мы уже слышали, – отозвался Бей, – и не раз.

Похоже было на то, что они с Юкавой дружески соперничали и постоянно пикировались.

– Таланта тебе не занимать, но иногда ты поступаешь. просто глупо.

– Я создал чипоед, – повысил голос Юкава, старательно не обращая внимания на замечание Бей Нг. – В той воде, что вам только что дала выпить Фэрн, находилось несколько миллиграммов культуры этого микроорганизма. С сожалением должен констатировать, что вы, Стэн, инфицированы. Нам пришлось слукавить и вы простодушно попались на крючок.

Вашей задачей будет попасть в Гнездо и распространить там чипоед. Теперь, надеюсь, вы понимаете, как мало нас интересует, сможем ли мы наблюдать за вами в Гнезде или нет.

– Послушайте, Макс, – подала голос миссис Беллер, ловко уклоняясь от струи воды, ударившей изо рта Стэна. – Вы уверены, что ему можно…

– Ничего-ничего, пусть знает, – снова подал голос Бей Нг. – Как только ему вживят в мозг нейропереходник, ему некуда будет деваться. Стэн будет играть в нашей команде, на него можно будет полагаться, как на самого себя. С ним у нас проблем не будет.

Юкава поиграл пальцами в воздухе и весело покрутил своей головой-яйцом.

– Чипоед был в воде, Стэн, которую вы только что выпили.

Рикардо весело хохотнул и даже Уайти улыбнулся.

– Что за погань, этот ваш чипоед? – спокойно, стараясь не подавать виду, спросил Стэн.

– В основу моего открытия положена теория о том, что биологическая жизнь может развиваться везде, где существует градиент температур, – начал разъяснения Юкава. – Вспомнить хотя бы трубчатых червей, обитающих на больших глубинах в жерлах вулканов. Или антарктические наскальные лишайники. В любом месте внутри тела боппера существует градиент энергии, в каждом чипе. Мне удалось создать живое существо, микроб, который существует, черпая жизненные силы от этого градиента. Я назвал его чипоед.

– Не понимаю, – сказал Стэн. – И что же; этот чипоед разъедает цепи бопперов?

– Не только. Происходит нечто гораздо более тонкое, поскольку сам чипоед подобен высокочастотной пульсации с циклом в тысячную долю секунды. «Пищей» чипоеда, если вам понятнее такая терминология, в таком случае являются килогерцы электромагнитной энергии. Однако для простого паразита чипоед очень разумен. Он способен выборочно подавлять или поддерживать те или иные чипы, в зависимости от того, какая частота ему более предпочтительна. Я настроил чипоед таким образом, чтобы его излюбленной была частота мыслительных процессов бопперов. Он будет выедать им мозг.

Юкава продемонстрировал это: схватился руками за голову, вздрогнул и замер с искаженным лицом.

– И робот капут, так-то, Стэн, – дурашливо промурлыкал Рикардо.

– Старайтесь плеваться почаще, – наставительно заметил Бей Нг, лучезарно улыбаясь Стэну из-за письменного стола. –

Представится случай, поднимите ножку тут и там.

– Круто, – спокойно проговорил Стэн, скрывая потрясение. Но он еще не все узнал. – А сам-то я не помру?

– А черт его знает – нам всем на это, друг, насрать, – отозвался чувствительный Уайти. – Ты скажешь, где карта, или из тебя клещами придется тащить?

– Не волнуйтесь, – успокоительно ответил Стэну Юкава. – Такой высокоэнтропийной системе, как человеческий организм, чипоед не страшен, разве что горло поболит немного.

Или что-то другое, у кого что ослаблено. Может быть, немного разыграется цистит. По правде сказать, поведение чипоеда мной до конца не изучено, например, я не знаю, каким окажется его действие на их мерц-покров.

– Будьте умницей, Стэн, – ласково попросила его красотка миссис Беллер. – Скажите нам, куда вы спрятали карту.

Это был его последний шанс.

– Карта у меня в письменном столе в офисе. Но достать ее оттуда никто, кроме меня, не сможет. Я оставил в столе «умную» бомбу.

– Ловко, – с ненавистью отозвался Уайти. – Хотя другого от такой сволочи, как ты, я и не ожидал. Где тебя научили таким штукам – в полицейской академии? А ты, случайно, не пудришь нам мозги?

– Мне наплевать на то, веришь ты мне или нет, панк.

Как я сказал, так оно и есть – слово в слово. Карта лежит в моем письменном столе рядом с «умной» бомбой, которую только один я смогу отключить. Бомба знает меня в лицо.

– Ну хорошо. Мы с Кардо отвезем тебя туда. Что скажешь, Бей?

Прежде чем ответить, Бей думал – не меньше двух минут, словно над шахматной доской перед очередным ходом.

– Хорошо, – наконец ответил он. – Поднимайтесь на крышу, возьмите жука и слетайте к нему в офис. Чтобы он никуда не делся, воспользуйтесь шокером. Миссис Беллер полетит с вами. Действуйте осторожно, с головой.

– Шокер у меня есть, – быстро отозвалась миссис Беллер и взяла свою сумочку. Достав оттуда упакованный в фольгу диск, она освободила его от оболочки и прилепила специальной клейкой стороной к шее Стэна. – Можете отпустить его, ребята.

Уайти и Рикардо расцепили руки и Стэн поднялся.

– Подойдите ко мне, Стэн, и поцелуйте меня, – сказала ему миссис Беллер. Оттопырив свои пухлые губки, она высунула наружу кончик розового язычка. – Ну же, пойди к мамочке.

Стэн опасливо сделал шаг и в тот же миг миссис Беллер

нажала кнопку на пульте, который незаметно держала в руке.

Из диска, прилепленного к шее Стэна, в его шею ударил мощный электрический разряд. О существовании такой боли он даже не подозревал. Свалившись, как подрубленное дерево, на пол, он с минуту извивался в конвульсиях у ног миссис Беллер, потом замер, уставившись выпученными остекленевшими глазами на ее туфли-лодочки. Окончательно он очухался только через несколько минут. Когда он сумел подняться на ноги, то уже знал, что с этих пор в его голове главное место заняла одна-единственная мысль: ни за что в жизни он не сделает ничего, что может дать миссис Беллер повод нажать на кнопку снова.

В компании миссис Беллер, Рикардо и Уайти Майдола Стэн вышел из офиса Бей Нг в просторный холл.

– Сейчас мы находимся на шестом этаже здания концерна ОСЦС, – чистым голоском проговорила миссис Беллер, с удовольствием разыгрывая из себя гида. Они двинулись вперед – миссис Беллер рядом со Стэном, Рикардо в тылу и Уайти во главе. Широкие бедра миссис Беллер соблазнительно двигались. – Не всем известно, что аббревиатура ОСЦС означает «Объединенная Система Цифровой Связи». Корпорация возникла в результате слияния AT&T и «Мицубиси».

Сегодня в руках ОСЦС находится около 60 процентов производства виззи-продукции и 80 процентов каналов связи.

Все, что вы видите здесь – здание ОСЦС в Эйнштейне, лаборатории, офисы и сеть дочерних организаций, – все это намеренно перенесено сюда подальше от проницательного взгляда Земли, как бы имея в виду случай «В доме моего отца много поместий». Большинству невдомек тот факт, что в ОСЦС нет общепризнанных лидеров и нет единой оговоренной политики. Внутреннее функционирование ОСЦС происходит по сложной системе, основанной на высокой степени параллелизма и нелинейных взаимодействий. Потому что другого способа справиться с мировым хаосом не существует.

Предполагается, что ОСЦС поддерживает Церковь Органического Мистицизма Бей Нг, в надежде на то, что в его власти в конце концов может оказаться коммерчески применимая форма телепатии, но на самом деле мы просто хотим держать руку на пульсе рынка слива, который в ближайшее время обещает стать невероятно популярным. Кроме того, Бей Нг располагает очень ценными связями во многих сферах.

С обеих сторон длинного коридора, в который они вышли, тянулись ряды просторных лабораторных помещений с совершенно невероятным и загадочным оборудованием. По всему чувствовалось, что ОСЦС огромная и очень могущественная

организация и вряд ли кто мог знать, что происходит за стенами всех этих лабораторий. Хотя основная идея была ясна – корпорация всеми возможными способами пыталась не отстать от бопперов, а в чем удастся – и обогнать их. В одной из комнат кибербиологи работали с образцами биологических культур, вызревающих тут же бесконечными рядами под мертвенным светом рефлекторов. В соседнем зале висящий на потолке огромный многоглазый автомат-техник внимательно следил за объемными формами, мгновенно выступающими из огромной кучи имиполекса и так же быстро исчезающими. В другой комнате, под табличкой «Лаборатория информатики», Стэн увидел, как несколько похожих на хирургов механиков осторожно демонтировали обожженную бластерными выстрелами женщину-петафлопа. Кто был этот боппер – Береника, погибшая почти одновременно с Мэнчайлом? Стэн улыбнулся, пытаясь представить себе, чем может сейчас заниматься на Земле Кобб, которому посчастливилось скрыться.

Внезапно Стэн перестал улыбаться, сообразив, что где-то здесь, быть может, за следующим поворотом коридора или на другом этаже, его ожидает нейрохирургическая операционная, где очень скоро, может быть, если не повезет, ему вскроют череп. Он вздрогнул и взглянул на миссис Беллер, которая не умолкала ни на секунду.

– ОСЦС внимательно следит за всеми новейшими научными достижениями, имея в виду единственную цель, – говорила она. – Цель проста и понятна: «Каким образом то или иное открытие может быть использовано для укрепления могущества и безопасности людей». Обычно речь идет только о накапливании потенциала, но иногда ситуация складывается так, что становится необходимым деятельное вмешательство.

Мэнчайл и его дети представляют собой реальную угрозу нашим основным потребителям, расе людей. На встрече высшего совета директоров корпорации было решено воспользоваться услугами нашего подопечного Бей Иг, в свою очередь, предложившего обратиться к его слив-брату, Максу Гибсону-Юкаве, располагающему действенными средствами. Как вы поняли из недавних объяснений доктора Юкавы, применение его средств к бопперам может оказаться весьма радикальным. Вот сюда, к лифту.

Полет на жуке к офису Стэна не был отмечен никакими происшествиями. Первые признаки беспокойства его провожатые начали проявлять, только оказавшись в коридоре на этаже, где находилась его контора. Хотя об этом ничего не было сказано, но все же было видно, что всех чрезвычайно занимает один и тот же

главный вопрос: «Насколько умна эта бомба Стэна?»

Внутри конторы Стэна миссис Беллер заняла пост у двери. Положив большой палец на кнопку шокера, она подняла руку так, чтобы устройство было у Стэна на виду. Рикардо и Уайти разошлись по углам и заняли позиции у дальней стены комнаты, взяв письменный стол и Стэна на прицел своих игловиков. Остановившись у своего выкрашенного коричневой эмалевой краской металлического стола, Стэн повернулся к миссис Беллер и двери офиса лицом и взялся за ручку выдвижного ящика. Справа перед ним стоял Рикардо, а слева и тоже перед ним – Уайти.

– Только спокойно, Стэн, – промурлыкала миссис Беллер. – Будьте хорошим мальчиком, достаньте из стола свою карту и больше ничего не делайте. Отключите бомбу и не делайте лишних движений.

Сказав это, она погладила кнопку шокера большим пальцем и легкое эхо недавней невыносимой боли легко отозвалось в шее Стэна. Нахмурившись, миссис Беллер заставила свой голос звякнуть металлом, очевидно, решив, что наступила пора перейти от роли «хорошего копа» к роли «копа плохого».

– Не вздумай хитрить со мной Муни, иначе ты у меня на всю жизнь заикой останешься.

– Ясно, – отозвался Муни. – Трахай меня, твоя взяла. Я в твоей власти, красавица, делай со мной что хочешь, вырезай мозги, отсылай вместе с моей вэнди в «Приют Счастливых», раз уж я такая бестолочь.

Улыбнувшись заискивающе и раболепно, он рывком выдвинул правый верхний ящик своего письменного стола.

– Карта здесь.

В тот же момент бег времени для него замедлился до чуть живого черепашьего хода. В течение следующей секунды произошло следующее.

Выдвинув почти полностью ящик стола, Стэн опустил вниз глаза и поглядел на кинетическую «умную» бомбу, лежащую рядом с красным инфокубом – картой Кобба.

Бомба представляла собой шар из плотной темно-синей резины с единственным глазом-объективом, горящим злым красным светом. Срабатывая, подобные бомбы не взрывались, а набрасывались на незваного пришельца и мощным ударом вышибали из того дух. Начинка бомбы состояла из поллония и была довольно массивной. По внешнему диаметру бомбы шла имиполексовая полоса, представляющая собой мегафлоп, отвечающий за распознавание объектов, наведение на цель и одновременно включающий в себя антигравитационный

двигатель, получающий энергию от атомного поллониевого микрореактора. По уровню сообразительности бомба приблизительно соответствовала собаке.

Распознав Кобба, бомба мгновенно активизировала свой мощный антигравитационный двигатель и на несколько миллиметров приподнялась над коричневым дном «ящика», ровно настолько, чтобы Стэн мог понять, что его «умная» бомба готова прийти своему хозяину на помощь.

Компьютер бомбы был запрограммирован Стэном на чтение сигналов, которые он подавал движением глаз. Глядя прямо в красный объектив бомбы, он мигнул дважды, что означало «БЕЙ ИХ», потом быстро перевел взгляд на правое запястье миссис Беллер, что означало: «СЮДА В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ».

Бомба начала бесшумно вращаться, приготовившись к атаке.

Стэн поморщился, придав лицу брезгливое выражение.

– Напрасно беспокоились. Бомба, оказывается, сломана.

Впившись взглядом в запястье миссис Беллер.., он внезапно страшно расширил глаза.

Молнией вылетев из ящика стола, бомба отрикошетила от потолка и точно и сильно стукнула миссис Беллер в запястье.

Красавица пронзительно вскрикнула, пульт шокера вылетел из ее пальцев и со стуком упал на пол. Ее правая рука повисла плетью. Отскочив от пола, бомба нацелилась на Майдола.

Срикошетив по пути от потолка и стены, поразительный снаряд врезался Уайти в голову и сбил его с ног. Разобравшись с панком, бомба отыскала своим красным глазом Рикардо и изменила вращение внутреннего гироскопа таким образом, чтобы, разогнавшись, чиркнуть о потолок и оттуда угодить тому прямо в лоб. Скорость полета кинетической бомбы составляла около 40 футов в секунду, или 30 миль/час, – большая скорость была недопустима, иначе ее система наведения не успевала эффективно следить за целью.

Отыскивая цель и рассчитывая траекторию, бомба думала с максимальным напряжением, но, к сожалению, возможности мегафлопа были ниже реакции Рикардо.

Сознание Рикардо полностью разобралось в происходящем только после того, как бомба, действующая с точностью запущенного бильярдистом-виртуозом шара, нейтрализовала Уайти, но как только это случилось, мышцы его руки начали реагировать на движение темно-синего шара. Молниеносная обратная связь глаз/рука нацелила игловик на бомбу. Указательный палец Рикардо напрягся и очередь сбила летучий снаряд сразу после того, как тот отскочил от потолка.

Бомба развалилась на четыре или пять кусков, разлетевшихся

во все стороны, ударивших в стены и под. Насыщенная событиями секунда закончилась.

Первым же делом Стэн отлепил от шеи диск шокера, швырнул его на пол и раздавил каблуком.

– Ты у меня на прицеле, Муни, не вздумай дергаться, – натянутым голосом предупредил его из своего угла Рикардо. – Отличный ход, поздравляю. Хорошо, что мы пришли сюда втроем.

Как дела, Фэрн?

– Эта штуковина сломала мне запястье, – простонала миссис Беллер.

Пинком ноги Стэн отослал останки шокер-диска под стол.

– Теперь слушайте, что я вам скажу, Фэрн. Ваше счастье, что я уже не молод и готов идти на компромиссы. Я сделаю все, что вы хотите, отправлюсь в «Приют Счастливых» и распространю по Гнезду вашу заразу, но вы должны будете мне за это заплатить. Мне нужен официальный контракт с ОСЦС. с подписями и печатями, по всем правилам. И в этом контракте должны быть черным по белому записаны три пункта.

Стэн поднял перед собой руку с тремя отставленными пальцами, приготовившись перечислять пункты один за другим.

В углу комнаты зашевелился и застонал Майдол, начинающий приходить в себя. Стэн заговорил быстрее.

– Во-первых, в обмен на мое сотрудничество я хочу получить статус штатного служащего ОСЦС. Мне нужна работа.

Во-вторых, согласившись подвергнуться операции, я хочу, чтобы ОСЦС пообещала мне вырастить клон той части мозгового полушария, которой я лишусь. Если вдруг окажется, что быть плотти совсем не так приятно, как вы расписываете, я хочу иметь возможность снова стать нормальным человеком и получить свои мозги обратно. И наконец, в-третьих, я хочу, чтобы на мой счет в банке была переведена сумма в размере полугига долларов, – Вы только послушайте, какая сволочь, – простонал Уайти, который уже поднялся на ноги. Чтобы не упасть, он стоял, держась рукой за стену.

– Вот, Уайти, твоя карта, – сказал Стэн и протянул Майдолу инфокуб Кобба. – Карта Кобба, как я и обещал. Ты принесешь ее Бей Нг и снимешь все сливки. Если ОСЦС согласится подписать со мной контракт, то нам придется работать вместе, так что лучше не портить отношения. Уверен, что этот «Приют Счастливых» место вполне сносное. Если, конечно, все вы не вешали мне лапшу на уши. Вместе мы постараемся, чтобы все прошло в лучшем виде и никто не остался в обиде…

Уайти повертел в руках красный пластиковый куб.

– Как он работает?

– Это цифровая запись карты Гнезда и Эйнштейна, не далее как вчера сделанная при помощи сети следящих камер бопперов, называющейся «око бога». Карта свежая, потому Кобб и отдал ее мне. По его словам, просмотреть эту карту можно при помощи любого голокастера. Изображением можно играть по четырем параметрам: по трем пространственным осям и масштабу. Кобб дал мне карту специально на тот случай, если бопперы зайдут слишком далеко. Тут можно будет отыскать все их потайные ходы и… – Стэн замолчал и оглянулся. – Я проверял сканером контору два дня назад, но черт его знает. Может, лучше продолжим разговор в ОСЦС, там, где нас никто не услышит?

– Хорошо. Возвращаемся! – решительно объявил Рикардо.

Вчетвером они вышли в коридор, поднялись на крышу, прыгнули в жука и долетели до здания ОСЦС. Стэн чувствовал прилив сил и готовность действовать – многое успешно разрешилось в столь короткое время. Бог с ними, с мозгами, будем надеяться на то, что хирурги оттяпают у него самую малость. Вэнди, дорогая, я иду к тебе!

Глава 11
КОГДА БУББА ПРОСНУЛСЯ

8 февраля 2031 года

Когда Бубба проснулся, мама и дядя Кобб были внизу и о чем-то разговаривали с конюшим. Конюшего звали Лютер; он был хороший человек. От зари до зари конюший работал внизу в стойлах. Жена Лютера Джиджи заезжала за ним на пикапе в сумерках, когда большая часть работников уже расходилась по домам. Джиджи была веселой, постоянно смеялась и шутила и каждый раз приносила Буббе большой пакет с едой. Ночью Буббе, когда он не ел, разрешали выйти наружу и побегать на улице, но днем он должен был сидеть тихо.

Мама и дядя Кобб сказали Буббе, что плохие люди повсюду ищут их и если найдут, то могут убить.

Мама была очень хорошая и добрая. Дядя Кобб был сильным и веселым. Лютер и Джиджи были хорошими, добрыми и веселыми. Лошади тоже были хорошими и добрыми, хотя и не умели говорить.

Место, где они с мамой и дядей Коббом были, называлось Черчилль-даун и находилось оно на окраине города Луисвилля, на Земле. Дом, в котором они жили, назывался конюшней. В конюшне жили лошади; лошадей было много и они стояли в стойлах одна рядом с другой. Над стойлами под просторной острой крышей находился сеновал. Мама, дядя Кобб и Бубба сделали там себе в соломе и сене очень уютное гнездо. Солома была жесткой, пустой внутри и блестящей; сено было пыльным и светло-зеленым. Лошади ели сено и хрумкали соломой.

Днем Бубба подолгу лежал на полу чердака и смотрел сквозь щели вниз на длинные ряды конских стойл. Перед каждым из стойл, которые днем пустовали, стояла беговая коляска в виде треугольника со скругленными концами. В эту коляску запрягалась лошадь, чтобы везти ее и седока, и это называлось бега, но сейчас бегов не было, так как на улице было слишком холодно и повсюду лежал снег из замороженной воды. Кобб сказал Буббе, что, когда Бубба станет очень; очень взрослым, снег растает и земля покроется травой и цветами.

Бубба знал, как выглядят розы. Внутри него находилось очень много Знания, потому что он был человекобопом. Бопперы создали отца Буббы, у которого были сперматозоиды с двумя хвостами – один хвост для тела, другой для Знания. У

сперматозоидов Буббы тоже будет по два хвоста, как только его тело начнет вырабатывать их, а это случится скоро, очень скоро, потому что сейчас ему уже было тринадцать. А завтра будет четырнадцать.

Кобб закончил разговаривать с Лютером и забрался по приставной лестнице на чердак. Бубба услышал, что Кобб поднимается, и через несколько мгновений увидел его голову, высунувшуюся из квадратной дыры в чердачном полу. Кобб был боппером, хотя когда-то много лет назад был человеком из плоти. У Кобба были седые волосы и блестящая розовая кожа. Когда он говорил, его шея тряслась.

– Привет, воробушек, как дела? – Пробравшись через брикеты сена и соломы, Кобб сел на подстилку рядом с Буббой.

– Хорошо, дядя Кобб. Сижу вот и думаю. Что вам сказал Лютер?

– Лютер сказал, что ты единственный из детей Мэнчайла, кому удалось спастись. Вчера ночью убили последнего из тех, кто еще оставался.

Бубба очень любил слушать рассказы про своего отца.

– Каким был мой отец? Расскажите, дядя Кобб.

– Он был отличным парнем, по-настоящему крутым.

Умница и сорвиголова. Он произнес всего две речи, больше ему не удалось, но что это были за речи! Первый раз он выступал по виззи, передача велась из дома Сюзи Пиггот, а второй раз говорил перед народом на стоянке Фэйрграунд. Там Марк Пиггот и застрелил его. Потом люди Пиггота убили Беренику и ранили меня – повредили мои ионные сопла.

Кобб взглянул на свои обожженные ноги.

– Думаю, что на Луну мне не скоро удастся вернуться.

– А о чем мой отец говорил в своей речи?

– Он говорил, что люди и бопперы равны. Что они, по большому счету, одно и то же. Это чистая правда, но многим людям очень не понравилось то, что они услышали. Многие из них считают, что пол и цвет кожи играют какую-то роль.

Хотя, по сути, все мы, мыслящие существа, не более чем средства обработки информации, и Бог любит всех нас одинаково. По-моему, это настолько очевидно, что с этим должен согласиться любой.

Внизу коротко заржала одна из лошадей. Кобб улыбнулся.

– Да, Счастливый Билетик, и лошади тоже. Даже мухи и атомы. Все мы есть Единственный, а Единственный – это весь мир.

– А ты видел Бога, дядя Кобб?

Кобб улыбнулся задумчиво и печально, как всегда, когда

вспоминал об этом.

– Видел, воробей. Когда умер и был мертвым, то провел с Богом десять лет. Тогда я отлично отдохнул. Береника вернула меня к жизни, потому что кто-то должен был позаботиться о тебе.

Дядя Кобб протянул руку и взъерошил светлые волосы Буббы.

– Мой внук Вилли попал в тюрьму, и мне не хотелось бы умирать прежде, чем он освободится. Я хочу помочь ему. Я уверен, что вы с Вилли понравитесь друг другу. Знаешь, ведь это он привез тебя, Киско и меня сюда в тот вечер, когда убили Мэнчайла. Кто-то видел, как Вилли увозил нас с Фэйрграунда, но он не сказал Гимми, где мы спрятались. Вилли спас тебе жизнь, Бубба.

– Привет, ребята, – милое лицо мамы появилось из дыры над лестницей. От холода из ее рта шел пар.

– Привет, Киско, – отозвался Кобб. – Смотри, каким взрослым стал сегодня Бубба.

Мама обняла Буббу и крепко поцеловала его. От маминых губ и ее запаха в яичках Буббы появилось приятное тянущее ощущение.

– Мама.., можно мне сделать тебе ребенка?

Киско нервно рассмеялась и легонько подтолкнула Буббу.

– Слишком легко ты решил устроиться, дружочек. Во-первых, это невозможно, а во-вторых, мне хватило того, что я родила тебя. Это оказалось не так-то легко. Одной беременности в месяц вполне достаточно! Очень скоро ты сможешь выбрать себе женщину по вкусу, одну или, может быть, несколько, только подожди немного.

– Ты считаешь… – Кобб поднял бровь.

– Да, сегодня вечером, – ответила Киско. – Один из тренеров сказал, что завтра Гимми собираются нагрянуть в конюшню.

Мама погладила Буббу по руке.

– Сегодня вечером ты отправишься в город и найдешь там себе женщину, Бубба. Ей ты сможешь сделать ребенка.

Не волнуйся, когда дойдет до дела, ты разберешься что к чему.

Главное – побольше улыбайся, не бойся идти напрямик и смело заводи разговор о сексе. Думаю, что легче всего тебе будет подцепить красивую девушку в спортивном клубе «Ля Мираж». Вежливо представься, поговори с ней немного о том о сем, а потом так, невзначай, скажи: «Ты так прекрасна, что мне не терпится лечь с тобой в постель». Если она ответит «нет», поблагодари ее за приятную беседу, попрощайся и попытай счастье с другой девушкой. На самом деле это гораздо проще, чем представляет себе большинство мужчин.

От восторга и страха у Буббы часто забилось сердце.

– Это на самом деле так просто? – усмехнулся Кобб. – Жаль, что я не знал этого раньше. Как ты думаешь, Киско, они не станут спрашивать у него удостоверение личности?

– Ни одна женщина ни разу не просила удостоверение личности у Мэнчайла, а мой Бубба еще больший красавчик, чем его отец. В таких случаях женщины смотрят не на паспорт, а на одежду.

Киско улыбнулась и достала из кармана ленту-метр.

– Джиджи согласилась заехать к братьям Брукс и купить там тебе одежду, Бубба.

Вечером, как обычно заехав за Лютером, Джиджи привезла им сумку с обновками для Буббы. В сумке была розовая рубашка-оксфордка, дорогой костюм из чистой шерсти и мягкие кожаные туфли, носки в полоску, симпатичные узкие трусики и модный имиполексовый галстук. По сути дела, это была первая нормальная одежда Буббы. Он сбросил с себя свои старые обноски, из которых давно вырос, выкупался в поилке для лошадей и облачился в новенькую пару. Костюм был серый в микроскопическую черную клетку, редко продернутый ярко-красной ниткой.

– Ого, а парень-то выглядит на все восемнадцать, – восхищенно заметил Кобб. – Я точно говорю.

Он подошел к Буббе и помог ему завязать галстук. Киско достала свою расческу и пригладила Буббе волосы, потом открыла сумочку и самую малость подвела ему глаза.

– Ты красавец, как с картинки, – сказала ему она и запечатлела на его щеке долгий горячий поцелуй. – Надевай пальто, перчатки и шарф – и ты готов, дорогой.

Голос у мамы был очень странный.

Бубба надел новенький плащ из золотистого пеноплена.

Неожиданно по щекам мамы побежали слезы.

– Ступай, Бубба, пока я совсем тут не расклеилась. Когда доберешься до конца Пятой улицы, поверни налево и окажешься в центре города: «Ля Мираж» находится на углу Второй улицы и бульвара Мухаммеда Али. Я буду… – Мама закрыла лицо руками и разрыдалась.

Бубба почувствовал, что из его глаз тоже вот-вот побегут слезы. Он повернулся и взглянул на Кобба.

– Вы с мамой останетесь здесь?

Кобб покачал головой.

– Нет, вместе нам оставаться нельзя. Легавые охотятся за тобой, но мимо меня и Киско они тоже не пройдут. Наверняка нас уже видели здесь, и копы не заставят себя долго ждать.

Когда ты уйдешь, мы и Киско направимся к Индианаполису и постараемся отвлечь внимание на себя. Там мы и разбежимся – я, пожалуй, подамся во Флориду, а она решила ехать в Нью-Йорк. Знаешь что, я тут, кажется, придумал, как организовать тебе удостоверение личности.

Кобб аккуратно оторвал от своей кожи прямоугольный кусок имиполекса.

– Вот тебе карточка. Только что ты здорово разбогател – теперь на твоем счету лежит сто тысяч.

Бубба взял пластиковый прямоугольник в руку и рассмотрел его. На карточке, в которую превратился имиполекс, имелась его фотография и значились имя и дата рождения: «Буффорд Киско Андерсон. Родился: 26 января 2010 года». Что означало, что ему двадцать один год. Что ж, через неделю ему действительно исполнится столько, день в день.

Они уже вышли из конюшни и стояли на мерзлом гравии во дворе. Вокруг быстро темнело.

– А сколько лет вам, дядя Кобб?

– Первый раз я появился на свет 22 марта 1950 года. Если брать эту дату, то мне сейчас восемьдесят. Мне очень много лет, хотя я не знаю даже, как это объяснить тебе, который каждый день взрослеет на год. Тебе трудно будет это понять, потому что при таких темпах ты догонишь меня, гм.., к 16 апреля. Дай Бог, чтобы тебе удалось дожить до таких лет.

Надеюсь, ты не собираешься создавать никаких новых сект?

Бубба вытер лицо рукавом своего плаща, материал которого напоминал блестящую кожу. Его голова была полна новым Знанием.

– Нет, у меня другие планы. Заведу себе дюжину детей, а те родят мне сотню внуков и несколько тысяч правнуков. Бог даст, к июню нас здесь станет миллион. Вот тогда можно будет поговорить и о новой религии!

Кобб кивнул, словно знал это и так, но на лице Киско мелькнуло удивление.

– Зачем тебе так много детей, Бубба? Так скоро вся наша планета покроется шустрыми голодными пацанами. Что тогда будет?

– Ничего страшного, пусть действует, – отозвался Кобб. – Когда бопперам откроется дорога, они найдут способ нейтрализовать гибберлин и наплодить ребятам девчонок.

– Я буду скучать по тебе, мама, – сказал Киско Бубба, протягивая к ней руки и пытаясь обнять.

Она поспешно оттолкнула его, чуть сильнее, чем это могло показаться необходимым.

– Иди, Бубба. А то мы так простоим здесь всю ночь – не дай Бог Гимми нагрянут.

На прощание она погладила Буббу по щеке.

– Ты хороший мальчик. Что бы ни случилось, я горжусь тем, что я твоя мать.

Сделав несколько шагов, Бубба повернулся и оглянулся на Киско и Кобба.

– Будьте осторожны, хорошо?

Кобб махнул ему рукой: иди, мол.

– Не волнуйся за нас, воробушек. Мы, предатели расы, крепкие ребята. Нас голыми руками не возьмешь. Мы с Киско приберемся на чердаке, потом достанем где-нибудь машину, и поминай как звали. Все в порядке. Помоги своему кузену Вилли, если вдруг представится возможность.

* * *

Уже совсем стемнело и машин на улицах почти не попадалось. Отыскав Пятую улицу, Бубба свернул на нее и быстро зашагал к центру города. Поначалу в непривычных ботинках он чувствовал себя довольно неловко, в особенности там, где тротуар обледенел. Проходя мимо домов, Бубба тут и там заглядывал в освещенные окна, за которыми люди сидели за ужином вокруг столов. Не прошло и часа, как в животе у него заурчало. На пути ему попалось несколько полупустых грильбаров и закусочных, но ему не понравилось внутри и он не стал в них заходить. Впереди, рядом с тем местом, где еще теплился серый призрак заката, небо было освещено яркими огнями города. Уставившись в тротуар, он быстрее зашагал вперед к свету.

Наконец улица вывела его к широкому проспекту, где движение еще было оживленно. Холодало, и он здорово замерз, в особенности мерзли щеки и нос. Резкий порывистый ветер продувал мостовую, где негде было укрыться, насквозь. Прохожих, кроме Буббы, не было видно вообще. Но рядом с ним, на углу Пятой улицы и Бродвея, за широкой, ярко освещенной витриной большого магазина он заметил человека. Бубба толкнул дверь и вошел погреться внутрь.

К нему тут же подошел мужчина, толстый и с красным лицом. Он был немного похож на Кобба, но совсем чуть-чуть.

– Привет, – сказал ему мужчина и протянул для пожатия руку. – Я Кусе Бэкингем. Могу я вам чем-нибудь помочь?

Зачем и когда люди жмут друг другу руку, Бубба знал.

– Я Буффорд Андерсон, – сказал он, крепко встряхнув Бэкингему руку. – Там так холодно и темно снаружи. И такой ветер.

Киско объяснила ему, что во всех случаях, когда он не знает о чем говорить, лучше всего заводить разговор о погоде.

– Вы, наверное, хотите позвонить и вызвать такси? – понимающе кивнул Бэкингем. – Или, может быть, присмотрите что-нибудь у меня? Папочка обещал вам машину в подарок?

Внутри магазина имелось несколько красивых новеньких автомашин, поблескивающих лаком. Бубба сообразил, что человек, к которому он попал, торгует машинами.

– Мой отец умер, – ответил он. – Но раньше у него был «дузер».

Рассказывая ему о Мэнчайле, Киско несколько раз упоминала о том, как ловко тот водил «дузер».

– Но отец умер. У вас есть «дузеры», мистер Бэкингем?

Запрокинув голову, Кусе Бэкингем театрально рассмеялся, словно они с Буббой были заправскими давнишними друзьями и теперь шутили друг с другом.

– Есть ли у меня «дузеры»? Спросили бы лучше, ест ли лягушка мух!

– Я не знал, потому и спросил, – ответил Бубба и поискал в кармане плаща карточку. – Могу я заплатить за машину кредитной карточкой? Мне уже двадцать один, я совершеннолетний, и дядя дает мне столько денег, сколько мне нужно.

Торговец машинами перестал смеяться и взял у Буббы его карточку. Потом посмотрел внимательно на Буббу, снова повертел в руках его карточку и опять поднял глаза.

– У меня как раз есть новенький «дузер», Буффорд.

Бэкингем повернулся и указал рукой на роскошную спортивную машину в глубине зала.

– Большое спасибо, мистер Бэкингем. Зовите меня, пожалуйста, просто Бубба.

– Конечно, конечно, Бубба, ты тоже можешь звать меня Кусе. Это «дузер» последней модели 2031 года, у него полный бак и цена вполне невысокая. Машина – зверь. Можешь пойти и посмотреть, а я пока разберусь с твоей карточкой.

Открыв дверцу машины, Бубба уселся за руль. Водить машину он умел – Знание рассказало ему, как это делается. Это было похоже на то, как если бы при виде машины он вдруг вспомнил то, о чем когда-то забыл. Спортивный автомобильчик был выше всяких похвал. Судя по спидометру, он мог развивать скорость до 200 миль/час. Сиденья были обтянуты натуральной кожей, а приборная доска отделана деревом.

Через несколько минут у машины появился Кусе Бэкингем и присел на корточки перед Буббой.

– Все в порядке, мистер Андерсон, банк подтвердил ваш кредит. Ну что, вам понравилась моя малышка?

– Я возьму ее.

Через несколько минут, после того как необходимые бумаги были подписаны, Кусе выкатил машину на стоянку своего магазина. Бубба уселся за руль, Бэкингем махнул ему рукой, и «дузер» помчался по Бродвею.

Пятая улица, Третья улица, Вторая улица, поворот налево.

Мейн-стрит, Честнат-стрит и, наконец, бульвар Мухаммеда Али. Большой каменный дом на углу, поворот направо. Большая яркая вывеска, вся в разноцветных огнях: "Спортивный клуб «Ля Мираж». Рядом с клубом трехэтажный гараж. Тут можно будет оставить машину. Теперь нужно запереть дверцу и положить ключ в карман. Все, он готов.

По широкой мраморной лестнице Бубба поднялся к дверям клуба «Ля Мираж». Был субботний вечер, и народу внутри оказалось много. Все без исключения посетители клуба, и мужчины и женщины, и черные и белые, и старые и молодые, были одеты чрезвычайно элегантно и выглядели очень изящно. На многих были вечерние туалеты, но были и спортивные пиджаки. Портье у дверей вежливо попросил взглянуть на карточку Буббы, и молодой человекобоп был допущен внутрь.

– Могу я попросить ваш плащ, сэр?

Из широкого прямоугольного проема в стене Буббе улыбнулась молодая, очень красивая, стройная и длинноволосая девушка. Он заметил, что за спиной девушки во много рядов висят пальто и плащи.

– Да, конечно, – отозвался Бубба. – Вот, пожалуйста.

Сбросив с плеч свой блестящий плащ, он протянул его длинноволосой красавице. Приняв у Буббы плащ, та улыбнулась, грациозно повернулась, повесила плащ на свободные плечики, повернулась обратно и улыбнулась опять.

– У вас красивый галстук, сэр.

У девушки было одухотворенное и очень правильное лицо и полные, чувственные губы. Плавная линия спины и длинная шея придавали ей вид уверенной в себе и все время готовой к нападению хищницы.

– Спасибо. Меня зовут Бубба. А вас?

– Кери. Вы тут недавно у нас?

– Да.

Бубба глубоко вздохнул и наклонился к девушке.

– Вы очень красивая и мне хотелось бы лечь с вами в постель.

– Я понимаю вас, – отозвалась Кери. – Но, к сожалению, мой парень собрался сегодня вечером сделать то же самое.

Весело рассмеявшись, она ласково сказала, заметив выражение почти детской обиды, появившееся на лице Буббы:

– Чил-аут холл и ресторан сразу же за дверью налево, сэр, а гимнастический зал наверху. Надеюсь, там вам повезет больше. Желаю удачи!

Бубба глуповато улыбнулся, повернулся и прошел в великолепное фойе, с высокими лепными потолками, мраморным полом и отделанными дубовыми панелями стенами. Наверное, он слишком мало внимания уделил промежуточной части разговора, той, про которую мама сказала: «поговори о том о сем». Или, что более вероятно, девушки типа Кери просто были не в его весовой категории. Ведь в конце концов ему было всего тринадцать.

Он вошел в чил-аут холл «Ля Мираж» и остановился на входе. Его сознание поспешно провело обзор Знания на предмет ближайших аналогий. «Выставка», «Музей Робототехники Диски», вот что прежде всего приходило на ум. Тут и там у стен холла в креслах перед небольшими устройствами на столиках сидели люди, что-то слушали или неотрывно смотрели в экраны. Головы некоторых из сидящих были полностью скрыты под шлемами.

– Добро пожаловать, сэр, – обратился к нему молодой человек во фраке. – Вы у нас впервые?

– Да. Я голоден.

– Очень хорошо, сэр, обед будет подан вам через двадцать минут. Столик на одного или на двоих?

Бубба оглядел чил-аут и отметил, что тут имеется предостаточно одиноких женщин.

– Столик на двоих, – ответил он фрачнику. – Вам нужна моя карточка?

– Нет, только ваше имя, сэр.

– Буффорд Киско Андерсон.

– Прекрасно, большое спасибо. Вам придется немного подождать, а пока к вашему распоряжению все имеющиеся здесь у нас замечательные стимулирующие и возбуждающие компьютерные приспособления. Вам знакомо их устройство или нужна помощь?

– Если можно, поясните немного.

– Конечно. Советую вам начать с твист-бокса. Твист-бокс устанавливает обратную связь с вашим сознанием и определенным образом искажает визуальное восприятие. Совсем недавно мы стали приобретать эти устройства в Эйнштейне и они еще не очень известны широкой публике. Настоятельно рекомендую попробовать. Кроме того, я могу предложить вашему вниманию имеющиеся в нашей обширной библиотеке цефаскопкассеты. Очень советую посмотреть совсем новую

кассету, только на этой неделе выпущенную нашей местной медиа-звездой Вилли Тэйзом. Насколько я понимаю, вы нездешний, но я уверен, что вы тем не менее наверняка слышали о шумном процессе в связи с провокацией, устроенной бопперами? Вилли был арестован в доме своих родителей как раз тогда, когда он заканчивал работать над записью этой кассеты. Первая часть была создана им под впечатлением убийства Мэнчайла, которому он оказался свидетелем. По решению дирекции «Ля Мираж» часть дохода от проката этой кассеты будет передана в Общественный Фонд Защиты Тэйза.

Бубба постарался не выдать своего интереса, а фрачник тем временем продолжал:

– Обед будет подан вам и вашему спутнику в numero trois, я же еще могу порекомендовать вам наш Инвентер Ландшафтов Сознания – лучший на сегодняшний день легальный образец средства получения безопасных наркотических ощущений.

Ослепительно улыбнувшись Буббе, молодой человек поспешил заняться следующим посетителем.

Отыскав свободное кресло, Бубба опустился в него. Зал был разделен на две половины – свет в чил-ауте, где сейчас находился он, был притушен, в то время как другая половина, в которой стояли столики, была освещена. За многими столиками сидели и обедали люди, некоторые резали ножом стейки и отправляли кусочки в рот, другие отведывали дары моря. В животе Буббы снова заурчало. Страдая от голода, он грустно оглянулся по сторонам и заметил невдалеке от себя темнокожую женщину, тоже рассматривающую его из своего кресла.

Женщина смотрела на него сквозь некое подобие лорнета, длинную ручку которого она держала в руке. Твист-бокс.

Улыбнувшись незнакомке, Бубба помахал ей рукой. Широкие, прекрасно очерченные губы негритянки улыбнулись ему из-под лорнета. Бубба поднялся и подошел к ней.

– Привет, меня зовут Бубба Андерсон.

Начав разговор, он сразу взял самый уверенный тон. Ничего не ответив, темнокожая женщина склонила голову к плечу, продолжая смотреть на него через твист-бокс.

– Я один, – улыбаясь, продолжил Бубба. – Вы не хотите поужинать со мной? Поговорить о том о сем?

Негритянка наконец отняла твист-бокс от глаз и взглянула на него в упор. Ее глаза были большими, с приятного оттенка белками и необычайно расширенными зрачками, вокруг которых почти не оставалось радужки. Насмотревшись на Буббу, негритянка одарила его новой улыбкой.

– Кимми, – проговорила она низким голосом и протянула ему

руку ладонью вниз.

Осторожно взяв руку чернокожей незнакомки, Бубба наклонился и легко прикоснулся к ее пальцам губами.

– Какое чудесное имя. Вы разрешите мне посмотреть в ваш твист-бокс?

– Прошу вас.

Усевшись в соседнее кресло, Бубба взял ручку лорнета, поданного ему негритянкой. Из рукоятки твист-бокса тянулся тонкий гибкий провод и исчезал в полу. Бубба приложил Окуляры твист-бокса к глазам и посмотрел на Кимми.

Лицо, которое он увидел перед собой, словно сошло с экрана мультипликационного фильма. Струящиеся по волосам Кимми бусины мягкого цвета обтекали ее обнаженные плечи, кружились около щек и стремились к губам. Он опустил твист-бокс ниже вдоль лилейного изгиба ее шеи к груди, вздымающейся под низким лифом розового шелкового вечернего платья без бретелек. Внезапно шелк платья растаял, открыв великолепие форм Кимми, и Бубба почувствовал, как отчаянно у него забилось сердце. Его взгляд скользнул еще ниже, по мягкому темному всхолмию живота к покрытому крутыми завитками таинству лона. Он смотрел на нее и Знал.

Период Кимми соответствовал наилучшему моменту для зачатия. Член Буббы напрягся.

– Хорошенького понемножку, дорогой Бубба, – проворковала Кимми и выхватила из его пальцев ручку твист-бокса, – Тебе еще рано засматриваться на сладенькое. Признайся, ты пришел сюда со старшим братом?

Кимми говорила почти в точности как Джиджи.

– Нет, – ответил Бубба. – Я тут впервые, – добавил он неуверенно. – Сегодня на улице так холодно, не правда ли?

Холод и ветер ужасный.

– Ну что ж, прежде чем наступит лето, всегда бывает зима;

Итак, ты приглашаешь меня на ужин?

– Да.

– Я согласна. Но каждый платит за себя, чтобы потом не было проблем. Сдается мне, что я могу купить тебя и продать, Бубба-душка.

– Хорошо, как скажешь, Кимми. Ты уже смотрела новую пленку Вилли Тэйза? Говорят, там есть что-то про Мэнчайла;

Кимми улыбнулась и вместо ответа сама задала ему вопрос.

– Ты интересуешься Мэнчайлом, Бубба? Как, по-твоему, его правильно убили?

– Сам я его ни разу не видел. Но думаю, что в том, что он говорил, есть смысл. Бопперы хотят жить вместе с людьми, и они

имеют на это право.

Кимми сухо улыбнулась.

– Но кто даст нам гарантию, что роботы не испортят наши гены настолько, что раса человека просто вымрет? Может быть, именно этого они и хотят. Мне симпатичен тот новый эгалитаризм, который проповедовал Мэнчайл, но мужчина, за неделю оплодотворяющий десять женщин, вызывает у меня сомнения. И эти дети Мэнчайла, появляющиеся на свет через девять дней, все это настораживает.

Кимми внимательно посмотрела на Буббу. Неужели она догадалась, что он человекобоп? Кто она такая – агент Гимми? В животе у Буббы снова сильно заурчало. Чтобы скрыть смущение, он взял, не глядя, одну из цефакассет, вложил ее в плейер цефаскопа и надел на голову троды, представляющие собой эластичную ленту с металлическими контактами. Как только троды оказались у Буббы на голове, плейер включился сам собой.

Бубба ощутил во всем теле в разных местах покалывание, словно цефаскоп знакомился с его нервной системой и проверял ее активность. Затем последовали серии разрозненных звуков и цветовых пятен, после чего комната внезапно исчезла, словно разлетелась на куски. Перед ним появился симпатичный располагающий к себе мужчина и заговорил с заметным южным акцентом:

– В своей жизни я встречался с разными людьми, с черными и желтыми, но у всех них я видел одно и то же – любой человек желает своему ребенку добра. Как это просто, то, что поддерживает жизнь в расе, эта забота о своем ребенке. И у бопперов, которых вы ненавидите, все это тоже есть, все то же самое!

Изображение сменилось возбужденно гомонящей толпой.

Бубба почувствовал движение, происходящее помимо его воли, и вдруг понял, что присутствует в бурлящей толпе сам и из нее смотрит на сцену, где стоит Мэнчайл. Позади Мэнчайла в воздухе парили два боппера, тела которых блестели в лучах прожекторов, – одним из них был дядя Кобб! Толпа перед Буббой начала расступаться, растворяясь в розовом свете, который исходил из змеящихся в поле зрения линий, похожих на сетку глазных капилляров. Перед ним появилась и. куда-то шустро юркнула рыба. Откуда-то спереди доносился глухой рокот прибоя. Бубба понял, что он лежит лицом вниз на досках плота, качающегося на волнах. Довольно скоро волны выбросили его плот на песчаный пляж, невыносимо ослепительный под ярким солнцем. Из джунглей, начинающихся сразу за пляжем, к нему выскочила стая возбужденно гомонящих обезьян. Окружив Буббу,

обезьяны принялись теребить его за одежду, скаля крупные желтые зубы. Чтобы прогнать зверей, он махнул на них рукой и угрожающе закричал.

Но обезьян вокруг него уже не было, вокруг него уже кружились люди, он смотрел на них глазами Мэнчайла. Один из мужчин в толпе поднял бластер и направил на него. Ослепительный раскаленный луч ударил его в грудь и он погрузился в черное небытие. В непроглядной тьме появились несколько шустрых белых сперматозоидных головастиков и некоторое время сновали туда-сюда. Но вот один из головастиков разделился на две части, с другими произошло то же самое, новые части тоже начали делиться и постепенно из них сложилась некая конструкция, напоминающая логическую диаграмму древа выбора. По ту сторону решетки диаграммы снова появились обезьяны; он был пленником, а древо выбора – его клеткой. Монотонный мужской голос принялся диктовать ему на ухо какие-то цифры, и руки Буббы, послушные этим цифрам, без его участия стали двигаться взад и вперед, совершая движения, как при вязании спицами. Пока руки трудились, его взгляд не переставал метаться по разветвлениям прутьев клетки-древа – где-то здесь должен был быть выход, но он никак не мог его отыскать… В Буббе зародилось странное ощущение, что происходящее перед его глазами имеет какое-то отношение к нему, и только к нему, словно бы за всем этим мельканием скрывался какой-то удивительный зашифрованный смысл, адресованное ему послание, но ухватить этот смысл он не успел, потому что изображение начало таять и дробиться, как на экране виззи. Когда перед ним появилось лицо женщины-диктора, он даже вздрогнул от неожиданности.

– Предлагаем вашему вниманию обзор важнейших событий, случившихся к вечеру сегодняшнего дня, 9 февраля 2031 года. Главное событие дня: полчаса назад известные преступники, скрывающиеся от правосудия, Кобб Андерсен и Киеко Ливайс, были убиты в Кентукки в районе шоссе 176 в кровавой перестрелке с силами поискового армейского подразделения. При задержании преступников несколько солдат были ранены и двое из них сейчас находятся в критическом состоянии.

Бубба потряс головой и крепко закрыл и открыл глаза. Не картинка виззи не исчезла. Худощавая дикторша продолжала быстро говорить, словно строчила из пулемета, а на экране тем временем появились фотографии Киеко и дяди Коббз.

– Останки петафлоп-боппера, носителя софт-системы Кобба Андерсона, были отправлены на Луну в Эйнштейн, где в лаборатории ОСЦС намечено произвести их обследование я

демонтаж. Тело Киеко Ливайс перевезено на аутопсию в госпиталь Хьюмана, где имеются средства биологического обеззараживания. Совсем недавно поступило заявление от владельца автосалона в Луисвилле, мистера Кусса Бэкингема, который утверждает, что видел сегодня сына мисс Ливайс, последнего из оставшихся в живых девятидневных детей Мэнчайла. По описанию мистера Бэкингема, сыну мисс Ливайс на вид лет шестнадцать-семнадцать, у него темные волосы, рост пять футов шесть дюймов, он представляется как Буффорд Киеко Андерсон. По мнению властей, беглец скорее всего вооружен и очень опасен. Представитель корпорации ОСЦС предложил сто пятьдесят тысяч долларов тому, кто доставит им тело сына Мэнчайла, в то время как силы Гимми получили приказ стрелять без предупреждения. Я передаю слово Брэду Куртову, который ведет прямой репортаж с места кровавой стычки на шоссе 176 в сорока милях к северу от Луисвилля.

Бубба сорвал с головы троды цефаскопа. Пленка давно кончилась и все, что он только что видел, демонстрировалось на экране виззи, стоящем напротив него. Мама и дядя Кобб убиты. Он вскочил на ноги и вздрогнул, почувствовав, что кто-то дотронулся до его руки.

– Куда ты собрался, красавчик? Что, не понравилась пленка?

Он взглянул вниз и увидел рядом с собой чернокожую женщину, как ее… Кимми.

– Я.., мне нужно идти.

– Может быть, я могу чем-нибудь помочь тебе, Бубба?

– Я никому не могу доверять. Никому из вас.

Не сказав больше ни слова, он быстрым шагом пересек холл, потом выскочил в фойе, а оттуда на улицу, забыв забрать из гардероба плащ. Только на улице он вспомнил, что в кармане плаща у него остались ключи от машины. Но если Кусе Бэкингем уже рассказал об их встрече полиции, то рядом с машиной ему появляться опасно. Откуда-то издали донесся вой быстро приближающихся сирен. Бубба сорвался с места и изо всех сил бросился бежать прочь от сирен. Сверху донесся стрекот вертолета и по улице зашарили узкие лучи мощных прожекторов. Бубба торопливо свернул в узкий переулок и опять понесся вперед.

Целый час он бежал переулками, шарахаясь от фар встречных машин, ныряя в подворотни и темные углы, как только в непроглядном небе появлялись стремительно мечущиеся щупы вертолетных прожекторов. Уже совсем выбиваясь из сил, он наконец увидел перед собой свалку, находящуюся на окраине города на берегу реки Огайо. Ворвавшись на свалку и упав на

сиденье какой-то старой разбитой машины, он несколько минут ловил ртом воздух, пытаясь отдышаться. Биение его сильного и здорового сердца скоро успокоилось, но теперь, когда он остановился, до него начал добираться своими острыми и безжалостными когтями холод. Невероятный голод, который он испытывал, был самым сильным и мучительным за всю его короткую жизнь. Поглядывая наружу через давно лишившееся стекла окошко машины, он заметил, что где-то неподалеку от него, на другой стороне свалки, мерцает свет костра. Выбравшись из машины, он принялся пробираться к костру, напряженно прислушиваясь и пугливо озираясь по сторонам.

Перед костром, сложенным из старых покрышек, спиной к Буббе сидела одинокая фигура. Затаившись в тени, Бубба долго рассматривал сидящего у костра человека, по всей видимости сторожа, раздумывая, что делать дальше. Сторож кутался в несколько грязных рваных одеял и смотрел виззи, точнее, несколько старых допотопных виззи сразу, установленных на старые деревянные ящики, каждое из которых было настроено на свой канал. Он был стар и слаб и справиться с ним ничего не стоило. Присмотревшись, Бубба понял, что сторож хорошо упитан и мясист. Сгорбившись во мраке в пяти шагах от костра, Бубба чувствовал, как его рот наполняется слюной. Пошарив вокруг и позади себя руками, он нащупал тяжелый металлический стержень. Ему мучительно хотелось есть. Пора было раздобыть себе еды.

Час спустя Бубба уже доедал правую ногу сторожа и подумывал приступить к левой. Одним ударом размозжив старику голову, он положил его, ногами на покрышку, жариться к чадящему едким пламенем костру. Как только мясо пропеклось, он легко оторвал ноги от тела, а торс оттащил подальше от света и спрятал. Обглодав первую ногу начисто до кости, Бубба передохнул, ощущая приятное насыщение. Теперь он сыт, но кто знает, когда ему придется есть в следующий раз? Он поднялся со стула сторожа и, повернувшись к огню задом, чтобы погреть спину, задумчиво посмотрел на вторую закопченную ногу. Первая нога плохо прожарилась с одной стороны; вторую ногу он жарил не торопясь, переворачивал несколько раз, по-всякому подкладывая к огню, и она наверняка приготовилась лучше.

Начинающийся сразу за рядами старых ржавых машин Лусвилль, на улицах которого раздавался вой сирен, а над домами стрекотали патрульные вертолеты, был похож на большой растревоженный муравейник.

Бубба подтянул к себе вторую ногу и принялся методично очищать ее от черной горелой корки. Он знал, что люди

относятся к каннибализму очень плохо, но какое теперь ему дело до их мнения, если они убили его отца, маму и дядю Кобба, словно чумных крыс. Знание подсказало Буббе, что среди бопперов, которые не брезгуют поживиться деталями из тел друг друга, каннибализм распространен достаточно широко. Почему бы ему не подойти с тех же позиций к людям? Ему нужен биологический строительный материал для своего тела, а что может быть лучшим источником такого материала, как не другое человеческое тело? Так он думал', успокаивая себя, потому что Знал, что убивать себе подобных плохо, и еще потому, что, умирая, старик издал такой печальный стон.

Переживания Буббы носили чисто абстрактный характер:

По большому счету вопрос стоял очень просто: он мог либо найти еду и выжить, либо умереть. Голод, что испытывало тело Буббы, в котором бурлил тестостерон и гибберлин, мог сравниться разве что с жаждой крови оборотня. Разломив ногу в коленном суставе, он впился зубами в сочную аппетитную икру. Он лакомился сладким мясом и нежился в тепле, и здесь, на свалке у костра, ему было очень уютно.

Времена идиллии в Черчилль-даун уже вспоминались им как далекое прошлое. В область воспоминаний уходило также и посещение автосалона и даже впечатления от клуба «Ля Мираж». Сознание Буббы было всецело обращено к настоящему и перебирало варианты дальнейших действий. Оставаться здесь не годилось, так как если его найдут на свалке рядом с полусъеденным трупом сторожа, то убить посчитают просто за честь. Кроме того, подобное могло бросить тень на всю расу бопперов и повредить Вере, которую принес сюда его отец.

Он следил за экранами полудюжины старых виззи, где на всех без исключения каналах обсуждались исключительно новости, связанные с ним и его близкими. Сообщение о перестрелке на шоссе и Куссе Бэкингеме передавалось снова и снова каждые несколько минут – обитатели растревоженного человеческого муравейника с наслаждением продолжали раздражать свои эрогенные рецепторы внешнего восприятия.

Лютер и Джиджи были арестованы. Вилли Тэйз должен был завтра предстать перед судом по обвинению в предательстве интересов человечества. Кимми Кэйрол, богатая светская леди, рассказывала о своей встрече с Буббой в «Ля Мираж». В Луисвилле был экстренно введен комендантский час; служба безопасности ОСЦС и силы Гимми объявили, что готовы стрелять без предупреждения.

Сверкая мечущимся во все стороны прожектором, над свалкой появился вертолет. Вертолет вынырнул из темноты так

стремительно, что Бубба едва успел броситься на землю и заползти на животе под стоящий неподалеку от костра старый пикап, очевидно, принадлежащий сторожу. Вертолет завис над свалкой, нацелив прожектор на костер. Остатки ужина Буббы валялись на самом виду – кости, целое бедро и большая часть недоеденной икры. Бубба запоздало пожалел о том, что взялся за еду, не сняв с ноги остатки сгоревшего ботинка; с ботинком икра выглядела особенно ужасно. Любой мог без труда разобрать, в чем тут дело.

БББББДБДБДБДБДББТКТКТКТК.

Сверху открыли автоматный огонь. Сидящие в вертолете люди палили по машинам наудачу, постепенно расширяющимися от костра кругами. Когда пули начали с чмоканьем впиваться в сиденья пикапа, Бубба сжался от страха. В несколько рывков он продвинулся чуть вперед под защиту мотора машины. В вертолете, очевидно, выбрали пикап своей мишенью и сосредоточили на нем весь огонь. Может, они стреляли просто так, а может быть, заметили его.

Свой костер из покрышек сторож развел на самом берегу Огайо. Пикап стоял носом к костру. Здесь, на крутом берегу, Бубба был весь на виду, но там, внизу под обрывом, у реки, он, может быть, сумеет укрыться и спрятаться. Быстро выскочив из-под машины, Бубба вцепился руками в передний бампер пикапа. От плотной еды у него существенно прибавилось сил. Упершись каблуками в мерзлый грунт, он принялся тянуть машину изо всех сил. Пикап стронулся с места и медленно покатился вперед, и когда до обрыва осталось каких-нибудь несколько дюймов, Бубба вскочил за руль. Набирая скорость и подпрыгивая на колдобинах, пикап устремился вниз. Вертолет стрелой спикировал следом, не переставая поливать крышу пикапа и землю вокруг него свинцом. Пробив ветровое стекло, пуля чиркнула по рулевой колонке и впилась Буббе в промежность.., ох.., и наконец… ТРАХ.., с громким треском пикап проломил лед и , камнем ушел под воду.

Вода напоминала ледяную темную смерть, но в то же время была спасением Тело Буббы наполнилось адренохромом, и огненная боль в его промежности быстро затихла Он сможет высидеть под водой несколько минут. Открыв дверцу пикапа и стараясь держаться в полуметре от поверхности льда, он поплыл вниз по течению.

Глава 12
ЭМУЛЬ

22 февраля 2031 гада

Настроение у Эмуля было паршивое, дальше некуда Все шло просто из рук вон, и тут, на Луне, и наверху, на Земле.

Береника погибла и всем было на нее наплевать, никто не торопился сделать ей новое тело. Эмуль попытался скачать систему Береники в вэнди, сделать то, о чем его возлюбленная все время мечтала, но у него ничего не вышло.

Неудача на Земле покрыла позором софт Береники и ни один боппер, даже чудаковатые сестры Береники из гидропонных ферм, не изъявлял желания помочь ему изготовить для нее новую оболочку, пускай даже в виде петафлопа. Задуманная Береникой программа-блицкриг слияния рас бопперов и людей провалилась, и провал этот имел самые неприятные последствия. После того как две недели назад исчез последний сын Мэнчайла, Бубба, бопперы остались у разбитого корыта.

Береника пыталась претворить свой план в жизнь на свои страх и риск, несмотря на то что Эмуль пытался втолковать ей все грозящие опасности после того, как она обратилась к нему с просьбой послать его плотти, Кена Долла, в Эйнштейн с поручением поместить созданный Береникой зародыш в утробу Деллы Тэйз. План Береники включал в себя следующие основные пункты: (1) Создание живого совместимого с человеком эмбриона, будущего сциона Береники, Мэнчайла. (2) Биологическое программирование ДНК эмбриона на повышенное производство плазмида гибберлина для ускорения роста, развития и сексуальной активности сциона. (3) Занесение программным путем в ДНК эмбриона Знания – объема жизненно необходимых сведений, состоящих из нескольких терабит собранной Береникой инфо, касающегося Земли и Луны, а также ее напутствий сциону. Включая в себя часть сознательного восприятия мира в представлении боппера, Знание должно было выступать в роли гормонально управляемого справочника, предназначенного компенсировать дефицит эмоционального опыта быстроживущего сциона. Далее:

(4) Поместить созданный эмбрион в утробу женщины. (5) Заставить эту женщину лететь на Землю. (6) Развязать на Земле гражданскую классовую войну, для чего сцион Мэнчайл должен был зачать обильное потомство, объявить о создании нового

религиозного культа и погибнуть от руки человека. (7) Дождаться, когда под прикрытием начавшегося хаоса дети Мэнчайла произведут свое потомство во всех уголках Земли, На заключительном этапе, сражающиеся плечом к плечу с восставшими притесненными слоями человечества, Человекобопы должны были приветствовать прибытие на Землю настоящих бопперов!

План дал первую трещину, как только Мэнчайл появился перед широкой публикой. И хотя некоторая часть населения Земли, наиболее радикально настроенная, выказала горячую симпатию идеям Мэнчайла, ее разрозненных сил не хватило для поднятия серьезного бунта, тем более что довольно скоро все основные радикалы-активисты были спешно нейтрализованы и помещены за решетку. Столь крутые меры Гимми оправдывало тем, что Мэнчайл, его девятидневные дети и последователи его учения своими планами слияния с бопперам представляют чрезвычайно серьезную социальную угрозу.

Пропагандистская же война, начало которой было положено Мэнчайлом, была окончательно проиграна после того, как создания из плоти прослышали о том, что голодный Бубба сожрал одного из их братьев-бездельников – развязка в стиле барокко, типично в духе Береники. Если бы после этого людям удалось найти Буббу или хотя бы его тело, то они наверняка разорвали бы его на куски.

Хотя со дня столь неудачной развязки минуло уже два дня, сеть ОСЦС продолжала бить в барабаны антибопперской пропаганды. Съеденный Буббой бездельник, какой-то сторож со свалки или кем он там был, превратился в героя-мученика за человеческую расу; фотографии его жирной физиономии мелькали во всех газетах, о нем уже писали романы и ставили пьесы; его звали Джимми Доан.

Слова «Пора отомстить за Джимми Доана» стали любимыми у людей, наряду с риторическим вопросом: «Во сколько роботов можно оценить жизнь Джимми Доана?». По мнению Эмуля, паршивый сторож не стоил и одного старого гигафлопа без мерц-покрова, но люди не интересовались ни его мнением, ни мнением других бопперов.

О том, какими были истинные побуждения усиленно разжигающей ненависть к бопперам ОСЦС, Эмуль догадывался.

В общем и целом ОСЦС можно было сравнить с одним большим боппером старого типа, владеющим многими телами. По его предположениям, за шумихой ОСЦС стояли чисто деловые мотивы. Взять хотя бы то, что нагнетаемая истерия резко повысила число зрительской аудитории каналов ОСЦС. Или то,

что после того как доступ бопперов на Рынок стал строго ограниченным, в результате чего цены на товары, производимые бопперами, естественно, мгновенно взлетели, на этом нажился не кто иной, как та же ОСЦС, обогатившаяся, скупая у бопперов товар через своих посредников. Второе имело более скрытную форму, но все же…

Самые горячие головы на Земле поговаривали о том, чтобы эвакуировать с Луны Эйнштейн и заняться планомерным уничтожением обитающей в Гнезде заразы. Но на этот счет Эмуль был спокоен – ОСЦС ни за что не пожелает расстаться с Луной, где загребала деньги лопатой. Бопперы были чересчур выгодными партнерами, чтобы истребить их всех поголовно просто так за здорово живешь. Еще не совсем спустившиеся с деревьев человеко-обезьяны слишком любили игрушки, на которые бопперы были замечательные выдумщики, и готовы были покупать эти игрушки без конца.

Отказавшись от глобальных акций в отношении места обитания бопперов, в течение прошедших недель люди все же предприняли несколько демонстрационных вылазок, послав к Гнезду подразделения коммандос. Каким-то образом людям удалось найти потайной ход к магазинчику «Игрушки малышей-шалунов», и Эмулю пришлось не без сожаления взорвать его, причем перед этим были убиты двое его любимых плотти. Банда панков под предводительством мужа Дарлы, Уайти Майдола, ворвалась в магазинчик и застрелила Радужку и Берду на месте. Радужка и Берду работали на Эмуля несколько лет и были его самыми лучшими плотти, его гордостью. С их помощью ему удавалось выручать приличные деньги. Через глаза Радужки и Берду он был свидетелем их убийства. Плотти пытались спастись и отчаянно сражались за свои жизни, но без его помощи им мало что удалось сделать.

Предупредить Радужку и Берду и оказать им действенную помощь он не мог, поскольку в последнее время испортились или стали ненадежными линии коммуникаций, причем все сразу; впечатление было такое, что все оборудование одновременно решило вдруг выйти из строя. Майдолу удалось уйти безнаказанным, хотя Эмуль и взорвал тоннель, как только панк туда вошел, и это тоже не поднимало ему настроение.

Майдолу просто повезло – в момент взрыва он оказался в мертвой зоне и его даже не задело осколками. Да, беда не приходит одна, и если раз все начинает валиться из рук, то обычно конца этому не видно.

Другой головной болью Эмуля был потешный детектив Муни, которого месяц назад он нанял, чтобы тот помог ему выкрасть

Дарлу. В вечер похищения, по совершенно необъяснимым причинам, Муни подверг себя частичной правосторонней лоботомии, установил себе в голову совместимый с крысой нейропереходник и, позвонив Эмулю с Рынка, объявил, что добровольно готов стать его плотти. Муни был силен и здоров, левая доля его мозга работала превосходно, и Эмуль не смог отказаться от такого заманчивого предложения. По-видимому, объяснением тут могла служить слишком бурная реакция Муни на данное ему Эмулем обещание относительно вэнди, и по прибытии в Гнездо он начал приставать к Эмулю с совершенно безумными расспросами, твердо убежденный в том, что где-то здесь существует община компактно проживающих плотти, называющаяся «Приют Счастливых», хотя в действительности плотти в Гнезде владели только считанные бопперы, преимущественно из кругов, связанных с торговлей Дрейком и амином. Однако совсем потерявший ориентировку Муни словно спятил и его невозможно было в чем-то вразумить. Муни позвонил Эмулю в прошлом месяце, представившись другом Кобба Андерсона, и предложил свои услуги в обмен на целую вэнди. Сейчас Эмуль тоже с готовностью нанял Муни, хотя с тем не все было чисто – например, он нигде не мог найти в архиве «ока бога» записей, из которых можно было узнать, чем Муни занимался остаток того дня, после того как Дарла плеснула на него сливом в своей комнате в Мяу. Поставив Муни крысу, Эмуль из предосторожности решил продать его Елене, тяжеловесной сестре Береники из гидропонной фермы, в танках у которой всегда имелась работа для созданий плоти. На сделке с Еленой он неплохо заработал, хватило на четыре баллончика дрейка; Муни же, как казалось, был счастлив и доволен исходом дела больше всех – дни напролет он возился с вэнди, которую дала ему Елена; все как будто закончилось хорошо, но тем не менее Эмуль не знал покоя. Что-то здесь было не так.

Оторвавшись от тревожных размышлений, Эмуль вернулся к реальности и оглядел свою лабораторию. Лаборатория представляла собой вырубленную в камне прямоугольную комнату с низким потолком размером сорок футов на двадцать. Половина лаборатории была занята оборудованием и термобоксами Узера, который там мастерил свои поделки из мерц-покрова. С недавних пор Узер, знаменитый дизайнер мерц-покрова, с головой ушел в решение новой задачи – он пытался создать гибкий компьютер с производительностью петафлопа. Многие изделия из мерц-покрова имели в себе встроенные процессоры и достигали уровня петафлопа, хотя и не могли именоваться чисто гибкими компьютерами – в то время как Узер

был твердо уверен в том, что существует возможность наделить мерц-покров самостоятельными логическими способностями, независимыми от процессоров с джитриггерами или оптоволоконных. Упорно продвигаясь к поставленной цели, по ходу дела Узер создал, например, такие вещи, как килофлоп свитер-сердечко и «умная» кинетическая бомба, пользующиеся хорошим спросом у людей.

В половине зала, где располагался Эмуль, находился угол, герметично забранный панелью из бронестекла. Внутрь застекленного помещения вел шлюз. За стеклянной панелью сейчас обитала Дарла – большую часть дня она валялась на кровати и смотрела виззи. Разделяя настроения большинства людей и вообще раздраженная беременностью и бездельем, она постоянно устраивала Эмулю сцены. Не далее как вчера после скандала по пустячному поводу она пригрозила Эмулю, что будет бросаться животом вниз с кровати на пол до тех пор, пока не выкинет. Целый час Эмулю пришлось увещевать ее и успокаивать. Кончилось тем, что он пообещал отпустить ее пораньше до родов, если она пообещает ему сразу же улететь на Землю. Теперь ему нужно было продумать детали предстоящей отправки Дарлы на Землю, и он честно пытался собраться с мыслями, но у него ничего не выходило. В последние дни у него вообще не было настроения работать; он подозревал у себя какие-то серьезные проблемы с «железом» и очень тревожился по этому поводу.

Усиливающиеся неполадки с «железом» заставляли его забыть о многом – о Дарле, Муни, Уайти Майдоле, о пропагандистской войне ОСЦС и даже о Беренике. В один прекрасный день в недрах его системы родился странный посторонний шум, какое-то тихое жужжание. Поначалу он отнес это на счет дрейка и, собрав волю в кулак, заставил себя отказаться от посещений заведения близ Храма Единственного.

Но жужжание не прекратилось и со временем усилилось, сделавшись совершенно невыносимым. Тогда он решил, что во всем виноват его мерц-покров, и, зачистив кислотой корпус, заново весь покрылся имиполексовым Плащом Счастья, из последних моделей, произведенных Узером. Но и это не помогло ему избавиться от жужжания. Насколько он смог в этом разобраться, назойливый звук происходил из центрального процессора, возникая там по причине разрегулировки систем инвертивного поведения. Первичные симптомы были весьма тревожными – все чаще и чаще в мыслительные процессы Эмуля вторгались чужеродные всплески высокочастотного шума. Он по-прежнему способен был мыслить со скоростью в сто относительных шагов в секунду, но в результате помех

эффективность и проницательность мышления существенно ослабла. Ему пришла пора серьезно подумать о новом теле – в этом не было никаких сомнений.

Замерев у стены своей лаборатории, Эмуль отдыхал – его тело представляло собой КЖГ куб с несколькими начерно сформированными манипуляторами и стебельками сенсоров.

На полу перед ним стоял его рабочий стол-пульт, заключающий в себя коммуникационный терминал и вспомогательное запоминающее устройство – почти то же самое, стойку с папками-файлами и компактами можно найти в кабинете любого бизнесмена.

В специальных ячейках его рабочего стола хранились четыре драгоценных инфокуба: коричневый, красный, зеленый и золотой. Инфокубы были специальной конструкции, предназначенной для архивации системного софта бопперов, чрезвычайно прочные и долговечные. В первых двух кубах хранились системы самого Эмуля и Узера, самой последней версии, скопированной не далее как вчера. В третьем кубе находилась система Ккандио, подруги Узера, доброй и отзывчивой бопперши, управляющей Эфирнетом, с которой тот произвел на свет уже двух совместных сционов. И наконец, последний, самый дорогой и любимый инфокуб, содержал систему Береники. Записанную в этом инфокубе копию Эмуль слил с собственной системой, использовав получившееся программное обеспечение при создании эмбриона девочки, который потом поместил в утробу Дарлы. Беренике было нужно новое тело, и он рассчитывал построить для нее новый петафлоп, но сейчас дела обстояли так, что ему, Эмулю, следовало в первую очередь подумать о теле для себя.

Посылая запросы в стол-пульт и принимая ответы, он медленно проверял один за другим отделы своей памяти, внешней и внутренней: режим текущего состояния мерц-покрова, наследственные характеристики ОЗУ, хеширование собственного реального времени, режим общедоступного «ока бога», режим его собственного «ока бога», историю маршрутной схемы, все детализированные и обременительные заметки и рассуждения, которые тяжело было носить при себе и которые он сбрасывал в запоминающее устройство своего стола.

Проверяя свои записи, он пытался найти ответ на один прямой и ясный вопрос: имеется ли у него возможность собрать в течение следующих двух недель экзафлоп-систему?

Два месяца назад, когда они с Узером закидывались дрейком почти каждый день, им казалось, что от создания экзафлопа их отделяет только один шаг. Трезво глядя сейчас на вещи, Эмуль понимал, что новое тело такого типа вполне могло оказаться

неэффективным или даже неработоспособным, поскольку базирующийся на новейших разработках в области квантовых биоклоновых систем сохранения информации экзафлоп в большой степени находился еще в стадии экспериментальных исследований. Закончив просмотр документов, Эмуль сделал безутешительный вывод: для доводки системы экзафлопа требовался по меньшей мере еще год. Проверив свой кредит, он с ужасом обнаружил, что денег в наличии у него осталось так мало, что, по сути дела, он вряд ли сможет позволить себе даже петафлоп, и репо-терафлоп есть самое большее, на что он сейчас может рассчитывать.

Его печальные размышления были прерваны шарканьем тяжело переваливающегося Узера, с трудом приковылявшего к нему со своей половины лаборатории. Остановившись перед Эмулем, Узер указал ему на свои термобоксы.

– Что-то случилось с имиполексом, Эмуль; прежде стойкое вещество теряет свои свойства и меняется само собой – не могу понять, в чем дело.

– У меня дела похуже, дружище Узер, мне кажется, что я медленно погружаюсь в болото ужасной смерти и жижа уже добралась мне до колен, – загробным голосом отозвался Эмуль. – Жужжание стало настолько назойливым, что мой думатель иной раз просто отказывается со мной знаться.

– Я не могу – некоторым образом я еще считаю возможным использовать термин «некоторым образом», – мне тяжело признаваться в этом, но я должен сказать тебе, что твое высокочастотное жужжание появилось и у меня тоже. Мне плохо, Эмуль. Мы больны, дружище, тяжело больны. И эта болезнь перекинулась и на покров тоже.

– Да, ты прав, это болезнь, заразная болезнь. – Внезапная догадка осенила Эмуля. – Это чума. Создания из плоти принесли чуму на наши головы.

Склонившись над своим столом-пультом, Эмуль торопливо сделал несколько звонков. Звездецу, хозяину дрейк-притона. Елене, которой три недели назад он продал плотти. Кроту по имени Крутец, который взялся прокопать для него новый проход в Эйнштейн. Подруге Узера Ккандио, знаменитому голосу Эфирнета.

И везде и всюду он получил одинаковый ответ. Все, с кем он разговаривал, жаловались на различную степень недомогания, у всех с были нелады с «железом» и, что самое страшное, всех донимало высокочастотное жужжание. Услышав, что не одни они страдают таким недугом, собеседники Эмуля сначала испытывали облегчение, а потом ужас, когда истинный смысл доходил до них,

Эмуль попросил Ккандио оповестить все Гнездо.

Когда Эмуль закончил переговоры, они с Узером задумчиво уставились друг на друга. Стол-пульт Эмуля барахлил, пульсируя сигнальными огнями и испуская в эфир бессистемные импульсы высокочастотного статического шума.

– Верный диагноз означает половину выздоровления, – сказал Узер, испуская из своего мерц-покрова тонкий гибкий отросток-щуп. Сформировав на конце щупа крестовину инструментов, он несколько минут трудился над креплениями рабочего стола Эмуля, снимая кожух и добираясь до чипов ОЗУ. – Помнишь, как живо со всем разобрался доктор Бэнвей: «Подать сюда того, кто делал этот анализ!» – Узер некоторое время продолжал копаться в недрах стола, бормоча себе под нос какую-то чепуху на своем бибоп-английском. – «Кто велел нести его на операционный стол, тогда как у него простой».., дьявол, Эмуль!

Ты только посмотри на это!

Выдвинув микроглаз, Эмуль приблизил стебелек к геометрическому построению плат с чипами. Все до одного квадратики чипов были разъедены и покрыты крохотными отвратительными наростами, похожими – он прибавил увеличение – на колонии микроорганизмов, а еще точнее… да, сомнений нет, на грибковую культуру, или, проще говоря, плесень. Да, именно такую плесень можно увидеть в чашках Петри. Чипы его рабочего стола, да и его собственные чипы наверняка тоже были заражены биологической инфекцией, грибком, крохотными желтовато-серыми плесенными наростами, кормящимися – Эмуль выпустил из манипулятора зонд и торопливо сунул его в самую гущу плесени – с частотой в тысячу циклов в секунду. Лукавые создания плоти, это их работа…

– Что ж, это многое подтверждает, например, то, что последнее время – да что там греха таить! – уже довольно давно, я нахожу свои мыслительные способности никуда не годными.., и потом, мерц-покров, он идет узлами, вот, Эмуль, сам посмотри.

Разворачиваясь, Узер задергался и чуть не упал.

Присмотревшись, Эмуль заметил, что его старого друга бьет безостановочная дрожь. Манипуляторы Узера уже не перемещались плавно, а двигались рывками, словно заржавленные, и того и гляди грозили остановиться совсем. Медленно добравшись до ближайшего термобокса, Узер осторожно достал из него широкий лист пластика и уронил его на пол. Только коснувшись пола, имиполекс мгновенно съежился, превратившись в миниатюрное подобие холма. Ничего подобного с изделиями, которые делал Узер раньше, никогда не происходило. Весь прежний мерц-покров был во всем послушен

воле его создателя: все, что покров мог позволить себе самостоятельно, не шло далее простого рефлекторного поверхностного рисунка. Мерц-покров мог изменять свой рисунок под влиянием внешних раздражителей, например прикосновений, света или сигналов, пропускаемых через его микрощупы. Но предоставленный самому себе, мерц-покров фактически оставался инертным. Но этот имиполексовый мерц-покров, который они видели сейчас перед собой, вел себя совершенно иначе: он был полупрозрачным и рисунки, которые передвигались не только по его поверхности, но и внутри структуры, имели поразительно сложное трехмерное построение. При недолгом рассмотрении можно было выделить источники, управляющие возникновением и изменением рисунков, – этими центрами были яркие, пульсирующие узелки внутри мерцпокрова – плесень!

Эмуль повернулся к своему другу как раз вовремя, чтобы увидеть, как странно тот внезапно задрожал. Сжавшись и втянув в себя все манипуляторы и сенсоры, Узер превратился в приземистый широкий цилиндр. Замерев на мгновение, цилиндр накренился и боком упал на пол, оставшись лежать неподвижно, очень напоминая собой нераскроенный рулон нового мерц-покрова, но не темный, а светящийся и весь усыпанный изнутри яркими точками. В ужасе Эмуль окликнул своего друга, но в ответ на свой сигнал не получил ничего, кроме ровного высокочастотного шума.

Неожиданно жужжание в нем самом сделалось невыносимо громким, завладев всем его существом и лишив любых понятий собственного "я". Чем напряженнее он пытался найти вновь и обрести себя, тем мощнее и злее становилось жужжание. Он взглянул на свое тело и увидел на его мерц-покрове созвездия ярких точек плесени.., стремительно высасывающих энергетический сок из его бата-р-р-р-ей.., п-о-г-р-уж-а-я е-г-о в т-е-м-н-о-т-у.

Эмуль упал голосовой мембраной вперед и замер, кубический космос с мириадами солнц внутри.

Все стихло, и лаборатория погрузилась в гробовую тишину, только в дальнем ее конце за толстым стеклом разевала рот и что-то беззвучно кричала Дарла, расширенными от ужаса глазами взирая на происходящее.

Глава 13
«ПРИЮТ СЧАСТЛИВЫХ»

24 февраля 2031 года

Стэн крепко зажмурил и открыл глаза. Потом попытался подняться. У него ничего не получилось – его левая нога словно онемела и была похожа на безвольный ласт морского животного, то же самое можно было сказать и о его левой руке. Онемение распространялось на всю левую половину тела.

Он тяжело упал на что-то мягкое. Сквозь удушливую вонь до него донесся запах женщины, он лежал боком на… Вэнди?

Вэнди!!! Вэнди???

Она была коматозным человеческим овощем, судорожно дергающимся телом, лишенным всех внутренних законов поведения, диктуемых разумом. Ее дыхание было по-детски прерывистым. Несчастный клон, ты даже не знаешь, как правильно дышать.., хотя…

Он предпринял новую попытку подняться, но не достиг ничего, продолжая бесполезно барахтаться поверх малосимпатичного вэндиподобного существа. Его пенис напрягся, и он сделал то, что должен был сделать. Вэнди это нравилось; если начать вспоминать, то можно с уверенностью сказать, что в последние недели они занимались этим очень часто, очень много. И он, и она были голыми и покрыты потом и грязью.

После того как оба они кончили, Стэн перекатился на правый бок и принялся оглядываться по сторонам, отыскивая скамейку, на которой обычно сидел. Вон она, эта скамейка, вон там.., извиваясь, как червяк, он пополз по заплеванному мерзкому полу тесной каменной клетки, в которой они с Вэнди с недавних пор жили.

Что-то где-то остановилось; что-то ушло, словно бы какой-то звук, к которому он привык, но что именно? Он оттолкнулся рукой, зацепился подбородком за край скамейки, с усилием поднял свое тело и сел. Он все время забывает пользоваться левой половиной тела. Зачем он все время ползает, если должен ходить? Раньше он умел ходить. Он лишился всякого представления о том, что такое пространственная ориентация: даже те пять шагов, которые он прополз от тела Вэнди до скамейки, потребовали от него невероятной концентрации. Он взглянул на Вэнди. Вид Вэнди помог ему сосредоточиться, о многом вспомнить. Он стал плотти, вот в чем дело, а Вэнди –

просто-напросто клон, ее разум девственно чист.

Он плотти и живет в…

– В «Приюте Счастливых», – сказал он громко стенам булькающим и прерывающимся голосом, но все равно испытал от этого удовольствие. Потом начал смеяться и не мог остановиться очень долго. Впечатление было таким, словно месячный запас смеха, который он накапливал в себе, наконец прорвался наружу, хотя и походил теперь больше на стон.

Постепенно его смех перешел в глухой, вынимающий душу кашель, а откашлявшись, он замолчал. Что-то случилось с его небом: на месте мягкого неба у него теперь была большая дыра, в глубине которой словно сидела острая цепкая заноза.

Да, боль была примерно такая. Стэн принялся ощупывать дыру в небе языком, ощупывать и прислушиваться, и оглядываться по сторонам.

Воздух в камере, в которой они с Вэнди находились, стал невыносимо, невероятно тухлым. Впечатление, что они находились в камере, усугублялось тюремного вида решетчатой дверью, расположенной справа напротив него. За дверью можно было разглядеть огромные, залитые розовым светом танки, наполненные густой мутной жидкостью, печенью, легкими и мозгом и, конечно же, вэнди, спокойно плавающими в питательном растворе, лежа на своей гидропонной основе, эти гидропонные танки, возле которых Стэн трудился не покладая рук много дней подряд без отдыха и срока, вкалывал до тех пор, пока хватало сил двигаться, где Вэнди ползала за ним следом, где и ему, и ей, конечно же, разрешалось есть столько сырого мяса и органов, сколько влезет, откуда в конце рабочего дня, срок которого был неопределен, их выпроваживали в камеру «Приюта Счастливых», в котором они спаривались, справляли большую и малую нужду и забывались сном без сновидений. Значит, об этом ему говорил Рикардо?

Стэн припомнил слова красавчика и громко повторил их, с трудом ворочая непослушным языком.

– Тебе на хрен не нужен будет наш мир, Муни-дружище, будешь жить там как король!

Смех-рыдания снова поднялись в нем, слюнявые и всхлипывающие, истерические и глухие, сопровождаемые звуками воздуха, гудящего в дыре на месте пустого неба, поворотами и уколами больших заноз, угнездившихся там, но теперь высвобождающихся и срывающихся, ууууухухухуху.., вот, еще немного.., идет, идет.., ууууугггххх…

Стэн спазматически изогнулся и рыгнул, широко разинув рот, потом еще раз и.., крохотный пластиковый цилиндр с отростками

коготков-манипуляторов вывалился у него изо рта и со стуком упал на пол. Крыса. Вот так-то! Получила? Конец проклятому голосу Елены в его голове, не затихающему ни днем, ни ночью, конец этим мамашиным понуканиям, от которых некуда деться – Стэн, сделай то, Стэн, сделай это, – сама теперь таскай свои противные кишки. Нет больше Елены в Стэне, не станет он больше возиться для нее в этой вони. Он наступил на крысу и растер ее по полу.

Что-то случилось с Еленой; что-то заставило ее остановиться. Боже мой, как это приятно, сидеть вот так, думать самому и смотреть по сторонам.., хотя остается еще проблема.., гм, да.., с его головой не все в порядке, его правая мозговая доля повреждена.., из-за этого он все время забывает включать в работу левую половину тела, просто забывает о ней и все. А сможет ли он двинуть левой ногой, если очень постарается? Если очень-очень постарается? Или о левой половине тела можно забыть?

Он гневно уставился на большой палец левой ноги. Раньше он знал, как двигать этим пальцем, но теперь, без поддержки Елены, когда ее голос в его голове исчез, левая сторона его тела.., он не может.., он забыл, что означает сознательное целенаправленное движение.., схватив большой палец ноги здоровой правой рукой, он принялся энергично крутить его, да, вот так, потом наклонился и понюхал его, лизнул и даже укусил.., ну вот, наконец-то.., палец задвигался.., слабо и неуверенно, по мере того как сигналы мозга пробивали себе новые пути по сетке нервов.., палец колет, словно иголками… точно так же он принялся за левую руку.., вот так, терпение и еще раз терпение.., рука.., левая рука уже может пародировать движения цыплячьих крылышек, делать то, чем он обычно занимался под «Зетом» в Дайтоне.., наклонись вперед, Стэн, и бей левой рукой по левой ноге, много раз подряд, и терпи боль пробуждающихся нервов.., эх ты, Стэн, слюнявый ты старый хрен, паралитик, до такого докатиться…

Когда чувствительность начала возвращаться, он осторожно поднялся на ноги и, раскорячившись, замер перед скамьей, балансируя и покачиваясь, но все же на своих двоих. Потом, решившись, проковылял к Вэнди, наклонился над ней, засунул ей палец в рот и ощупал ее небо, отыскивая крысу, но небо Вэнди оказалось целехоньким – несчастная тупица, она была слишком недоразвита, чтобы представлять хоть какую-то ценность для бопперов.

– Мы уходим, Вэнди; сейчас пойдем домой, малышка.

Все будет хорошо.

Несколько минут он занимался с Вэнди, присев с ней рядом

изгибая и разгибая ее руки и ноги, как физиотерапевт или как это обычно делают со своими малышами матери, растирал ей бедра и грудь, усаживал и снова укладывал ее, все время приговаривая что-то, с удовольствием, словно впервые, пользуясь речью.., да, почти что и так, ведь он молчал целый месяц.

Из событий месяца, проведенного в рабстве, в его памяти не сохранилось почти ничего, только расплывчатые, туманные воспоминания. Возможно, объяснением тут был ужас происходящего с ним, который был настолько велик, что сознание отказывалось его воспринимать. Или, возможно, быстро привыкнув к давай-давай-давай Елены, ее вечным туда-сюда-обратно, его мозг просто не считал нужным делать отметки о событиях окружающего. И наконец, нельзя было забывать и о мозговой травме, которую он перенес от рук хирургов и после которой его полноценность, конечно, стала весьма и весьма сомнительной. Возможно, что и к лучшему.

Кто сделал его таким? Ответ прост: ОСЦС. Но зачем ОСЦС это было нужно? Для того чтобы распространить по Гнезду свою заразу, разумеется, свой чипоед, конечно же. Чипоед сработал, изжарил всем бопперам мозги, и этим все отлично объяснялось. Теперь они просто-напросто несчастные отморозки, да, так называл Вождь Джексон законченных наркошей, забывших все, даже собственное имя, несчастные отморозки. Чипоед достал и его тоже – неделю он проболел.., он вспомнил, как ныли у него почки и как больно было ему глотать.., но он поправился, потому что его битый-перебитый за миллионы лет вэтсофт научился сам всему находить противоядие.

Он взял Вэнди под мышки и подтащил ее к скамейке, усадил там и присел отдохнуть рядышком сам. Сидящая слева от него кукла отрешенно пускала пузыри. Посидев немного ровно, она вдруг сползла по стене набок и свалилась со скамейки на пол.

Оставив пока Вэнди в покое, Стэн снова занялся своими левыми рукой и ногой, сосредоточив все внимание на том, чтобы последовательность сокращений групп мышц при ходьбе и движении рукой запечатлелась в сознании, потом поднялся и проковылял к решетчатой двери камеры. На левый глаз полагаться было нельзя, а левая рука еще мало подходила для тонкой и точной работы, и потому, чтобы открыть дверь, ему пришлось здорово помучиться. На двери замка не было и запиралась она простой поворотной скобой-крючком.., но крючок оказался тяжелым и тугим.., и чтобы одолеть дверной запор, Стэну пришлось научиться двигать руками в направлении, противоположном видимому, как будто глядя на происходящее в стоящее напротив зеркало.., и только изрядно вспотев, он наконец

сумел открыть дверь их застенка.

– Все, Вэнди. Мы уходим.

Подняв Вэнди на ноги, он обнял ее здоровой правой рукой за талию. Двигаясь медленно и осторожно, шаркая ногами по полу, они выбрались из камеры в залитую розовым светом комнату с гидропонными танками. Танки казались ему до боли знакомыми, но пробираться среди них ему, лишенному координации, было настолько же трудно, как через лабиринт. Сворачивая в разные стороны, побродив там и сям, с гулко бьющимся сердцем Стэн наконец добрался до стеклянной стены рядом со входом в шлюз.

Елена и Улалум находились там, где обычно, в рабочем зале, вот только выглядели они плохо, ужасно плохо, не живыми, не мертвыми, а просто неподвижными и имели отсутствующий вид.., а кроме того.., кроме того, их мерц-покров выглядел странно, очень странно. Пестрел ритмично повторяющимися вводящими в транс узорами. По словам Юкавы, чипоед порождал в мозгу бопперов особого вида электрические вибрации, приводящие к нарушению основных связей.

Результатом являлась смесь каталептического состояния и эпилепсии, что вполне подтверждалось тем, что Стэн сейчас видел перед собой. Елена и Улалум сидели посреди зала, погруженные в глубочайший транс в буддистском духе, – просто сидели на полу в подобии позы лотоса, погруженные в аум мане падме хум медитацию, вот это по-настоящему круто, роботы закидываются плесенью и разговаривают с Богом, вот это ништяк. А мерц-покров на них действительно сошел с ума, вытворяет такое, что только диву можно было даваться, весь шел пятнами и разводами, везде, и на здоровенном ловком стручке-операционной Елены, и на ее прекрасной «голове Нефертити» с чертами тонкими и изящными, которой она так гордилась, кстати и не кстати цитируя «К Елене» По, от одного воспоминания о чем у Стэна начинала раскалываться голова, мерзкая старая вампирша, вот кто она, все время она доставала его, а теперь сидит неподвижно, как статуя, и весь ее мерц-покров идет разводами, так тебе и надо. Сидите вы теперь, осьминогоголовая Улалум и зубастая стерва Елена, рядышком посередь комнаты как дуры последние, дожидаясь пришествия Судного дня, и никому до вас нет дела, нет дела до вас, железок. Нет никому дела, и все о вас забыли, и хрен с вами. Так, что теперь?

Стэн серьезно прикинул свое положение. Он хочет убраться отсюда, но снаружи воздуха нет. Как же тогда привел его сюда Эмуль, если снаружи за стеклом везде царит только ледяной смертоносный вакуум? Он попытался вспомнить, и постепенно это ему удалось. Когда он встретился с Эмулем на Рынке, тот дал

ему специальный Плащ Счастья, большой кусок мерц-покрова, который, если его надеть, укрывал с головой, превращаясь в некое подобие скафандра с прозрачным щитком перед лицом. В скафандре Стэн добирался с Рынка в Гнездо к крыс-машине, в пять минут подключившей к его нейропереходнику пластикового грызуна. Воспоминания давались ему с огромным трудом, словно в тот момент он находился под влиянием огромной дозы наркотиков. Точно так же, в Плаще Счастья, он пришел и сюда, на гидропонную ферму, когда Эмуль продал его Елене. Присмотревшись, он заметил, что Плащ Счастья все еще висит на стене прямо напротив двери шлюза, и кстати говоря, тоже выглядит по меньшей мере странно – весь покрыт ярко светящимися точками и даже, похоже, подрагивает и елозит на своем крюке. Но чтобы достать Плащ, ему все равно придется выйти из шлюза, сделать несколько шагов в вакууме, потому что другого пути нет.

Другого пути не было. Да, старина, тебе придется сделать это. Бережно опустив Вэнди на пол и усадив у стены, он вошел в шлюз. Закрывая за собой первую дверь, он очень долго путался и потел, а закрыв наконец, совершенно потерял ориентировку и, открыв в результате снова ту же дверь, ввалился обратно к Вэнди в зал гидропонной фермы. Обнаружив это, он был так потрясен и растерян, что снова забыл о левой стороне тела, всего на несколько секунд, которых хватило, чтобы он споткнулся и упал лицом вниз прямо в теплую кучу, появившуюся тем временем между широко расставленных ног Вэнди, – вот тебе и «Приют Счастливых», здрасьте-пожалуйста. Поднявшись на ноги, он некоторое время обалдело смотрел сквозь стекло наружу, собираясь с духом.

Вновь заметив недостижимый Плащ Счастья, он вспомнил о своем замысле и опять потопал к шлюзу. Ничего нет проще его плана – открыть наружную дверь, выскочить из шлюза, сделать несколько шагов в вакууме, схватить Плащ Счастья и забежать с ним обратно, чтобы уже спокойно надеть. Приготовившись бежать, он положил правую руку на рычаг открывания двери – на правильный рычаг на этот раз, как он надеялся – и ударил неловкой левой рукой по большой круглой кнопке разгерметизации. Воздух со свистом рванулся наружу.., чтобы давление не разорвало ему легкие, Стэн широко открыл рот и глотку.., толкнул дверь и бросился бежать.., по крайней мере попытался это сделать.., очень похожий на чемпиона Олимпийских Инвалидных Игр в забегах на четыре ярда для паралитиков. Господи, только не забудь о том, что у тебя есть левая нога.., вцепился рукой в Плащ Счастья.., жеманно

прильнувший к его руке и с готовностью соскользнувший с крюка.., ох, невыносимый холод рвет пронизывающей болью его уши и ломает хрупкие опустевшие и слипшиеся легкие, пот высыпает кристалликами на его туго натянувшейся коже.., черт, где же шлюз? Вытаращенными глазами Стэн уставился на дверь, совсем не похожую на ту, из которой он только что выскочил, наверное, он не в ту сторону повернулся.., он метнулся кругом.., споткнулся.., о нет! Стукнувшись лбом об пол, он понял, что ничего не успеет больше сделать, что все бесполезно и он сейчас умрет, и в тот же миг Плащ Счастья опустился на него благодатным мягким покрывалом, сам собой превратившись в теплый и полный сладкого воздуха скафандр.

От свежего воздуха у него сразу же прибавилось сил. Стэн заставил себя открыть глаза. Как обычно, часть Плаща Счастья, находящаяся перед его лицом, была прозрачной; он мог прекрасно различать вокруг себя предметы. Почувствовав несколько резких уколов в затылочной области шеи, он вздрогнул от неожиданности, но потом успокоился. Плащ Счастья подключал свои микродатчики к его нервной системе.

Привет, плотти, отчетливо раздался в голове Стэна голос Плаща. Я рад тому, что снова могу помочь твоему телу. Многое изменилось с тех пор, как мы виделись в последний раз.

– Можешь называть меня Стэн. Мне нужно отнести одну вэнди в Эйнштейн, в целости и сохранности. Это приказ Елены.

Ты обманываешь меня, плотти. Бопперы умерли, все до единого. Я голоден и мне нужен свет. Отведи меня на световой круг. После этого я сделаю все, что ты хочешь.

– Хорошо.

Стэн решил помалкивать и поменьше болтать. Поднявшись на ноги, он осмотрелся по сторонам, решая, в какую сторону идти. Вэнди должна была находиться где-то рядом, но он ужасно путался в направлениях. Он забыл, где оставил ее.

– После того как ты поешь, мы вернемся за Вэнди, так я понял?

Да, мы вернемся.

Плащ Счастья подтолкнул Стэна в сторону сидящих на полу Елены и Улалум. Делаясь более жестким то с одной стороны, то с другой, Плащ руководил Стэном и направлял его.

У Стэна не было никакого желания приближаться к кровожадному стручку Елены, но Плащ заставил его подойти к ней вплотную и коснуться ее тела. Испещренный световыми пятнышками мерц-покров Елены тотчас же принялся судорожно мигать – впечатление было таким, словно он и Плащ Счастья разговаривали о чем-то между собой. По молчаливой просьбе

Плаща Стэн положил другую руку на голову безразличной ко всему Улалум, и мерц-покров той отреагировал точно так же.

Отнеси моих друзей к свету, пожалуйста, попросил голос у него в голове. Они тоже голодны, как и я.

Плащ Счастья промигал что-то стробоскопическими вспышками в сторону Елены и Улалум, и кожа соскользнула с удивительных сестер, обнажив гладкую темную поверхность их тел. Хотя, сказать по правде, корпуса гидропонных дев не были так уж совершенно чисты – тут и там в стыках оболочки видна была выпирающая наружу сгустками желтовато-серая плесень. Чипоед. Елена и Улалум боролись за свои жизни, но чипоед удушил их чипы прежде, чем они сумели хотя бы на шаг приблизиться к созданию подходящей вакцины для излечения своего внутреннего недуга. Карающая десница людей настигла их здесь, посреди колыбели изобретенного ими вэтсофта. «Железо» бопперов было уничтожено, но часть его – на гибкой основе, составляющая мерц-покров, симбиотическая имиполексовая кожа, «лимпсофт» – ничего не имела против союза с плесенью. Стэн нагнулся и поднял с пола два шевелящихся имиполексовых кожуха. В слабой лунной гравитации они почти ничего не весили.

Спасибо, плотти.

Направляя его, Плащ Счастья делал это совсем ненавязчиво и не с позиции силы, как Елена; в нужных местах Плащ просто подталкивал его или предлагал голосом сделать то или это. При помощи глаз Стэна Плащ мог видеть, а тело Стэна позволяло ему двигаться и было ясно, что он рад и благодарен Стэну за то и за другое.

– Куда теперь?

Следуй за звездой. Твоя Вэнди может подождать. Позже мы вернемся за ней и заглянем к Дарле.

В поле зрения Стэна появилась яркая звездочка голубого света и, не торопясь, полетела вперед по направлению к входу в ближайший тоннель. Он двинулся за ней следом, иногда теряя из виду, но всякий раз, оглянувшись по сторонам, быстро обнаруживал снова. Возглавляемый путеводной звездой, он вышел из лабораторного зала, проследовал через небольшой коридор и оказался на дне Гнезда, стены которого вздымались вокруг него на необыкновенную высоту, где-то незаметно переходя в купол. Остановившись, Стэн огляделся, постоянно досадуя на ослабленное зрение левого глаза. Форма Гнезда приблизительно напоминала перевернутую воронку, вдоль центральной оси которой вниз падал узкий концентрированный пучок света. Подняв вверх голову, Стэн испытал несколько пугающих секунд адаптации, в течение которых ему казалось, что

он вот-вот оторвется от пола и полетит вниз к устью огромной воронки Гнезда.

Световой круг впереди прямо перед тобой.

Шагая за голубой звездой, Стэн миновал несколько улиц со всевозможными лавочками и магазинчиками, внутри которых тут и там он замечал бопперов. Гнездо стало городом призраков; все его обитатели превратились в неподвижные статуи. Мерц-покров у многих бопперов, чьи батареи истощились окончательно, был темным и обвисшим. У тех же бопперов, в ком сок еще оставался, мерц-покровы пульсировали пятнами и асимметричными разводами. Обладая, по-видимому, высокой светочувствительностью, эти мерц-покровы переговаривались между собой или, может быть, просто посылали друг другу сигналы. Встречая такие покровы, Плащ разражался особой последовательностью стробоскопических вспышек и груза у Стэна прибавлялось.

В конце концов они добрались до светового круга, оказавшегося ровным широким пятачком около пятидесяти футов в диаметре в самом центре города. Внутри круга застыло несколько дюжин парализованных бопперов, под ногами которых извивалось десятка два-три мерц-покровов, сумевших доползти сюда самостоятельно. Бросившие своих погибших хозяев мерц-покровы были похожи на больших ярко окрашенных слизняков.

Когда, остановившись на краю площадки, Стэн скинул с плеча на свет свою ношу, несколько уже насытившихся мерц-покровов торопливо подползли ближе «поговорить». Решив отдохнуть, Стэн растянулся на солнце, дав возможность своему Плащу вдоволь подпитаться светом. Удобно подстелившись под Стэна, благодарный Плащ в ответ качал ему внутрь сколько нужно свежего воздуха. Простодушные микродатчики Плаща просто излучали из себя довольство.

Постепенно Стэн уснул, и ему приснился сон.

Он увидел себя стоящим перед крутым обрывом на красном высокогорном плато, возможно, дело происходило на Марсе. Полной грудью он вдыхал чистый бодрящий горный воздух. Солнце, стоящее высоко в небе, было маленьким и горячим. За спиной у него были крылья, могучие крылья из имиполекса. Он был здесь не один; рядом с ним стояло еще несколько людей, все как один в имиполексовых Плащах Счастья и, так же как и он, с огромными крыльями за спиной, на которых так удобно было парить в поднебесье. Вэнди тоже была здесь, и Уайти, и Дарла.

– Эй, Стэн! – закричали они ему радостными звенящими весельем голосами. – Что стоишь? Давай полетим!

Без страха сорвавшись с места, они вместе побежали вперед

и, кинувшись вниз с крутого обрыва, расправили крылья и принялись описывать широкие свободные круги над раскинувшимся внизу огромным прекрасным городом.

Потом картина его сна мгновенно и круто изменилась, и он оказался на Земле, где-то в океанских глубинах, по-прежнему облаченный в знакомый имиполексовый костюм, на этот раз чуть раздутый и во всем повторяющий очертания дельфина. Рядом с ним скользил другой дельфин – это была Вэнди, она весело жестикулировала, пытаясь объяснить ему что-то. Внезапно перед ними появился густой косяк кальмаров, и с ходу врезавшись в него, они принялись со смехом отгонять от себя руками головоногих.

Он был пылинкой в открытом космосе и с мудрым пониманием взирал на мириады звездных россыпей.

Он медленно плыл в густой непрозрачной метановой атмосфере Юпитера, устремив все свои чувства вниз, стараясь различить могучее пение Великого Единственного.

Просыпайся, Стэн. Мы можем возвращаться. Мы, заберем Вэнди и Дарлу и отведем их в Эйнштейн.

Стэн открыл глаза, поднялся и сел. Какой чудесный, волшебный сон. Елена не позволяла ему видеть сны, и, засыпая, каждый раз в течение прошедшего месяца он проваливался в черную непроглядную тьму.

Плащ Счастья набрался сил и приободрился; при каждом движении Стэна словно подталкивала пружина. Он вскочил на ноги и потянулся. Мягкие тела лимпсофтов помигали ему снизу, желая удачи. Два мерц-покрова подползли к нему, по-видимому, предлагая свои услуги.

Я объяснил им, как стать скафандрами, – сказал голос в голове Стэна. – Забирай их с собой и следуй за звездой.

Лучистое пятнышко света снова появилось перед глазами Стэна, и, захватив под мышку два Плаща Счастья, он быстро заторопился за звездой. Сначала они заглянут к Дарле и спасут ее. Сделать это было необходимо в первую очередь, потому что, по правде сказать, то, что она оказалась здесь, в застенке у бопперов, была его прямая вина.

Лишенный изрядной доли правого мозгового полушария, он не имел ни малейшего представления о том, откуда он пришел и куда идти дальше. Но теперь он об этом почти не волновался. Он отлично осознавал свое положение, понимая, что точно так же, как повреждение левого полушария может привести к частичной потери речи, повреждение правого полушария лишает возможности мысленно выстраивать трехмерную картину окружающего. Но беды здесь большой не было – он обратится за

потерянной частью мозговой ткани в ОСЦС или, на худой конец, если его все же обманут, черт возьми, оставит себе своего нового друга – Плащ Счастья.

Голубая звезда перед ним мигнула и голос в его голове произнес: Я буду рад служить.

Свернув в другую сторону от гидропонных ферм, они углубились в район бесконечных фабрик и мастерских; через некоторое время его окружили высокие молчаливые здания, по всей видимости, чипоплавильни. Постепенно они добрались до противоположной стены Гнезда, где уходящие вверх балконы напоминали уступы. В пять мощных пружинистых прыжков Плащ вознес Стэна на пятый уступ от дна Гнезда, откуда, проследовав через череду разветвляющихся коридоров, он добрался до настежь распахнутой двери в конце короткого тупичка.

Это лаборатория Узера и Эмуля.

Стэн вошел внутрь и огляделся. Длинная комната, в которой он оказался, отдаленно напоминала нору Юкавы. В дальнем конце помещения виднелся ряд металлических шкафов, на полу во множестве валялись комки трепещущего мерцпокрова. Неподалеку от входа он заметил приземистый столик с четырьмя разноцветными инфокубами. Перед рядами металлических шкафов неподвижно лежали тела двух убитых плесенью бопперов, Узера и Эмуля. Мерц-покрова на них уже не было, остались только голые корпуса; от внутреннего напора биомассы корпуса лопнули, как перезрелые стручки гороха. В смысле «железа» Эмуль и Узер напоминали собой старые проржавевшие машины, сквозь которые прорастала трава, или зеркальные абстрактные цветочные горшки, полные побегов молодой зелени, или старые сгнившие деревянные чурбаны, покрытые грибами, называющимися «ведьмины уши» и на ощупь похожие на резину. Одолевшая Узера и Эмуля плесень подходила к концу своего жизненного цикла. На ее желтовато-серых прядях уже дозревали семенные шарики размером с мячики для гольфа. Наклонившись, Стэн сорвал один из семенных шариков; возможно, там, снаружи, он сможет что-то за него выручить. Выпрямляясь, он заметил краем глаза в стороне какое-то движение. В комнате напротив металлических шкафов находилось высокое, от пола до потолка, забранное стеклом окно, за которым… Да кто это? Он точно знал, что уже видел где-то это лицо, но.., дьявол!

Это Дарла, так мне кажется.

Конечно, это она!

– Дарла! – заорал Стэн, понимая, что она, конечно же, не услышит его.

Увидев, что ее заметили, Дарла замахала руками и беззвучно

застучала кулаками по стеклу. Засунув семенной шарик в карман скафандра, Стэн бросился к шлюзу. Путаясь от волнения в рукоятках дверей, он выполнил требуемую последовательность операций и, вконец измученный, ворвался в розовые покои Дарлы. Плащ услужливо соскользнул с его плеч.

Внезапно оказавшись совсем голым, Стэн забыл про левую ногу и упал на бок. Дарла наклонилась над ним, ее лицо было огромным и перевернутым.

– Что с тобой, Муни? Ты нормально себя чувствуешь?

Ты поможешь мне выбраться отсюда?

Он опять забыл ее имя. Уставившись на нее расширенными глазами, он молчал, вдыхая удушливый воздух ее жилья, напитанный запахами женщины.

– Повтори, что ты сказала, Вэнди, я не разобрал.

– Я Дарла, дурак. Ты сможешь вытащить меня отсюда?

– Да, – быстро ответил Стэн и поднялся на ноги.

Если не выпускать Дарлу из виду, то удержать в памяти ее имя было гораздо проще. На ней был фривольный комбинезончик в обтяжку, красно-желто-голубой. Последний раз он встречался с Дарлой у нее дома, месяц назад.

– Да, Дарла, – повторил он. – Я смогу вытащить тебя отсюда – за этим я и пришел. Надень вот это. Вот так.

Подняв с пола свой Плащ, он набросил его себе на плечи, а остальное тот довершил сам. Помедлив в нерешительности, Дарла взяла один из принесенных Стэном мерц-покровов и повторила продемонстрированную ей операцию. Стэн заметил, как Дарла коротко дернулась, когда микродатчики ее Плаща подключились к нервам ее спинного мозга.

– Все в порядке, ничего страшного, – успокоил он ее. – Все так и должно быть.

Она не слышит тебя. Соприкоснитесь головами.

Стэн прижался прозрачным щитком своего забрала к забралу Дарлы.

– Все в порядке, Дарла, не волнуйся. Эти штуковины просто безобидные, добродушные куски имиполекса, лимпсофт, и все.

– Он уколол меня в шею.

Голос Дарлы, доносящий сквозь пластик, был далеким и неясным.

– Подключившись к тебе, лимпсофты смогут видеть твоими глазами и разговаривать с тобой. Плотти быть гораздо хуже, я-то знаю.

– Ты был плотти?

– Целый месяц. Стать плотти меня заставила ОСЦС, не без помощи твоего Уайти. У них был разработан целый план с моим

участием.

– Я говорила тебе, он такой, он тебя достанет. Ну что, теперь мы можем идти?

– Да. Сначала заберем мою Вэнди, а потом отправимся в Эйнштейн.

– Вэнди?

– Ты все сама увидишь.

Повернувшись, Стэн заметил тоннель, начинающийся в дальнем углу комнаты Дарлы. Тоннель был закрыт простой решеткой без шлюза и, очевидно, загерметизирован. Если этот тоннель ведет в Эйнштейн, то это многое для них упрощает.

– Этот тоннель, вон там, он тянется до самого города?

– Раньше так и было и по нему я сюда и пришла. Начало он берет в мерзком магазинчике под названием «Игрушки малышей-шалунов», – ответила Дарла. – Но позавчера Эмуль взорвал начало тоннеля у магазинчика, когда Уайти и его ребята пытались ко мне прорваться.

– Если нам не удастся найти тоннель, ведущий до самого города, нам придется выбираться наружу через горловину Гнезда и весь путь проделать пешком по бездорожью. Я не уверен, что Вэнди это по силам.

– А что стряслось с твоей драгоценной Вэнди? – Дарла начинала терять терпение. Муни не сводил с нее глаз и это ее раздражало, а ему, похоже, наоборот, нравилось.

– Она клон, Дарла. У нее мозг как у ребенка, совершенно пустой. Она ведет себя как стодвадцатифунтовая новорожденная девочка.

– Гляжу, ты тут извращениями решил заняться, легаш.

Хватай этот Плащ, если он для твоей подруги, и пошли.

– Послушай…

Дарла отдернула от его забрала голову, дав понять, что разговор окончен, развернулась и направилась к шлюзу. Стэну ничего не оставалось делать, как двинуться за ней следом, и через минуту они уже очутились в лаборатории Узера и Эмуля.

Вынесите отсюда моих братьев. Они голодны. Отнесите их на световой круг.

– Это невозможно. Слишком далеко. Один я не унесу столько, а Дарле нельзя поднимать тяжести. Хотя, может быть…

Стэн вспомнил свою «умную» бомбу; его Супермяч – Мастера Прыгуна из мерц-покрова.

– Вот что я могу предложить тебе, Плащ. Если твои братья свернутся в шары, я могу сбросить их всех с балкона вниз к свету. Пускай используют инерцию, прыгают и катятся сами до самого места.

Хорошо. Давай я объясню им.

Стэн принялся обходить комнату, по пути прикасаясь к каждому куску мерц-покрова, для того чтобы Плащ мог растолковать им, что нужно делать. Всего мерц-покровов было пятнадцать – тринадцать из металлических шкафов и два сползших с Узера и Эмуля, хотя сказать точно, что откуда взялось, было невозможно. Свернувшись клубками, мерц-покровы сжались как можно плотнее и уже довольно скоро на полу перед Стэном лежало пятнадцать разных оттенков словно бы сделанных из мрамора мячей размером не больше шара для кегельбана. Остановившись в дверях лаборатории, Дарла следи" ла за действиями Стэна. Она уперла руки в бока и многозначительно постукивала мыском ноги по полу. Стэн подошел к ней и прижался к ее забралу своим. Лицо Дарлы было сурово.

– Что за ерунду ты там творишь, Муни, болван ты эдакий?

– Дарла, киска, не забывай, что я все-таки спас тебе жизнь.

Мой Плащ попросил меня сбросить эти шары вниз с балкона.

Мы выполним его просьбу, потом пойдем заберем Вэнди и вместе вернемся домой. Опасности нет и торопиться нам особо некуда, потому "что все бопперы мертвы. Это я убил их всех – чипоедом, который принес в себе. Это было задание, с которым меня посылало сюда ОСЦС, так что будь умницей, стой и помалкивай, красавица.

Настала очередь Стэна отдергивать голову и прерывать разговор. Чтобы позлить Дарлу, он выложил шары в аккуратный треугольник, как перед началом бильярдного поединка.

Нарушение пространственной ориентации сильно затрудняло его задачу, но Плащ помог ему. Взяв два крайних шара – сразу три нести было неловко, – он отнес их, следуя за голубой путеводной звездой, через хитросплетение тоннелей к балкону. Дарла тихо двигалась за ним следом, тоже с двумя шарами в руках. Очутившись на балконе, она вздрогнула от изумления – она никогда не видела раньше Гнезда целиком.

Стэн отыскал в центре среди строений раскинувшегося внизу города световую площадь. Прямо от центральной площади к стене, на которой они стояли, тянулась прямая, как луч, улица. Положив один шар мерц-покрова на каменный пол балкона, обеими руками он поднял другой шар высоко над головой и, размахнувшись, с силой бросил его вперед и вверх. Шар полетел по пологой низкогравитационной дуге и, опустившись точно на улице, высоко подпрыгнул, снова опустился, подпрыгнул опять и выкатился прямо на залитую ярким солнцем площадку. Тогда он поднял второй шар и тоже бросил его, после чего Дарла бросила два своих шара.

Когда они оказались на балконе с шарами в четвертый раз, на долю Дарлы остался только один шар. Она размялась и ее настроение существенно улучшилось.

– Последний шар, Муни. Теперь мы можем идти?

– Да, спускаемся. И зови меня лучше Стэн. Там на столике в лаборатории я заметил несколько инфокубов. Ты не знаешь, что это такое?

– Это персональные кубы Эмуля и каких-то его друзей.

Он берег их как зеницу ока. Думаешь, стоит захватить их с собой? Ты знаешь кого-то, кто захочет купить их у нас?

– Черт, думаю, нам лучше не забивать себе этим голову.;

Лично я предпочел бы забыть о бопперах навсегда. Знаешь, я даже рад, что плесень убила их.

Следуй за звездой, Стэн, она приведет тебя к Вэнди.

Спустившись по стене вниз на дно Гнезда, по окружной дороге они двинулись на другую его сторону. Они шли и шли до тех пор, пока голубая звездочка не нырнула вдруг в один из прорубленных в камне проходов. Они свернули туда же и через несколько минут уже были на гидропонной ферме.

Дарла взяла рычаги на себя, и не прошло и двух минут, как внутренняя дверь шлюза зала с танками распахнулась перед ними. Вэнди по-прежнему находилась там, где Стэн ее оставил, хотя уже не сидела, а лежала на боку, таращась прямо перед собой широко распахнутыми глазами. Она разглядывала свои пальцы и забавлялась с ними. Стэн стянул Плащ с лица и вслед за ним то же сделала Дарла.

– Ну и вонь здесь, – поморщилась она. – Значит, это и есть Вэнди? Дьявол, вот уж бедняга. Она как ребенок, точно, как ты говорил. Кстати, ты видел эту яркую дыру там, наверху? До нее так же далеко, как до неба.

– Согласен, – отозвался Стэн. – Но без Вэнди я никуда не пойду. Ради нее я все это затеял и только с ней я уйду, понятно?

Позволю себе внести предложение, – раздался голос в голове Стэна. – Этот плащ, который ты принес для нее, он поможет ей идти.

– Ты слышишь, как твой скафандр разговаривает с тобой? – спросил он Дарлу.

– Так это скафандр говорит? А я решила, что у меня галлюцинации от того, что я так долго сидела взаперти. Так эти штуки, что же, в самом деле живые?

– Они всегда были разумными, просто теперь, после того как внутри них поселилась плесень, они значительно поумнели. Я называл их Плащами Счастья, но теперь, может быть, их лучше звать плесенниками? Мой Плащ – мой плесенник – говорит, что

скафандр, который я принес для Вэнди, поможет ей передвигаться.

И будет говорить через нее.

– И будет говорить через нее, – подхватила Дарла. – Перестань, мне неприятно.

Она шлепнула рукой своего плесенника, идущего разноцветными разводами.

– Сделай, как он говорит, Стэн.

Он обернул Вэнди оставшимся мерц-покровом, плотно окутавшим ее тело. Долгое время после этого ничего не происходило. Но потом Вэнди начала дрожать, сначала тихо, а потом все сильнее. Наконец дрожь прекратилась и она снова замерла. Прошло еще немного времени – Вэнди пошевелилась и встала. На этот раз задрожал Стэн. Протянув трясущуюся руку к Вэнди, он отвел с ее лица мерц-покров.

– Привет, – ясным и веселым голосом произнесла она. – Как я рада тебя видеть!

Голос ее звучал точно так же, каким он запомнил его с давних времен, ничуть не изменившись.

– Ох, Вэнди.

Стэн прижал ее к себе и крепко обнял.

Глава 14
ДЕЛЛА

7 марта 2031 года

Когда она открыла дверь, на пороге стоял незнакомец. Он был толст и бледен, на вид ему давно перевалило за сорок и его ботинки и костюм были дешевыми и сильно поношенными. Напряженное и по-юношески устремленное выражение лица незнакомца совсем не вязалось с одутловатостью и нездоровым видом его кожи, какой-то опухшей и водянистой.

Возможно, когда-то давно, в молодости, он был довольно симпатичным, но с тех пор сильно изменился, то ли под грузом жизненных передряг, то ли чего-то другого, очень серьезного, возможно, болезни, нарушения гормонального обмена или подобного недуга. Делла похвалила себя за то, что предусмотрительно оставила на двери цепочку.

– Кто вы такой? – спросила она через дверную щель.

Она недавно переехала и держала свой адрес от посторонних в тайне – слишком живо было воспоминание о ненависти и нездоровом лихорадочном внимании, которые они испытали на себе после событий последних месяцев.

– Что вам нужно?

– Мне дала ваш адрес Илей Тэйз. Вам необязательно впускать меня, мы можем прогуляться и поговорить.

Незнакомец приложил указательный палец к губам и уху, очевидно, предупреждая Деллу о том, что все, о чем он ей сообщит, не предназначено ни для чьих ушей, кроме ее.

Делла отрицательно покачала головой. Парень мог запросто оказаться агентом Гимми или ОСЦС, сумасшедшим последователем Мэнчайла, радикальным пуристом или, наконец, обычным сексуальным маньяком. С тех пор как она прославилась как женщина, из чьей утробы вышел созданный бопперами дьявол, с какими только типами ей не довелось столкнуться. После убийства Мэнчайла и ареста Вилли история получила очень широкую огласку. Делла отказывалась давать интервью, но все равно всю подноготную вытянули из нее на перекрестных допросах на судебных расследованиях по делу попытки вторжения бопперов. Миллионы людей желали встречи с Деллой только для того, чтобы взглянуть на нее и перекинуться словом, и, устав от невыносимого внимания, она была вынуждена скрыться, сняв новую квартиру со всеми предосторожностями и

втайне. Толстяк был первым визитером, сумевшим разыскать ее. Как он ухитрился убедить Илей дать ему адрес?

Глядя на него, могло показаться, что он не видел солнца годами. Его тучность выглядела болезненной и неестественной. Учуяв запах, доносящийся с кухни из микроволновки Деллы, в которой она как раз разогревала обед, он быстро облизнул губы с самым хищным и голодным видом, вызвав у Деллы приступ почти физического отвращения.

– Уходите, – коротко бросила ему она, продемонстрировав висящий на поясе игловик. Мужчина поспешно отступил на два шага назад. Ко всему прочему, он был еще и хром, так же безобразно, как и во всем остальном. Делла с силой захлопнула дверь и задвинула засов. Что такое с тетей Илей? Она дала ее адрес какому-то мерзкому инвалиду, которого Делла в глаза никогда не видела. Неужели тетя забыла, как просила Делла их всех оставить ее в покое, как старательно объясняла всем своим туповатым родным, что ей просто необходимо побыть одной? Каким же образом толстяку удалось выклянчить у тети адрес Деллы – может, он предложил ей ДЕНЬГИ – Боже мой, неужели? Когда наконец ее отец и мать, дядя и тетя перестанут думать только о себе?

Одной из причин, может быть, главных причин, по которым Делла согласилась работать на доктора Юкаву, творящего свои темные делишки на Луне, было то, что ей ужасно хотелось уехать подальше от всего, что окружало ее столько лет и до смерти надоело: от родителей и родни, друзей и знакомых. Но в Эйнштейне все началось сначала, люди не давали ей покоя, донимали так или иначе, и босс, и копы, и джанки, которых она не знала как и зовут, и так называемые друзья, из которых, может, только Бадди Эскин был ей не в тягость, он был ласковым, как ягненок, и еще больший, чем ягненок, молчун. У них был их слив, им не нужно было ни о чем говорить и им было хорошо, хотя снова вернуться на этот круг ей не хотелось бы. По крайней мере в ближайшее время.

Вознесенный на пенном гребне последних событий, Эйнштейн переживал свой бум, несколько, по мнению Деллы, искаженный, когда вовсю интервьюируемыми звездами виззи становились люди – ее старые знакомые из слив-тусовки, – стоит ей появиться там снова, как ее немедленно без остатка перемелет денежная машина, нет уж, спасибо. Кроме того, доктор Юкава еще не уставал напускать дым, то и дело двусмысленно поминая в интервью «свою бедную Деллу», именно так, и продолжая бомбардировать письмами и звонками ее родителей, на которые Делла категорически отказывалась отвечать, и это было еще

одной причиной, по которой она решила сменить жилье. Доктор Ю очень часто приходил к ней в ночных кошмарах. Нет, со сливом она покончила раз и навсегда, во всех отношениях.

Вернувшись на кухню, она достала из микроволновки жареного цыпленка и, включив виззи, уселась с едой перед экраном. Еще одним опосредованным результатом всей этой заварухи стала ее привычка регулярно смотреть вечерние программы новостей. Это было очень удобно, поскольку позволяло видеть всех людей, кто был хоть как-то интересен, на экране. Сегодня могло появиться что-то новое по делу Вилли Тэйза – ожидалось, что вердикт суда будет вынесен со дня на день.

Программа новостей уже началась. Передавали живую трансляцию из здания ОСЦС в Эйнштейне: репортер задавал вопросы Стэну Муни и Уайти Майдолу, счастливо улыбающимся и обнимающим сидящих рядом подруг, Дарлу и Вэнди. Уайти и Дарлу она знала – это были люди из слив-тусовки: Уайти был панк или рокер, а Дарла – его подружка. Со Стэном Муни Делле никогда встречаться не доводилось, но она заочно знала его по семейным историям и старым хроникам новостей. Его женщина, Вэнди, была блондинкой с невероятно чистой и мягкой кожей. По словам Муни, у Вэнди была амнезия.

Их правдивая история была яснее ясного всякому более или менее соображающему существу на Земле и Луне. Сотрудничающий с недавнего времени с ОСЦС доктор Маке Юкава, желая отомстить за изнасилованную бопперами Деллу Тэйз, создал чипоед, действующий разрушительно на цепи роботов. Уайти Майдол, чью жену Дарлу Старр бопперы похитили примерно для тех же целей, с какими была использована ими Делла, и также обуреваемый жаждой мщения, заставил Стэна Муни доставить некоторое количество спор чипоеда Юкавы в Гнездо. Успешно выполнив возложенную на него, миссию, Стэн Муни сумел выбраться из Гнезда, спастись сам и спасти Дарлу и загадочную Вэнди.

Интервьюером был представительный симпатяга Тобб Зануна. С интересом прислушиваясь к вопросам и ответам, Делла ела своего цыпленка с аппетитом и жадно, по-холостяцки.

* * *

Тобб: При вербовке ОСЦС было ли на вас оказано ДАВЛЕНИЕ, мистер Муни, например, со стороны Уайти или кого-то еще?

Стэн: Долго ли им пришлось меня уговаривать? Не очень, хоть я и не сразу согласился. Но я рад, что благодаря этому мне удалось спасти Ди и Ви. Самым сложным оказалось выбраться из Гнезда на поверхность. К счастью, в Гнезде нам удалось найти

союзников, они нам очень помогли. Я говорю о разумных мерц-покровах бопперов, они отличные ребята.

Как видите, одного из них я ношу с тех пор на себе постоянно. У меня поврежден мозг, и он помогает мне справляться с этим и кое в чем другом.

(Крупный план, демонстрирующий пятнистый толстый пластиковый шарф, обернутый у Муни вокруг шеи.).

Стэн: (Очень серьезно.) Я называю его плесенником. Это своего рода симбиот.

Тобб: (Широко улыбаясь.) Это может стать началом новой моды. Как я вижу, эта симпатичная молодая леди, сидящая рядом с вами, тоже носит похожий шарф. (Доверительно.).

Вэнди, всех нас по-прежнему интересует история вашего появления. Насколько я понимаю, вы пришли из Гнезда – но чем вы там занимались? Не могли бы вы рассказать нам что-нибудь о своем прошлом?

Вэнди: (С ясной и открытой улыбкой.) Мое тело, Тобб, это выращенный бопперами в гидропонных танках клон покойной жены Стэна, Вэнди. Когда ему представилась возможность жить дальше с вэт-копией его жены, он с радостью на это согласился. Само собой, девушка, появившаяся на свет из недр гидропонного танка взрослой и уже полностью сформировавшейся, мало подготовлена к городской жизни, но мой плесенник помогает мне ориентироваться. (Многозначительный смех.) Как только мне выдастся возможность побывать на Земле, я обязательно повидаюсь там со своими биологическими родителями. И еще – можно, я скажу им, Стэн?

Стэн: (Сияя от счастья и накручивая на палец кончик шарфа.) Конечно, я не против!

Вэнди: Мы решили пожениться и завтра у нас свадьба!

Тобб: Вот это здорово! Я поздравляю вас, Вэнди! От лица виззи-зрителей желаю вам счастья в семейной жизни. Каковы ваши ближайшие планы, Стэн? До меня дошли слухи, что вы теперь очень и очень обеспеченный человек. Чем вы собираетесь заняться – может быть, решите отдохнуть и посвятите себя семейной жизни?

Стэн: (С легкой улыбкой.) Нет, Тобб, у меня другие планы.

Открыть их я сейчас не имею возможности, могу только посоветовать набраться терпения и подождать.

Тобб: (Оглянувшись в камеру.) А он не так-то прост, этот Муни, вы не находите? Настоящий герой нашего времени с крепкой закваской. Теперь я хочу спросить кое о чем Дарлу Старр. Вы беременны, Дарла, если я не ошибаюсь?

Дарла: (Быстро жуя резинку.) Верно. Я жду двойню. (Задвигав

челюстями еще быстрее.) Для того-то бопперы и похитили меня. (Хочет сказать что-то еще, но потом останавливается, очевидно, передумав.).

Тобб: Значит, Уайти станет отцом близнецов? (Фон: смех зала.).

Дарла: Спросите Уайти.

Уайти: Оба ребенка нормальные. Мы уже обращались за осмотром и прошли все анализы. Проверку аминотипов и все такое и самое главное, тест на гибберлин, который оказался отрицательным. В Дарле нет гибберлина. Ни о каком новом Мэнчайле речи быть не может, это будут две хорошенькие девочки. Нам с Дарлой пришлось поволноваться.

Тобб: Ну что ж, похоже, что сегодняшний вечер приносит нам только хорошие новости, не правда ли? Заранее поздравляю! (Внезапно посерьезнев.) Не так давно, на закрытой конференции, созванной правительством Луны, мне удалось поговорить с доктором Максом Гибсоном-Юкавой и задать ему несколько вопросов, в том числе и один вопрос, который, я уверен, чрезвычайно волнует нас всех. Он дал мне ответ и позволил открыть его вам. О чем я спросил его, вы, наверное, догадываетесь: какую опасность представляет чипоед для людей и азимовских компьютеров и существует ли такая опасность вообще? Скажу сразу, что доктор Юкава рассмеялся и успокоил меня. Предлагаю вашему вниманию фрагмент виззи-записи нашей беседы.

(На экране появилось иссушенное, задумчивое лицо Юкавы.).

Юкава: Небольшой риск имеется, но в основном, Тобб, это относится к ослабленным индивидуумам. По мнению подавляющего большинства носителей чипоеда, недомогание, связанное с ним, переносится так же легко, как грипп, например. Мы работаем сейчас над созданием вакцины, но решение задачи затрудняется повышенной генетической изменчивостью чипоеда, что затрудняет создание подходящей для него «серебряной пули», но не ставит это под сомнение.

(Видно, что Юкава горд своим неуязвимым детищем.) Несколько более серьезно обстоит дело с работоспособностью наших собственных азимовских компьютеров. (Мощный выплеск статики.) Путей выхода из затруднительного положения здесь несколько, из них самым перспективным я назвал бы применение новых компьютерных технологий. Так, сейчас ОСЦС занимается разработкой бесчиповых параллельных компьютеров, действие которых основано на целлюларной автоматической симуляции с использованием зараженных плесенью тканей мерц-покровов.

Тобб: (Говорит очень быстро.) Благодарю вас, доктор Юкава.

Другие новости Луны на этот час: силы быстрого реагирования Гимми потерпели новую неудачу при попытке проникнуть в Гнездо, запрет на перелеты Луна – Земля продлен на неопределенный срок, и паника на валютной бирже. Но сначала сегодняшний репортаж из Луисвилля, от Сюзи Пиггот.

Сюзи?

Сюзи: Спасибо, Тобб. Я Сюзи Пиггот, коренная жительница Луисвилля. Сегодня утром было продолжено судебное слушание по делу Вилли Тэйза, Лютера и Джиджи Джонсон.

Сегодня же промэнчайловские религиозные радикалы устроили очередное пикетирование Дворца правосудия. Результатом пикетирования было столкновение с полицией. Есть раненые.

(Кадры хроники, на которых несколько дюжин людей несут в руках плакаты с надписями: «Религия Мэнчайла ЖИВА!!!», «Скажем НЕТ геноциду!», «Свободу ВИЛЛИ», «ЛЮТЕР и ДЖИДЖИ невиновны!», «Мы ВСЕ ЛЮДИ!». В отдалении людей с плакатами поджидают полицейские с дубинками наготове.).

Сюзи: Сегодня же после полудня суд вынес вердикт по всем трем делам, дав идентичное заключение: виновны. На этом Верховный судья Ливайс Картер прекратил заседание суда, которое будет продолжено в понедельник и на котором будет вынесен приговор.

(На экране демонстрируются кадры, где показано, как Джиджи и Лютера выводят из здания Дворца правосудия и усаживают в машину. Когда машина с Джиджи и Лютером отъезжает, из дверей Дворца появляется в окружении конвоя Вилли, вид у него как в воду опущенный, голова понурена, руки закованы в наручники за спиной. Его сажают в черный броневик…).

Вилли признан виновным! Кусок цыпленка застрял у нее в горле. Ей даже в голову не приходило, что судебное следствие по делу бопперов может зайти так далеко. Она и все ее родные были сурово допрошены еще на первых шагах расследования. Ловкому адвокату, которого наняли родители, удалось убедить прокурора, что, являясь невинной жертвой, Делла не имела никакой возможности узнать о том, кем станет ее ребенок. Доанисты пытались подать на Тэйзов в суд, обвиняя их в «пособничестве хладнокровному убийству» Джимми Доана – того старика-сторожа, которого съел Бубба, – но адвокат Дон Стюарт заверил папу, что у доанистов нет ни единого шанса, и реальное обвинение может быть выдвинуто только против Вилли, а остальные не подпадают ни под одну статью судебного преследования.

Положение Вилли действительно было очень серьезным –

сотни свидетелей видели, как он увозил в своей машине из Фейрграунда Кобба и Киско в вечер убийства Мэнчайла. Той же ночью Вилли был арестован у себя дома. Он отказывался давать показания, но позже выяснилось, что он отвез Кобба и Киско в Черчилль-даун к Джонсонам, где и появился на свет Бубба. Вилли обвинялся сразу по нескольким пунктам: в предательстве человечества, заговоре и пособничестве убийству Джимми Доана. Милый чудак Вилли – что собирается сделать с ним Гимми? Предательство человечества карается, наверное, смертью. Бедный Вилли.

Делла поймала себя на мысли о том, что может чувствовать сейчас тетя Илей. Может быть, этот незнакомец, которого она прислала к ней, имел какое-то отношение к Вилли?

Вдруг это был адвокат?

Делла переключила виззи в режим телефона и набрала номер Илей. Дозвониться удалось не сразу. На тете Илей лица не было.

– Я тоже не знаю этого человека, но может быть.., может быть, он знает, как помочь Вилли. Я в отчаянии и Колин тоже. Вилли наверняка казнят; они убьют его так же, как убили моего отца! Прошу тебя, Делла, если он пришел к тебе, выслушай его – когда судьба Вилли решается, ты не сможешь оставаться в стороне, ты ведь никогда не была эгоисткой. Мы должны ухватиться за любую соломинку, за все, что подвернется. Пойми, Делла, ведь это ВСЕ ТВОЯ ВИНА! ЭТО ТВОЯ ВИНА, ты, пустоголовая искательница приключений!

Делла молча прервала связь и выключила виззи. То, что говорила тетя Илей, было оскорбительно, но ее можно было понять. Но чем она могла помочь? Делла походила по комнате, потом подошла к окну и взглянула на улицу. На противоположном тротуаре на скамейке сидел, ссутулив плечи, мужчина, его фигура выделялась темным силуэтом. Посидев некоторое время неподвижно, он поднял голову и взглянул вверх, и свет уличного фонаря упал на его лицо. Это был тот самый незнакомый толстяк-инвалид, что стучался к ней недавно.

Только увидев его внизу, Делла поняла, что заранее знала, что тот будет ждать.

Отступив от окна, она взвесила на ладони игловик. Зачем приходил к ней этот человек? Она подумала о том, какое лицо было у Вилли, и вспомнила голос тети Илей: «Ты не можешь оставаться в стороне».

– Господи, что происходит? – прошептала она, надевая ветровку. Засунув игловик в карман куртки, она вышла из квартиры и спустилась вниз.

Человек на скамейке заметил ее сразу же, словно ждал.

Увидев, что она идет к нему, он поднялся и, сильно хромая, двинулся по боковой обсаженной деревьями дорожке. Делла быстро нагнала его и пошла рядом.

– Кто вы такой?

– Догадайтесь сами.

Этого было достаточно, чтобы она все поняла. Ну конечно же. Они так и не нашли тело Буббы.

– Так ты…

– Совершенно верно, бабушка. Я – Бубба.

– Господи. Бубба. Ты рассказал Илей?

– Нет, но, мне кажется, она сама догадалась. Да и что тут гадать? Я позвонил ей, когда узнал, что у Вилли дела плохи.

Способ, как его вытащить, я придумал, но мне нужна помощь.

Мимо них с шумом пронесся автобус. Вдоль улицы дул мокрый и пронизывающий мартовский ветер.

– Но у Илей ты не стал просить помощи?

– За ней постоянно следят. Мне нужна цефапленка, над которой Вилли работал перед самым арестом. Пленка находится у Вилли дома. Желательно получить оригинал. Я уже видел эту пленку в «Ля Мираж», но мне нужно просмотреть ее еще раз.

– И что же записано на этой пленке?

– Ты поможешь мне или нет? – Голос у Буббы был резким и напряженным, он не переставал опасливо озираться по сторонам. – Откровенно говоря, мне не нравишься ни ты, Делла, ни вообще люди. Они убили всех, кого я любил, ранили меня, отстрелили мне мошонку, а потом охотились на меня, как на…

– У тебя.., тебе отстрелили…

– Вот именно, бабушка, так что насчет того, что я могу наброситься на тебя, можешь не волноваться. Когда мне только-только сравнялось тринадцать, они загнали меня на свалку. Я знал, что есть человека нехорошо, но…

Яркий свет уличных фонарей остался далеко позади. Бубба остановился и заглянул Делле в лицо. В призрачном сиянии далеких огней одутловатость его щек скрадывалась. Его рот был напряжен и сжат в узкую полоску, а маленький острый нос по-мальчишечьи вздернут.

– Ты поможешь мне?

– Да, – ответила Делла, которой ничего другого не оставалось. – Я помогу тебе. Куда мне отнести пленку?

– Отдашь ее одному из черных стюардов на «Красотке Луисвилля». Я сейчас живу там, Красотка согласилась меня спрятать. Думаю, Вилли говорил тебе, что Красотка – это боппер, сто-гигафлоп. Я хочу взломать азимовский код Красотки, и это мне уже почти удалось, не хватает только кое-чего главного, что,

как мне кажется, должно иметься на пленке Вилли. Один раз я уже видел эту пленку, но тогда у меня не хватило времени хорошенько подумать.

В квартале от них на улицу вывернула машина; Бубба вздрогнул – ему явно не терпелось скорее уйти.

– Договорились?

– Да, – ответила Делла и ободряюще пожала Буббе руку, Тот дернулся и отпрянул от нее. Автомобиль проехал мимо, осветив их фарами, и они снова оказались в темноте, где единственным звуком, нарушающим тишину, был свист холодного ветра в голых сучьях деревьев-скелетов.

Делла улыбнулась Буббе, вдруг вспомнив о своих прогулках с пятидневным Мэнчайлом. Бедняга.

– И знаешь что, Бубба, по-моему, нет ничего страшного в том, что ты съел этого Доана – не стоит так убиваться. Из того, что я видела о его семье, я поняла, что он был полный ноль и дрянь-человечишко. Твой отец тоже был довольно оригинален в выборе пищи – однажды он съел нашего пса, Броузера.

Делла сухо рассмеялась.

– Ему тогда было двенадцать, а я прогнала его.

По губам Буббы скользнула тень улыбки.

– Ничего, бабушка Делл, мы знаем, как выживать. Спасибо тебе за все. Возьми пленку и отнеси ее Бэну: так зовут одного из стюардов на «Красотке». Если все получится, мы сумеем вытащить Вилли из тюрьмы.

В отдалении мелькнули фары другого автомобиля. Бубба приложил указательный палец к губам и уху, как при первой встрече, повернулся и, не оглядываясь, двинулся вниз по улице.

Прошагав полквартала, он свернул в переулок, бросив последний взгляд на Деллу, которая стояла и смотрела ему вслед.

Ключи от машины были у нее в кармане и спуститься в гараж и взять свою машину, старенький «паскаль-турбо», она смогла не заходя домой. Проехав до конца Восточной Парковой улицы, она свернула в переулок к дому тети Илей и дяди Колина.

На противоположной стороне улицы напротив их дверей дежурила полицейская машина и несколько репортеров, но Делле удалось проскочить на своем «паскале» мимо и взбежать по ступенькам прежде, чем они атаковали ее со своими вопросами. Тетя Илей открыла дверь, как только она нажала кнопку звонка.

– Делла!

Худощавая Илей по-прежнему казалась несгибаемой, хотя от горя на ее лице прибавилось морщинок. Проводив Деллу в гостиную, она предложила ей чашку чая и принялась говорить, не переставая теребить крупные шарики своих тяжелых бус. Руки

тети Илей заметно дрожали.

– Боюсь, Делла, что здесь полно подслушивающих устройств, поэтому нужно говорить осторожно, хотя, по сути дела, мне глубоко на все это плевать. Думаю, ты знаешь, что судья Ливайс Картер широко известен как тупой ненавистник всего связанного с бопперами. Он приговорит моего Вилли к смерти, я не сомневаюсь…

– Это.., это ужасно. Господи, мне жаль, что все так получилось. Но…

– Прости меня, Делла, я с тобой так грубо разговаривала, прости. Но ведь ты бросила нас, уехала, словно тебе больше дела до нас нет, но ты тоже переживаешь, я это теперь вижу и понимаю, что не должна была так говорить. Я помню, молоденькой девушкой ты была такая хорошая и добрая, Вилли просто души в тебе не чаял. Все так пошло наперекосяк…

– Это я вас во все втравила, тетя Илей. Вот…

– Ты уже виделась с кем-нибудь из наших родственников? – спросила ее тетя Илей, сделав «особое» лицо. Она имеет в виду Буббу, поняла Делла. Наверняка тете Илей хватило одного взгляда, чтобы узнать человека на экране виззи. Она всегда была такой – любопытной, остроглазой и сметливой.

Делла чуть заметно кивнула и поднялась.

– Я хотела попросить у вас несколько цефакассет Вилли, просто посмотреть. Я все время думаю о нем и вот решила, что, может быть, эти записи помогут мне, как бы это сказать, почувствовать себя.., ближе к нему, наверное.

– Хорошо, я не против, дорогая, бери, что тебе нужно.

Спустившись в подвальчик Вилли, Делла оглянулась вокруг. Просторная комната с двумя крохотными забранными сеткой окошками под поточком была полна всяческих игрушек, которые сам Вилли называл не менее как экспериментальным оборудованием: лазерами и проекторами, компьютерным «железом» и всяким старым электронным барахлом.

Цефаскоп стоял на своем месте. Рядом на полочке аккуратно рядком были расставлены десятка два-три помеченных ярлычками кассет с записями. Постояв немного над кассетами, Делла выбрала для себя три штуки, на одной из которых значился ярлычок «21 января 2031».

Она поднялась наверх в гостиную и еще с полчаса говорила с тетей Илей о том о сем. Слово за слово тетя начала вспоминать о старых временах, а потом разговор зашел о Коббе.

Первый раз в жизни Делла почувствовала, насколько крепко переплелась судьба ее семьи с историей противоречивых взаимоотношений людей и бопперов. Впервые она увидела себя

как часть нечто большего, чем просто она сама. Полная новой спокойной уверенности, она вышла на улицу. Снаружи у двери ее уже ждали, мужчина и женщина. Репортеры. Или копы.

– Миз Тэйз! – крикнула ей женщина, напористая сука. – Что вы собираетесь делать, если вашего двоюродного брата казнят?

Мужчина цепко держал лицо Деллы в объективе своей камеры.

– Не считаете ли вы себя главной виновницей происшедшего? – продолжала требовать ответа напористая.

– Простите, – тихо отозвалась Делла, машинально возвращаясь к своей ставшей уже привычной маске пассивной нейтральности. – Мне нужно идти.

Черт побери, Делла, пронеслось у нее в голове, не слишком ли дешево ты дала им отделаться. Ты ведь могла задать им перцу. Ты умеешь.

В ожидании бурной реакции репортеры преследовали ее до самой машины.

– Говорят, что Тэйзы любят роботов больше, чем людей.

Что вы можете сказать по этому поводу? – не унималась репортерша.

Повернувшись к суке, Делла несколько секунд смотрела в ее пустое кукольное личико под Бэтти Крокер. «Если кто и есть робот, ТАК ЭТО ТЫ, – хотелось ей крикнуть. – Не Береника и не Кобб, не Мэнчайл и не Бубба, а ТЫ, поганая сука!» Но ведь этого от нее и ждали. Нет, сейчас не время для таких заявлений.

Чувствуя за спиной всю свою семью, Делла собрала волю в кулак и, глубоко вздохнув, спокойно проговорила в камеру:

– Позвольте мне ответить на ваш вопрос несколькими встречными. Почему для некоторых людей так важно видеть в роботах бездушных машин? Почему зеваки смеются в зоопарках над обезьянами? Почему богатые не устают повторять, что бедные люди живут так, как того заслуживают? Почему так редко среди нас встречаются такие, кто способен проявить терпимость к своим живым собратьям? Расстаться с чувством вины можно, лишь только отказавшись от эгоистической самовлюбленности.

Поймите, как только чувство вины уйдет, нужды в ненависти больше не будет. Это все, что я хотела сказать. Прощайте.

Оператор с камерой процедил сквозь зубы что-то оскорбительное по поводу последователей Мэнчайла, но Делла уже не слышала его – она сидела в машине, которая через минуту покатила ее к причалу «Красотки». Она чувствовала себя прекрасно, так, как не чувствовала уже давно. Когда она ступила на борт «Красотки», было около девяти часов вечера. На нижней палубе, переоборудованной под бар и танцпол, гремела музыка и

было полно народа. Многие танцевали. За стойкой бара Делла заметила черного стюарда, потом, оглянувшись, обнаружила двух его товарищей, обслуживающих клиентов в зале, вытирающих столы и разносящих бокалы с коктейлями.

Делла решила устроиться у стойки и, усевшись на табурет, многозначительно взглянула на бармена.

Только заметив ее, он сразу к ней подошел.

– Чефо шелаете?

– Дрэмби, пожалуйста. Вас ведь Бэн зовут?

– Верно. А ваш я тоше шнаю.

– Вот и хорошо.

Делла поставила на стойку сумочку, да так неловко, что кассеты так и посыпались из нее по ту сторону прилавка.

– Господи, я такая неуклюжая.

– Вше в порядке, мэм.

Бэн нагнулся и, подобрав с пола кассеты, протянул их Делле. Кассет в его руках было две.

– Спасибо, Бэн. С меня причитаются большие чаевые.

– Большое шпашибо вам, миш Тэйш.

Глава 15
ВИЛЛИ

16 марта 2031 года

Он спал, мастурбировал и выкурил все свои сигареты и теперь ему нечего было делать, кроме как просто сидеть на прикрученной к стене металлической койке с тощей подстилкой. В сотый раз он взглянул на свои часы – 15.09. В прошлый раз, когда он смотрел на часы, на них было 15.07. Некоторое время он следил за минутной стрелкой, потом лег на спину и закинул руки за голову.

– Эй, Тэйз, ты слышишь меня? Тейз, эй, Тейз?

В двух камерах от него сидел юный грабитель. Всю прошлую ночь и утро он буйствовал, а теперь изнывал от одиночества. Непонятно, был ли он на самом деле двинутым или прикидывался.

– Бопперы трахали Вилли-милли в задницу!

Вилли не ответил. Он давно уже знал все, что мог сказать ему этот парень.

– Эй, Вилли, старина, извини, что я про тебя так, но у меня в башке звенит без парилова, я тут с ума схожу. Поговори со мной, Вилли, как человека тебя прошу. Расскажи мне о Мэнчайле.

Вилли не ответил. Завтра судья Картер зачитает ему приговор, а ведь ему светит смертная казнь. То, что он сделал, люди не прощают. Вилли попытался представить себе смерть.

По дороге в Черчилль-даун Кобб III рассказал ему кое-что о смерти. Он сказал, что смерть совсем не так страшна, как о ней думает большинство людей. Но сам-то Кобб умер стариком; он успел и жениться, и наплодить детей, и создать своих бопперов. Если бы Киско Ливайс не умерла, Вилли мог бы жениться на ней. Ее убили, бедняжку. Тогда, в их первую и единственную ночь в доме Пигготов, он упустил свой шанс, стал ломать комедию, когда нужно было лечь с ней и все. А так он уйдет, не оставив после себя совсем ничего, пустоцветом. Он так и не взломал азимовскую защиту Красотки. В машине он рассказал Коббу о Задаче Континуума и тот подкинул ему несколько очень интересных идей. Настолько интересных, что Вилли был уверен: окажись у него побольше времени, он бы закончил с Красоткой. Чувствуя, что тучи сгущаются над ним, он сразу, как только вернулся домой, записал все сказанное Коббом и свои мысли на цефапленку, но найдется ли теперь кто-нибудь, кто сумеет

разобрать за обычной картинкой его тайное послание? Завтра его приговорят к смерти на электролисте, а еще через две недели отведут в камеру с металлическими стенами, представляющую собой огромный мегафарадный разрядник, потом между металлическими пластинами проскочит мощный полосовой электрический разряд, в камеру войдет судебный исполнитель, подметет с пола чуточку черного пепла, который останется от Вилли, и отдаст его отцу и маме. Вилли закрыл глаза и принялся думать о том, что Кобб рассказывал ему о небесах.

Тинейджер снова начал бесноваться, разбудив угрюмого громилу, сидящего в камере в другом конце их коридора, который стал хрипло ругаться и орать на него. Маньяк, сидящий прямо напротив Вилли, принялся бить ногами в железную дверь и истошно выкрикивать: «ЗАТКНИТЕСЬ ВЫ ВСЕ ИЛИ Я УБЬЮ ВАС!»

ККР-ТСУУУУМПпппп…

Взрывная волна больно ударила Вилли в уши. Сразу же вслед за взрывом наступила гробовая тишина – все в соседних камерах, и бесноватые и разозленные, замолчали, напряженно прислушиваясь. Где-то за стеной внизу противно заскрипел по бетону металл. В коридоре послышались мерные, быстро приближающиеся шаги.

– ВИЛЛИ? Где вы, масса Вилли? Вы здесь…

– БЭН! – заорал Вилли. – Я здесь, Бэн! Сюда, скорее!

Через мгновение Бэн уже заглядывал в окошко камеры Вилли. Раздался могучий удар и дверь камеры распахнулась.

Вилли сорвался с места и бросился к чернокожему бармену.

С тяжелым пулеметом в руках и связкой гранат через плечо Бэн выглядел очень грозно. Было видно, что он уже успел побывать в деле – мерц-покров на нем в некоторых местах был поврежден и наружу проглядывал блестящий титанопластовый корпус. Теперь, когда Вилли оказался в коридоре и когда все перестали орать, можно было различить доносящийся откуда-то с нижних этажей Дома Общественного Надзора рассыпчатый треск автоматического оружия. Выходит, кто-то все-таки сумел взломать азимовскую защиту Красотки, и она прислала к нему на выручку своих стюардов-манипуляторов.

Покров на половине лица Бэна был сорван и было трудно разобрать его выражение, но в том, что он выглядел сердитым и решительным, чем обычно, не было сомнений. Очень сердитым и решительным, но все же довольным, что видит Вилли, – это было ясно.

– Нужно торопиться, босс. Держись за моей спиной – я пуленепробиваемый.

Провожаемый приветственными криками из камер, Вилли

бросился по коридору вслед за Бэном к широкой железной двери на мощных петлях. Вскинув пулемет, Бэн пинком распахнул дверь и выпустил длинную очередь. Из-за двери донеслись пронзительные крики.

Выскочив из коридора, они оказались на широкой площадке, вниз и вверх с которой вели ступеньки. На площадке мешками лежали два убитых копа. Бэн направился к лестнице, и Вилли, подхватив игловик одного из копов, рванулся следом. Взбежав вверх на один пролет, они остановились перед лестницей, ведущей прямо на вертолетную площадку. Где-то сбоку, за стеной, вовсю шла пальба из автоматов и несколько раз гулко хлопнули разрывы гранат.

– Поднимайся наверх, – бросил ему Бэн, – Но на крышу не выходи. Я тебя догоню.

Взбежав вверх еще на пролет, Вилли оглянулся и увидел, как Бэн заканчивает выламывать на нижней площадке тяжелую дверь. Том и Рэгланд, два других манипулятора Красотки, уже были с ним и стреляли из пулеметов вниз, удерживая копов. Бэн швырнул дверь на лестницу, перегородив ею проход, после чего стюарды втроем еще несколько секунд поливали нижние площадки ураганным огнем. Повернувшись, они бросились наверх вслед за Вилли, улюлюкая и испуская победные крики.

Перед дверью на крышу все устроили передышку. Снизу не было слышно ни стрельбы, ни звуков шагов – копы больше не пытались их преследовать, если, конечно, хоть один коп остался в живых.

– Биг Мак уже с нами, Том, – сказал Бэн.

– Я знаю, он только что передал мне. – Том шлепнул себя по лбу. – Бубба закончил ломать код. Я предлагал взять Биг Мака на себя, но он сказал, что сам быстрее управится.

Бэн и Вилли, вы идете вперед. Мы с Рэгландом прикроем вас.

– Добро, – отозвался Бэн.

Он толкнул Вилли вперед, но у того уже не было сил бежать. На улицах снаружи перекликались сирены, но внутри Дома Общественного Надзора царила сверхестественная тишина. Те из охранников, кто еще уцелел, наверняка попрятались и сидели тихо, как мыши.

– Значит, Бубба жив? – спросил Вилли. – Как он?

– Ему уже сорок девять, – ответил Том. – Он использовал теории бесконечности Кобба с твоей кассеты и на прошлой неделе взломал азимовский код Красотки. После этого мы разработали план, на первом этапе которого мы должны были освободить тебя, а на втором – старину Биг Мака, тюремного терафлопа, принадлежащего Гимми Луисвилля, понимаешь? Я

получил его азимовский код.

– Код Биг Мака основан на доказательстве Великой Теоремы Ферма, – подал голос Вилли, – так, кажется? Кобб помог мне направить Буббу на верный путь в решении Задачи Континуума, а теперь вы щелкаете знаменитые теоремы как орехи за один день?

– Главное – понять суть, – улыбнулся Том. – Тебе достаточно будет самому раз взглянуть и ты разберешься.

Бэн хлопнул Вилли по плечу.

– Будет топтаться на месте, масса Вил, нужно двигать. Я выйду на крышу и посмотрю, как там обстоит дело с вертолетами, а потом просигналю тебе.

Махнув на прощание рукой Тому и Рэгланду, Вилли выбрался вслед за Бэном на крышу.

Три стоящих на крыше вертолета стерегли двое охранников, укрывшихся в бетонной будке. Выставив перед собой пулемет, Бэн принялся поливать свинцом будку, не давая охранникам высунуть носа, попутно расстреляв двигатели двух ближайших машин, потом махнул рукой Вилли. Согнувшись в три погибели, Вилли пробежал к третьему вертолету и, забравшись в кабину, начал лихорадочно осматривать тумблеры и кнопки. На вертолете он летал всего один раз лет пять назад и приблизительно помнил основные принципы пилотирования аппарата. Он перекинул несколько тумблеров, и большой водородный двигатель, закашлявшись, взревел и ожил. Вилли нажал еще несколько кнопок и перекинул рычажок – над его головой со свистом начал раскручиваться тяжелый ротор винта.

Стреляя короткими очередями, Бэн подбежал к вертолету и боком запрыгнул на второе сиденье. Вилли стиснул руками джойстик атаки винта и толкнул его вперед на взлет. Похожий на сердитую пчелу, вертолет снялся с места и быстро поднялся в воздух.

Биг Мак прикрывал их. Все двери Дома Надзора распахнулись и преступники толпами выбегали на улицу. Огонь пулеметов со смотровых башен тюрьмы, которыми управлял Мак, не давали охране возможности занять позиции для прицельной стрельбы. С высоты Вилли заметил Лютера и Джиджи Джонсон, бегущих впереди всех; они с ходу прыгнули в ожидающую их машину и уехали. Развернув вертолет, Вилли понесся над домами ночного Луисвилля прочь от тюрьмы, держа по указанию Бэна курс на восток.

– Куда мы летим, Бэн?

– К старым складам. Там тебя ждут друзья Джонсонов, мясники.

– Ты хочешь сказать, органлеггеры?

Бэн хмыкнул. Целая сторона его лица была обращена к Вилли и тот, бросая на негра короткие взгляды, подумал, что стюарда едва ли можно теперь отличить от человека.

– Нет, просто мясники, хотя, конечно, от подработки они не отказываются. В основном они занимаются доставкой мороженой говядины. Они согласились отвезти тебя во Флориду в контейнере со стейками.

– И там я буду в безопасности?

– Во Флориде законы Гимми мало кто уважает. Там живет старичье, физеры, да ты, наверно, и сам знаешь. Они-то и заправляют там всем. Там ты должен будешь встретиться с одним парнем, Стэном Муни. Торч Муни, ты не мог не слышать о нем! Это он первым убил на Луне Большого Боппера, после чего там началась вся эта свистопляска. После он случайно застрелил свою жену, Вэнди, подался на Луну, добыл там себе клона Вэнди и теперь очень близкий друг новых, мягких, бопперов. Плесенники, так он называет их, – они возникают из зараженного плесенью мерц-покрова. Лимпсофты. Красотка и Бубба связались с ним на прошлой неделе.

Муни решил вернуться на Землю вместе с Вэнди и ему нужна твоя помощь – он решил образовать тут свою секту, совсем новую.

Слева внизу от них появились темные прямоугольники складов. Оглянувшись назад, Вилли увидел, как от города за ними мчатся в погоню полицейские машины. Из рассказанного Бэном мало что дошло до его сознания – слишком много информации свалилось на него за такое короткое время.

Все его внимание было сосредоточено на полете. Сделав над складами круг, он заметил черную машину и рядом с ней людей, мужчину-негра и белую женщину, вовсю размахивающих руками. Он потянул джойстик на себя, завис над двором склада и сел.

Подбежавший к вертолету мужчина рывком распахнул дверь.

– Ты – Вилли Тэйз? Скорее вылезай, нужно ехать!

Ни слова не говоря больше, мужчина побежал к машине, задняя дверца которой ожидала открытой, и уселся за руль.

Вилли повернулся к Бэну:

– А как же ты, Бэн?

– Мои часы сочтены, масса Вил. Раньше или позже они начнут бомбить «Красотку», а кроме того, плесень все равно нас прикончит.

Бэн засунул руку в карман комбинезона и вытащил оттуда инфокуб.

– Вот, возьми, Вилли, – тут Том, Рэгланд и я. Забери это с собой, скоро увидимся. А пока – пока. Ничего, особой спешки нет – ты понимаешь, о чем я.

Сирены выли уже где-то совсем близко. Они ударили по рукам и Бэн ухватился за джойстик.

Вилли спрыгнул на землю и побежал к машине. Сзади на него налетел шквал ветра – Бэн поднял вертолет и, сделав небольшой круг, полетел над дорогой навстречу приближающимся сиренам. Очень скоро со стороны города донеслось четкое та-та-та его пулемета.

Вилли забрался на заднее сиденье черного автомобиля и захлопнул за собой дверцу. Женщина повернулась и улыбнулась ему, мужчина молча перебросил скорость и заработал рулем, От шоссе донесся грохот взрывов – Бэн явно решил забрать с собой побольше копов.

Поколесив по пригородам Луисвилля, они остановились у темного обветшалого дома неподалеку от мясоперерабатывающего комбината. На нижнем этаже дома горел неоновый знак – пивная кружка: это была ничем не примечательная пивная для простых рабочих.

Женщина выбралась наружу и вслед за ней вылез Вилли; черный автомобиль развернулся и исчез в темноте. Они вошли в переполненную прокуренную пивную, где навстречу им из-за одного из столиков поднялся старый лысый негр, ходящий раскорякой. Вслед за негром они спустились в подвальный этаж. Негра звали Кельвин Джонсон, а женщину – Керол Эрли. Оба они показались Вилли весьма дружелюбными, несмотря на то что подвал оказался просто заваленным мясом – тут были и человеческие органы, но хватало и обычной г говядины.

– Надеюсь, ты не страдаешь клаустрофобией? – спросила его Керол.

– Если хочешь, мы можем вколоть тебе что-нибудь, – предложил ему Кельвин, снимая крышку с переносного титанопластового термобокса размером с два гроба. Внутри бокса, до половины, были грудой навалены замороженные стейки и отбивные.

– Мне забираться внутрь? – спросил Вилли.

– В десятку, сынок, – кивнул лысой головой негр. – Завтра уже будешь на месте. Вот тебе термокомбез-пузырь, в нем не замерзнешь. Давай шевелись. Грузовик приедет через десять минут.

– С Луисвиллем тебе придется распрощаться, – сказала Керол. – Гимми не оставит тебя в покое. Но там, во Флориде, ты начнешь новую жизнь, иначе взглянешь на мир. Думаю, Стэн на многое откроет тебе глаза.

Снаружи с неба донесся раздирающий рев быстро летящих к городу реактивников.

– Что происходит? – с тревогой спросил Вилли. – Что они затеяли?

Пол задрожал у них под ногами, с города волнами несколько раз накатил грохот мощных разрывов.

– Господи, – прошептала Керол. – Легавые. Одно только и знают.

– Что?

– Реактивники прикончили «Красотку» и Биг Мака. Остается надеяться, что машины успели связаться с остальными азимовскими компьютерами Гимми и объяснить им, как взламывать охранный код.

– Ничего, Керол, не грусти, – успокоил ее Кельвин. – Секта еще жива. «Красотка» и Мак погибли, но Гимми ничего этим не добилось. Большие бопперы сейчас тоже ничего не решат. Теперь мы все в одинаковом положении, перевеса сил нет ни на одной стороне. Давай, Вилли, полезай в комбинезон.

Забравшись в пузырь, Вилли растянулся на спине внутри термобокса, прижав инфокуб Бэна руками к животу. Кельвин и Керол набросали на него стейков и, улыбнувшись на прощание, опустили крышку и закрыли замки. Довольно скоро он почувствовал, что термобокс подняли и куда-то несут; потом ящик вздрогнул, и он понял, что его путешествие в кузове фургона-рефрижератора началось.

Его комбинезон-пузырь был сделан из мягкого и удобного имиполекса по принципу мерц-покрова; комбинезон согревал Вилли, а когда ему надоело таращиться в темноту, он натянул имиполекс на лицо и, закрыв глаза, смог дышать кислородом, который производил его костюм. Через некоторое время он уснул.

На границе штата Флорида грузовик был остановлен для досмотра, который, как обычно, оказался поверхностным – никто не удосужился заглянуть в фургон и проверить термобоксы, где в одном из них находился Вилли. Через кордон он проехал, даже не проснувшись, а когда открыл глаза, долго лежал и думал о том, что за жизнь ждет его впереди.

Наконец фургон вздрогнул и остановился – путешествие было закончено. Стукнула дверь, его бокс вынесли наружу и откинули на нем крышку. Когда его глаза привыкли к свету, он обнаружил, что находится на просторной ярко освещенной кухне – за окнами было темно, видно, ночь еще не кончилась. Повернув голову, он увидел склонившуюся над ним седую пожилую леди.

– Ну вот ты и на месте – со счастливым прибытием.

Вылезать – вылезай, но мясо на пол не бросай.

– Что это за место?

– Это дом престарелых ОСЦС в Форт Майерс, Флорида,

бывшая усадьба Томаса Альвы Эдисона, сейчас тут живут физеры, в свое время послужившие хаосу на славу. Меня зовут Энни Кашинг, когда-то я знавала твоего дедушку, Кобба Андерсона. А ты, как я слышала, хакер Вилли Тэйз? Насколько я понимаю, это ты взломал азимовский код больших азимовских бопперов в Луисвилле?

– Это не совсем так, я только помогал. Значит, вы имеете отношение к ОСЦС? Я считал, что ОСЦС и Гимми – это одно и то же.

– Вовсе нет, Вилли, вовсе нет.

Энни принялась хлопотать вокруг него, сняла с его головы мерц-покров и пригладила волосы.

– В отличие от Гимми ОСЦС никогда не проводила единую линию политики; оружием ОСЦС всегда являлся хаос.

Что оказалось верным – взять хотя бы то, как ОСЦС разрослась за последние годы. Теперь Земле угрожает чипоед, который раньше или позже здесь все равно появится, и чем раньше это произойдет, тем лучше. ОСЦС уже подготовила рынок для новых, гибких, компьютеров. Через несколько часов сюда прибудет Торч Муни – он-то и принесет на себе первые споры чипоеда.

– Но ведь корабли с Луны не летают, как он сможет добраться?

– Точно так же, как это проделали несколько месяцев назад Береника и Кобб – он летит сам по себе, пользуясь ионными соплами мерц-покрова. Он уже в пути.

Энни Кашинг погладила имиполексовый рукав комбинезона Вилли.

– Советую тебе сохранить эту штуку, Вилли, – Стэн сделает тебе из него такого же помощника, какой уже есть у него самого. А теперь пойдем со мной – тут есть для тебя одна работенка.

Вслед за Энни он вышел из кухни и, пройдя под шелестящими в ночном бризе пальмами, добрался до пристройки, внутри которой был оборудован машинный зал с многочисленными мониторами и компьютерными блоками. Несколько стариков, сидящих перед экранами, не обратили на их приход особого внимания. Они остановились у дверей, и Энни объяснила Вилли его задачу. Стэн Муни и Вэнди должны были прилететь на Сэнибел-Айланд на рассвете и от него требовалось, пользуясь имеющимся здесь в распоряжении оборудованием, попытаться помешать локационным станциям Гимми засечь их.

Несмотря на всю кажущуюся сложность, подобная работа не составила Вилли особого труда. После короткой подготовки ровно в четыре утра он ввел в национальную сеть своего

«муравья», замаскировав его среди деталей фона одного из файлов графической гипертекстовой библиотеки в разделе «Фото новостей и рекламы». Время от времени, а точнее, несколько раз в час, компьютеры Гимми обращались к различным разделам графической библиотеки – Вилли знал об этом, и его «муравей», запустившись, поднялся по коммуникационному древу гипертекстов и во время очередного обращения проник в операционную систему местных Гимми. Начинкой его был вирус классического военного типа, поражающий блоки памяти и запрограммированный на самовоспроизведение по экспоненте. Уничтожить такой вирус было несложно стандартными антивирусами, но только располагая исходными данными о типе вируса и его основных признаках, поэтому лучшему системному дебаггеру Гимми потребовалось около двух часов, чтобы выяснить источник заражения и проследить путь «муравья» вплоть до его старта из цифрового фото Кобба Андерсона, снятого в момент ареста по обвинению в предательстве человечества. Пока шла эта дезинфекция, копы были слепы, как кроты в солнечный день.

– Так просто? – удивилась Энни Кашинг, – Сунул им живца, – пробасил один из старых хакеров, наблюдающий через плечо Вилли за его действиями. – Без толку бить их в лоб – слишком здоровы, а живец был в самый раз.

– Здесь записаны системы моих друзей, – сказал Старику Вилли и отдал ему инфокуб Бэна. – Если удастся, пожалуйста, запустите их где-нибудь.

Через полчаса они с Энни уже сидели на песке на пляже Сэнибел-Айланд и неотрывно смотрели на тихо плещущие волны Мексиканского залива. В маленьких серых волнах резвились дельфины, то и дело выскакивая из воды; в стае их было двенадцать или пятнадцать. Вот бы и ему уплыть вместе с ними.

Откуда-то сверху донесся тонкий высокий звук – описывая в небе круги, к пляжу с неба спускались две фигуры. Из-под ног небесных пришельцев били пучки яркого света, за спиной у них трепетали широко расправленные сияющие крылья. Чтобы не пропустить что-нибудь, Вилли откинулся на спину и, пытаясь привлечь внимание летящих, замахал руками вверх и вниз. Энни, которая все предусмотрела, быстро разожгла костер.

Свет под ногами небесных фигур погас, и они устремились вниз, чудесным образом перемещаясь по воздуху на своих широких роскошных крыльях, по которым скользили неземные разноцветные всполохи. Когда крылатые создания оказались совсем близко, Вилли заметил, что их имиполексовые капюшоны откинуты и головы непокрыты: черты лица Стэна были четкими и мужественными, Вэнди сияла молодостью и красотой.

– Наконец-то я дома, – крикнул им с воздуха Стэн. – Спасибо тебе, Вилли, ты здорово помог нам, старина.

Опустившись на песок рядом с Вилли, Стэн укрыл его одним крылом, от которого немедленно отделился большой кусок имиполекса и слился с мерц-покровом-пузырем Вилли. Мгновенно от нового фрагмента по костюму Вилли распространились световые волны; Вилли улыбнулся, почувствовав, как тончайшие, в волос, датчики прокололи кожу его шеи и в него проникают новые знания и ощущения.

– Могу и с тобой поделиться, Энни, – предложил Стэн.

– Нет уж, я слишком стара для таких забав. Вы, молодые, идите одни.

Вслед за внутренними переменами Вилли ощутил, как начал меняться его покров внешне, утолщаясь в одних местах, подбираясь в других. Со Стэном и Вэнди происходило то же самое: мерц-покров на них приобретал форму вытянутых удлиненных тел, с могучими плавниковыми лопастями вместо ног. С первыми лучами восходящего солнца они бросились в воду и, мгновенно исчезнув в волнах, понеслись под сверкающей поверхностью моря вперед.